

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2023. Том 11, № 2

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Sci. (Ped.), Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Cand. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Dr. Sci., (Sociol.), Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Dr. Sci., (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Dr. Sci. (Sociol.), Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Тихонова Н. Е., Дудин И. В.

Основные противоречия российского общества
в восприятии населения страны: сравнительная значимость,
динамика, факторы 6

Кузнецов И. М.

Патриотизм региональной молодёжи в социологическом
измерении (на примере Пензенской области) 25

Чумиков А. Н.

Медиация в системе конфликтологии социальных
взаимоотношений: состояние и перспективы развития 41

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ефимова Г. З.

Профессиональная самопрезентация научно-педагогических
работников в виртуальных социальных сетях 57

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Журавлёва И. В.

Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения . . . 80

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Кажанов О. А.

Предыстория электоральной социологии в дореволюционной
России: опыт междисциплинарного анализа 104

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Гречаная А. А., Орлов Д. А.

Чрезвычайное волонтерство: современные проблемы
и перспективы развития 124

РЕЦЕНЗИИ

Гешева Е. Г.

Российское образование в историко-социологической
перспективе. (Рец. на монографию: Андреев А. Л. Российское
образование в Пушкинскую эпоху: система,
институциональная структура, социокультурные среды.
М. : Издательство МЭИ, 2022. 452 с.) 150

CONTENT

MODERN RUSSIAN SOCIETY

Tikhonova N. E., Dudin I. V.

The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. 6

Kuznetsov I. M.

Patriotism of the regional youth in the sociological dimension (case of the Penza region) 25

Chumikov A. N.

Mediation in the system of conflict management theory: state and development prospects 41

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Efimova G. Z.

Professional self-presentation of research and teaching staff on social network sites. 57

SOCIOLOGY OF HEALTH

Zhuravleva I. V., Petrenko E. S.

Individual responsibility for health: patterns of behavior. 80

HISTORY OF SOCIOLOGY

Kazhanov O. A.

Prehistory of electoral sociology in pre-revolutionary Russia: an experience of interdisciplinary analysis 104

SOCIAL MOVEMENTS

Grechanaya A. A., Orlov D. A.

Emergency volunteering: modern problems and development prospects 124

REVIEWS

Gesheva E. G.

Russian education in the historical and sociological perspective. (Review of the monograph: Andreev A. L. Russian education in the Pushkin era: system, institutional structure, socio-cultural environments. Moscow: Izdatel'stvo MEI; 2022, 452 p.) 150

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ

Наталья Евгеньевна Тихонова¹

Илья Васильевич Дудин²

^{1, 2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID [0000-0002-5826-4418](https://orcid.org/0000-0002-5826-4418)

² dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958)

Для цитирования: Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1). EDN [HGVOFG](https://edn.ru/HGVOFG).

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2005–2022 гг. продемонстрированы особенности восприятия представителями массовых слоёв населения страны наиболее острых противоречий российского социума; выявлены факторы, определяющие это восприятие. Рассмотрена динамика отношения россиян к ключевым социальным противоречиям, обсуждаемым в соответствующем научном дискурсе. Показано, что острее всего среди представителей массовых слоёв весь рассматриваемый период воспринимались противоречия между богатыми и бедными, а также властью и народом. Государственных чиновников россияне в основном рассматривали при этом как мешающую успешному развитию страны группу, хотя такое их восприятие сильно зависело от места жительства респондентов. К противоречию между включением России в процессы глобализации по предлагаемой Западом модели и ориентацией на сохранение самобытности и самостоятельности страны россияне относились обычно довольно индифферентно, хотя «всплески» обострений отношений с Западом вызывали рост значимости данного противоречия в общественном сознании. Факторы восприятия противоречий российского социума населением имеют как объективный, так и субъективный характер. Среди первых наиболее важным является социальное и материальное благополучие в различных их формах, а среди вторых – чувство несправедливости происходящего и субъективное материальное неблагополучие. Переосмысление в последние годы места страны в геополитическом пространстве приводит к росту консолидации массовых слоёв, «пики» которой приходятся на периоды усиления конфронтации с Западом. Эта тенденция действует даже

несмотря на падение с середины 2010-х гг. уровня реальных доходов населения, однако она не снижает остроты противостояния, в сознании населения, массовых слоёв общества, с одной стороны, и его экономической и политической «верхушки», с другой.

Ключевые слова: социальные противоречия, консолидация общества, массовое сознание, межгрупповые конфликты, социальная напряжённость

Введение

В условиях нарастающей конфронтации нашей страны с коллективным Западом особую актуальность приобретает вопрос об основных противоречиях российского общества. С одной стороны, само по себе их наличие ничего драматического в себе не несёт, поскольку именно они обуславливают развитие любого социума. Однако, с другой стороны, далеко не все противоречия могут быть разрешены в желательных для самого общества формах. Более того – доходя до своей острой фазы, они неизбежно дестабилизируют общество, препятствуют его консолидации, особенно значимой в периоды обострения внешних угроз.

В то же время далеко не все противоречия представляют одинаковую опасность для консолидированности социума. Это связано как с их разной объективной остротой, так и, главное, со степенью отрефлексированности их в общественном сознании и болезненностью их восприятия. Вот почему предметом нашего исследования стало именно восприятие основных противоречий современного российского общества в массовом сознании, включая специфику этого восприятия в отдельных социальных группах¹.

Характеристика основных противоречий современных обществ в литературе и эмпирическая база исследования

Список посвящённой основным противоречиям современного мира литературы практически бесконечен. Поэтому ниже, при характеристике того, какие именно противоречия заслуживают рассмотрения применительно к анализу российского социума, мы отметим только те работы, которые оказали прямое влияние на выработку нашей методологии и интерпретацию полученных в ходе проведённого анализа результатов.

Говоря о современном этапе развития мира в целом, в качестве основного противоречия, определяющего его развитие, зарубежные авторы называют обычно диссонанс между процессом глобализации общественной жизни и идущей на всех уровнях (от отдельных индивидов до союзов стран) борьбой за сохранение их суверенности / права на само-

¹ Восприятие социальных противоречий в элитных и субэлитных слоях населения – особая тема, которая должна выступать предметом самостоятельного анализа.

бытность. Однако при этом каждый из них делает акцент на определённой стороне этого расхождения. Так, М. Кастельс противопоставляет обезличенный универсальный мир (Сеть) имеющим свою уникальность отдельным субъектам (локальным, этническим и т. п. сообществам и даже конкретным людям) [1]. И. Валлерстайн утверждает, что суть конфликтов между глобальной миросистемой и отдельными её элементами заключается не в борьбе за право на сохранение в её рамках своей самобытности, как считает М. Кастельс, а в борьбе за устранение в ней дискриминации [2]. В развитие этой идеи Э. и П. Даль Бё говорят о том, что основным противоречием в глобализирующемся мире является борьба за правила, регулирующие производство, перераспределение и присвоение материальных и нематериальных благ, которая может проявляться даже в виде роста преступности или в гражданской войне [3]. Достаточно самобытной на общем фоне выглядит концепция У. Бека; он видит основной антагонизм современной эпохи в противостоянии стран, распределяющих богатства, и стран, распределяющих риски [4].

Многие авторы сосредотачивают своё внимание на противоречиях, связанных с растущей ролью культуры в условиях глобализации. Так, С. Хантингтон говорит о том, что именно между обществами с разными культурами, а не между странами, будут вестись войны в глобальном мире [5]. Р. Инглхарт и К. Вельцель сосредотачивают своё внимание на противоречиях в развитии самих нормативно-ценностных систем в ходе перехода к глобальному обществу. Они утверждают, что основным элементом личности формирующихся в ходе этого процесса обществ является стремление к возможности свободного самовыражения, личной независимости. С возрастанием их важности усиливается и желание людей бороться за свои права против государственного аппарата [6], что, в свою очередь, превращает противоречие между ними в одно из важнейших для современных обществ.

Среди других разновидностей характерных для современных обществ противоречий зарубежными авторами называются обычно расхождения между разными социальными общностями (национальными, поколенческими, гендерными и т. д.), между разными элитными группами, а также идеологические и иные. В их числе, например, противоречия, связанные с конфликтами интересов в сфере трудовой деятельности. Это и столкновения из-за потери рабочих мест в ходе автоматизации [1, с. 158–160], и споры на почве заработной платы [2, с. 180–181], и противоречия между интересами работников и работодателей в ходе усугубляющегося процесса прекаризации занятости [7], и конфликт поколений, когда «слабые» на рынке труда возрастные группы (молодёжь и пожилые) оказываются в ситуации жёсткой конкуренции между собой, а средние поколения принимают на себя повышенную трудовую и экономическую нагрузку. Конфликты на этой почве, подрывающие общественную солидарность, М. Кастельс называет «войнами поколений» («age wars») [1, с. 412–413].

Большинство всех этих общих для современного мира в целом противоречий имеют единую причину – желание противоборствующих сторон улучшить или сохранить своё положение в ходе переживаемых сейчас миром глобальных трансформаций. Не случайно граждане стран с большей долей домохозяйств со средним доходом, а также более высокими показателями ВВП на душу населения и Индекса человеческого развития реже говорят о наличии в их обществах острых социальных коллизий [8]. Однако есть и противоречия, имеющие не экономический, а социокультурный характер (между сторонниками разных религиозных конфессий, различных идеологических взглядов, представителями тех или иных культурных традиций и т. д.), которые далеко не всегда подчиняются этим закономерностям.

Проблематика противоречий обществ современного типа широко представлена и в отечественной науке. При этом одни авторы при рассмотрении типичных для мира в целом противоречий сосредотачиваются в основном на тех, что носят базовый, системный характер [9; 10 и др.], а другие концентрируются преимущественно на противоречиях более частного порядка. Так, например, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов продолжают начатое ещё Г. Стэндингом обсуждение проблематики роли в современном мире процесса прекаризации [11]. В. Г. Морогин фокусируется на нормативно-ценностном аспекте соответствующей проблематики [12]. Широко распространён и анализ противостояния России и «коллективного Запада», в ходе которого страны Запада пытаются использовать в своих интересах процесс глобализации [13; 14 и др.].

Однако часть отечественных авторов сосредотачивается преимущественно на внутренних противоречиях российского общества, для которых разногласия общемирового характера служат лишь фоном и влияющим на форму их проявления фактором. Одна линия исследования этих противоречий связана с политологическим анализом и подразумевает внимание прежде всего к антагонизмам, связанным с борьбой за власть (столкновение интересов различных групп политической элиты, разногласия политической и экономической элиты и т. п.). Примером авторов, работающих в русле этой традиции, является С. Е. Кургинян [15].

Другая линия анализа представлена в основном социологами и связана с анализом восприятия противоречий российского общества населением страны в целом или отдельными его группами [16; 17; 18 и др.]. В русле этого направления лежит и ряд опросов, проводящихся ВЦИОМом, ФОМом и т. п. Однако в ходе их исследований отечественными социологами не был пока проведён комплексный анализ восприятия противоречий российского общества в массовом сознании с учётом как определяющих это восприятие факторов, так и его динамики. Более того – даже единого консенсусного списка наиболее важных для российского социума противоречий всё ещё не существует.

Тем не менее, из приведённого выше обзора литературы понятно, что в числе ключевых противоречий всех современных обществ обычно фигурируют разногласия между сторонниками и противниками глобализации по западной модели, работниками и работодателями, сторонниками различных идейных воззрений, властью и обществом, чиновниками и рядовыми гражданами, представителями разных поколений, членами тех или иных элитных групп, представителями различных конфессий, местными и приезжими и т. д. От этого многообразия рассматриваемых в научном дискурсе противоречий мы и отталкивались в своём анализе.

Эмпирической базой его послужили данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого Мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства [18, с. 9–10]. В нашем исследовании использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г. (N=4000), мае 2017 г. (N=4000), марте 2021 г. (N=2000) и марте 2022 г. (N=2000). Однако за основу анализа был принят 2021 г. (N=2000): в этот момент уже начала спадать напряжённость, вызванная пандемией коронавируса, но ещё не начала оказывать своё влияние проблематика, связанная с СВО на Украине и фактическим началом войны с «коллективным Западом». Таким образом, данные этого года в наибольшей степени позволяют проанализировать «фоновое» восприятие россиянами наиболее болезненных для российского общества противоречий, характерное для относительно спокойного периода его развития. Наряду с данными Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН при анализе использовались также данные исследования «Собственность в жизни россиян: домьслы и реальность» (апрель 2005 г., N=1750), репрезентировавшего население страны по территориально-экономическим районам в соответствии с районированием ФСГС РФ, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства.

Отношение населения страны к наличию острых социальных противоречий в российском обществе

Большинство респондентов ощущают наличие в российском обществе острых противоречий – только 17% представителей массовых слоёв считали весной 2021 г., что никаких острых разногласий в нём нет, и это довольно типичный показатель для относительно спокойных периодов развития российского социума – в 2017 г., например, он составлял 16%. Обострение ситуации в обществе, независимо от причин этого обострения, приводит к снижению доли не видящих в нём никаких противоречий (весной 2022 г., например, после начала

СВО на Украине, эта доля сократилась почти вдвое). При этом даже в относительно спокойное время представители массовых слоёв видят обычно не одно, а сразу несколько противоречий, которые они оценивают как острые и болезненные. Об этом говорит, в частности, то, что в списке наиболее острых противоречий, который в разных опросах 2005–2022 гг. насчитывал от 15 до 19 позиций (из них респондентам надо было выбрать не более трёх¹) модальным всегда был выбор всех трёх возможных ответов.

Оценки российского общества как такого, в котором острые противоречия отсутствуют, имеют довольно чёткую специфику локализации. Во-первых, их чаще можно встретить среди и объективно, и субъективно экономически благополучных на общем фоне групп – включённых в способные оказать им разные виды поддержки помимо хозяйственно-бытовой помощи социальные сети (21% у тех, чьи сети могут оказать им не менее 5 видов такой поддержки), имеющих среднедушевые доходы более 2 медиан характерных для их типов поселений доходов (20%) и т. п. Тем не менее, даже в этих относительно благополучных в экономическом плане группах доля считающих, что в России нет острых межгрупповых противоречий, составляла в 2021 г. менее четверти. С другой стороны, экономическое неблагополучие понижает вероятность ответа об отсутствии в российском обществе острых противоречий. Так, среди имеющих 2 и более вида долговой нагрузки об этом говорили тогда лишь 11%, среди считающих себя малообеспеченными – 12% и т. д.

Во-вторых, отношение к наличию в российском обществе острых противоречий сильно различается в территориально-поселенческом разрезе. И хотя выборка опросов, на которые мы опирались в своём анализе, не является репрезентативной для регионов, однако более чем 10-кратные перепады в доле не видящих в российском обществе острых противоречий в тех или иных из них говорят сами за себя. Отчётливо заметна (и с годами усиливается) болезненность восприятия данной проблематики, в частности, в Москве и Санкт-Петербурге, где об отсутствии острых противоречий в обществе весной 2021 г. говорили лишь 9% населения.

В-третьих, отношение к вопросу о наличии в российском обществе острых противоречий связано с общим психологическим настроем человека. Так, среди живущих с доминированием позитивных чувств в их повседневном настрое россиян более 20% (при 11% у живущих с доминированием негативного психологического фона) были убеждены в отсутствии таких противоречий между любыми группами российского социума. Учитывая это, естественно, что младшая возрастная группа молодёжи, которая традиционно характеризуется

¹ Вопрос задавался в следующей форме: «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?» и допускал в том числе ответ «Никаких острых противоречий нет».

повышенным жизненным оптимизмом, наиболее позитивно настроена и в этом отношении – среди молодёжи до 25 лет включительно считали, что в российском обществе нет острых межгрупповых противоречий, 24%, в то время как среди перешагнувших 65-летний рубеж – лишь 13%.

Однако сильнее всего на ощущение отсутствия в стране острых межгрупповых противоречий влияют факторы, связанные с особенностями нормативно-ценностных систем россиян, и это четвёртый блок характеристик, влияющих на распространённость среди них такого рода оценок. Так, например, об отсутствии в российском обществе острых противоречий очень редко (лишь в 9% случаев) говорили ориентирующиеся на приоритетность прав человека в сравнении с интересами государства. Определение сравнительной статистической значимости связи мнения, что в российском обществе есть острые противоречия, с более чем 600 переменными массива, проводившееся с помощью программы Chaid¹, также показало, что в наибольшей степени наличие этого мнения связано именно с разного рода мировоззренческими особенностями человека, в частности с восприятием происходящего вокруг него как несправедливого, а также с недоверием к разного рода структурам и институтам государственной власти.

Более того – вопрос о доверии, и не только к государственной власти, является своего рода водоразделом для видящих и не видящих в современном российском обществе острые противоречия. Так, 70% отмечающих эти противоречия считали весной 2021 г., что для российского общества в последние годы характерен рост в нём недоверия, в то время как свыше половины (53%) утверждающих, что никаких острых противоречий в российском обществе нет, были с этим утверждением не согласны. При этом речь для них шла о росте недоверия не только к тем, кто принимает судьбоносные для страны или их региона решения, но и к судебной системе, официально распространяемой информации и даже государственным медицинским учреждениям, т. е. об уровне институционального доверия в целом.

Кроме того, убеждённые в наличии такого рода противоречий в 1,5–2 раза чаще говорили о росте в последние годы социальной напряжённости в российском обществе (53% против 34% у считающих, что острых противоречий в российском обществе нет), своём регионе (45% против 27%), городе или селе (40% против 20%). Почти вдвое различалась у них и доля тех, кто считал, что путь, которым идёт Россия, тупиковый (48% и 28%). Такие оценки дополнялись спецификой понимания собственных возможностей для реализации в сложившихся ус-

¹Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) является одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы.

ловиях своих жизненных устремлений: свыше половины (53%) считающих, что в российском обществе нет острых противоречий, говорили о том, что у них нет никаких значимых нереализованных стремлений, в то время как видящие антагонизмы респонденты более чем в половине случаев (51%) были убеждены, что реализовать свои стремления им мешают разного рода внешние факторы, причём почти две трети этой группы (31% всех опрошенных) ссылались на то, что осуществить их жизненные планы в России в принципе невозможно.

Таким образом, на отношении россиян к вопросу о наличии в российском обществе острых противоречий сказываются и объективные, и субъективные их характеристики. Это говорит о сложной природе данного феномена, тесно связанного как с мировоззрением человека (его общим отношением к реализуемому пути развития России, институтам власти и т. п.), так и с его социально-экономическим благополучием. При этом мировоззренческие и социально-экономические факторы могут действовать подчас в противоположных направлениях.

Сравнительная значимость различных социальных противоречий в восприятии россиян и её факторы

Не менее важным, чем вопрос об отношении россиян к самому факту наличия острых противоречий в российском обществе, является и вопрос о том, какие же антагонизмы воспринимаются ими наиболее драматично. Как свидетельствуют данные, чаще всего среди самых острых противоречий российского общества на протяжении последних 17 лет респонденты называют расхождения между богатыми и бедными. Второе место столь же устойчиво занимает противоречие между властью и народом. На третьем месте обычно разногласия между чиновниками и обращающимися к ним гражданами (рис. 1). В целом устойчив и общий рейтинг наиболее острых социальных противоречий в восприятии массовых слоёв населения страны.

Видны из данных рисунка 1 и факторы, влиявшие на динамику оценок россиян. Среди них, например, обострение ситуации на рынке труда в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг., спровоцированного первой волной западных санкций после «Крымской весны», которое вызвало рост значимости всех противоречий, связанных с занятостью. Впоследствии, по мере стабилизации экономической ситуации, наблюдалось уменьшение остроты противоречий этой группы. Ещё один очевидный фактор динамики восприятия населением страны противоречий российского социума – консолидация широких слоёв общества в условиях начавшегося противостояния страны «коллективному Западу», вызвавшая снижение роли межэтнических и поколенческих противоречий.

Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2005–2021 гг., %¹

На рисунке 1 хорошо просматривается и устойчивая конфликтность для массового сознания интересов рядовых россиян и представителей так называемого «правлящего класса», причём как в его распоряжающейся политическим ресурсом ипостаси, так и в отношении сконцентрировавшей у себя основные экономические ресурсы «верхушки» общества. Эта конфликтность воспринимается как одно из наиболее острых противоречий российского социума почти двумя третями (63%, в том числе 18% назвали оба этих противоречия) населения. И хотя в «пики» консолидации общества из-за усиления внешних угроз данный антагонизм слегка ослабевает (так было и в 2015 г., и в 2022 г.), однако противоречия между богатыми и бедными, а также между властью и народом всё равно с большим отрывом лидируют по сравнению со всеми остальными. При этом отношение россиян к противоречию между богатыми и бедными не

¹ По части противоречий, обычно набравших менее 10% ответов (между местными и приезжими, людьми разных политических убеждений, руководителями и подчинёнными, демократами и противниками демократии, православными и мусульманами, рабочим классом и средним классом и т. д.), данные на рисунке не приведены.

влияет на их отношение к Президенту страны – даже среди называющих этот антагонизм в числе наиболее острых большинство (61% при 64% среди не называющих это противоречие) руководителю государства доверяют. В то же время среди говорящих об остроте противоречия между властью и народом таких в 1,5 раза меньше.

Главный вывод, который можно сделать из эмпирических данных, заключается в том, что с конца 2000-х гг. происходит консолидация широких слоёв российского общества, в ходе которой теряет значимость принадлежность к большинству ранее дифференцировавших население страны в его собственном восприятии оснований – этнических, конфессиональных, поколенческих и т. п. При этом остаётся очень незначительной распространённость восприятия как острых противоречий между руководителями и подчинёнными, сторонниками разных политических убеждений (во всех их вариантах кроме противоположности взглядов сторонников западно ориентированного и самобытного пути развития России), представителями рабочего и среднего классов или бюджетниками и работниками частных форм.

На фоне массовой консолидации общества в последние годы особенно бросается в глаза сохранение (хотя и не увеличение) остроты противоречий между богатыми и бедными, а также властью и народом как самых острых для современной России в восприятии самих россиян. Противостояние широких слоёв российского общества и «правлящего класса» в разных его ипостасях сопровождается стабильностью недовольства населения характером взаимодействия рядовых граждан с государственным аппаратом, предстающим перед ними в виде отдельных чиновников. Несмотря на все усилия власти по снижению забюрократизированности решения различных вопросов для населения, улучшению механизмов взаимодействия граждан и занимающихся их проблемами чиновников, уровень напряжённости в этой сфере общественных отношений не спадает.

Более того, государственные чиновники – единственная массовая социальная группа, которая, по мнению россиян, скорее препятствует, чем способствует развитию страны. Так, в ходе опроса в марте 2022 г. 57% респондентов сказали, что чиновники препятствуют развитию России, и лишь 42% сочли, что они ему способствуют. В то же время в отношении рабочих, крестьян, среднего класса, предпринимателей, молодёжи, военных, руководителей предприятий и фирм не менее 80% опрошенных говорили о том, что соответствующие социальные группы содействуют развитию страны. Динамика этих показателей также свидетельствует о том, что с середины 2010-х гг. российский социум стал более консолидированным в своём мнении относительно позитивной роли практически всех этих социальных групп в развитии страны (18, с. 129–131).

Отдельно надо подчеркнуть, что противоречия между «властью и народом» и «чиновниками и обращающимися к ним гражданами» – разные по смыслу противоречия, о которых говорят разные люди и под влиянием разных факторов. Лишь в 22% случаев те, кто выбирал одно из

этих противоречий, называли в 2021 г. и второе из них в числе наиболее острых для российского общества. И хотя связь между ними была статистически значима¹, однако показатель коэффициента Спирмена для неё составлял всего 0,088. При этом если более болезненным восприятием противоречия между властью и народом характеризовались в первую очередь оценивавшие своё материальное положение как плохое (46% при 32% среди оценивающих его как хорошее) и часто испытывавшие чувство несправедливости всего происходящего (46% против 30% у никогда его не испытывавших²), то конфликт чиновников и обращающихся к ним граждан характеризовал прежде всего картину мира жителей Московской агломерации и Санкт-Петербурга, среди которых его включали в число наиболее острых 48% при 25% по массиву в целом. Таким образом, восприятие противоречия между властью и народом связано прежде всего с ощущением несправедливости сложившихся в России «правил игры». В то же время неудовлетворённость взаимодействием чиновников и граждан не имеет жёстко выраженной мировоззренческой привязки и связана скорее с местом жительства. Не случайно институциональное недоверие в этом случае ярче проявляется в отношении местной власти (72% говорящих о значимости противоречия между чиновниками и обращающимися к ним гражданами не доверяли местным органам власти и только 43% из них не доверяли Президенту страны).

С учётом большого числа рассматривавшихся в анализе противоречий и естественного стремления укрупнить их для целей анализа, нужно отдельно отметить, что не только разногласия между властью и народом и между чиновниками и обращающимися к ним гражданами, но и остальные противоречия оказались мало связаны между собой. Так, не было ни одной пары противоречий, для связи которых коэффициент Спирмена достигал хотя бы 0,1. Попытки использовать кластерный анализ также не дали никакого эвристически значимого результата. Что же касается факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс с нормализацией Кайзера; процент совокупной объяснённой дисперсии равен 50,187), то он продемонстрировал наличие связи в общественном сознании между противоречиями: 1) между богатыми и бедными и между собственниками предприятий и наёмными работниками; 2) между демократами и противниками демократии и между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития; 3) между местными и приезжими и между русскими и нерусскими; 4) между Москвой и провинцией и между православными и мусульманами; 5) между старшим поколением и молодёжью и между руководителями и подчинёнными. Однако во всех этих случаях связь была очень слабой³. Не случайно даже в отношении противоречий «богатые / бедные» и «собственники /

¹ Статистическая значимость связей, о которых идёт речь в статье, проверялась с помощью коэффициента Спирмена и хи-квадрата.

² Допускались также ответы «иногда» и «практически никогда».

³ Коэффициент Спирмена составлял соответственно 0,096; 0,093; 0,063; 0,052 и 0,036.

наёмные работники», для которых показатели этой связи были максимальны, лишь 15% из выбравших хотя бы одно из них называли в числе наиболее острых противоречий российского общества также и второе. Это означает, что методически каждое из противоречий целесообразнее было рассматривать с точки зрения факторов их восприятия населением и локализации их в общественном сознании по отдельности.

Не останавливаясь в силу ограниченности объёма статьи на характеристике каждого из этих противоречий (см. об этом [19]), кратко охарактеризуем лишь два из них, имеющих особое значение в настоящий момент. Одно – это традиционно наиболее популярное в массовом сознании противоречие между богатыми и бедными, а второе – резко актуализировавшееся с началом СВО на Украине противоречие между сторонниками западно ориентированного или самобытного российского пути развития.

Что касается противоречия между богатыми и бедными, то отношение к нему связано прежде всего с двумя в свою очередь тесно связанными между собой характеристиками – возрастом и субъективным ощущением собственного благополучия или неблагополучия. Так, если в среднем по массиву доля выбравших это противоречие в числе основных для российского общества составила 43%, то среди россиян старше 65 лет она достигала 50% при 32% у молодёжи до 25 лет включительно. Что же касается влияния фактора материального благополучия, то среди ожидавших его ухудшения в ближайший год доля называвших противоречие между богатыми и бедными среди наиболее острых для российского общества доходила до 52% (при 33% среди ожидавших его улучшения). Среди оценивших своё материальное положение как плохое соответствующий показатель также превышал 50% (при 38% у назвавших своё материальное положение хорошим), как и среди относивших себя к малообеспеченным (при 33% у считавших себя высокообеспеченными). Реальный уровень доходов сказывался на дифференциации восприятия противоречия между бедными и богатыми в меньшей степени – среди тех, чьи среднедушевые доходы составляли не более 0,75 медиан для их типов поселений, его называли в числе наиболее острых менее половины (46% при 33% среди тех, чьи доходы превышали 2 медианы).

Однако наиболее интересна не естественная связь восприятия конфликта между богатыми и бедными с социально-экономическим неблагополучием, а то, что даже среди благополучных в социально-экономическом отношении групп россиян об остроте этого противоречия говорит около трети их членов. Это свидетельствует о высокой степени недовольства даже благополучных групп населения глубиной дифференциации доходов в российском обществе, связанного с тем, что она противоречит представлениям о справедливости, характерным для национальной культуры [20]. Не случайно среди тех, кто хотел бы видеть Россию страной, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение, 58% упоминали противоречие между бедными и богатыми как одно из трёх острейших для российского социума,

а среди не включивших эту характеристику в число трёх наиболее значимых для желаемого будущего нашей страны, таких было лишь 39%.

Что же касается противоречия между сторонниками западного и самостоятельного российского пути развития, то наиболее значимым для его видения как одного из наиболее острых в современной России весь период наблюдений являлись мировоззренческие различия. Причём как одно из самых актуальных для российского общества это противоречие ощущали отнюдь не сторонники западного пути развития для России, а приверженцы её самостоятельного пути развития. Так, среди выбравших национальную уникальность в качестве идеи, которая могла бы сплотить россиян во имя общих целей, 13% говорили в 2021 г. об остроте противоречия между западниками и сторонниками самобытного пути развития России (среди выбравших более жёсткую форму той же идеи, а именно – прямого противостояния Западу и опоры на собственные силы, таковых было 10%). В то же время отдавшие предпочтение идее сближения с Западом лишь в 3% случаев считали, что противоречие между западниками и сторонниками самобытного пути развития России относится в нашей стране к числу наиболее острых. Эта картина практически не изменилась и весной 2022 г.

Выводы

Как свидетельствуют эмпирические данные, противоречия, связанные с процессом глобализации, не находят прямого отклика в массовом сознании россиян, а предстают перед ними скорее в виде неприемлемости действий прозападной части отечественных элит, нарушающих характерные для национальной культуры представления о справедливости¹. Эта несправедливость проявляется для массового сознания не только в неоправданной глубине неравенств у богатых и бедных, но и в деятельности многих чиновников, мешающей реализовать законные права граждан и препятствующей, по мнению большинства представителей массовых слоёв, успешному развитию России, или в попытках этой части элит вести страну «не тем путём».

Не очень остры в России, в отличие от многих других стран, и противоречия, связанные с рынком труда. Отчасти это связано, видимо, с низким уровнем безработицы в нашей стране, отчасти – с успешной деятельностью правительства (увеличением МРОТ и т. п.), а отчасти – с идущей ещё с советских времен традицией восприятия всех работающих по найму как некоего единого «Мы». В итоге значимыми из противоречий этой группы для россиян оказываются только разногласия между собственниками предприятий и наёмными работниками (перекликающиеся в их сознании с антагонизмом между богатыми и бедными), в то время как

¹ Не случайно около 80% опрошенных чувствовали весной 2021 г. несправедливость всего происходящего вокруг, а в 2022 г. лишь 11% сказали, что ситуация со справедливостью в стране улучшилась.

противоречия между руководителями и подчинёнными или между разными группами рядовых наёмных работников воспринимаются ими как относительно малозначимые. Однако экономические кризисы и попытки работодателей переложить тяжесть этих кризисов на рядовых работников ведут к росту остроты всех противоречий, связанных с занятостью.

Малозначимы для россиян сейчас и другие типы межгрупповых противоречий, характерных для современных обществ, в том числе межэтнические противоречия, противоречия между поколениями, идеологические противоречия и т. д. Более того, роль межэтнических и поколенческих противоречий в последние десятилетия заметно снизилась, что говорит о консолидации массовых слоёв общества под влиянием усиления конфронтации с «коллективным Западом». Что же касается идеологических противоречий, то, за исключением отношения к Западу, их деконсолидирующая роль для массовых слоёв российского общества была и остаётся очень небольшой. При этом даже обострение отношений с Западом после начала СВО на Украине не привело к попаданию противоречия между сторонниками и противниками прозападного пути развития для нашей страны в тройку лидеров рейтинга наиболее острых для российского социума противоречий, хотя и увеличило примерно вдвое долю называвших его в числе наиболее острых.

На фоне консолидации массовых слоёв населения страны устойчиво сохраняют своё лидерство и значимость противоречия между богатыми и бедными, а также властью и народом. Именно эти, отражающие противостояние широких слоёв российского общества и «правлящего класса» противоречия воспринимаются основной массой россиян как самые актуальные для современной России. «Подпитывает» их остроту и то, что, несмотря на усилия власти по снижению забюрократизированности взаимодействия чиновников с населением, недовольство общества характером этого взаимодействия не снижается. И хотя неравенства между массовыми слоями общества и его «верхушкой», а также между гражданами и забюрократизированным госаппаратом являются общими особенностями современных обществ, в России они отличаются избыточной глубиной, а также резко выделяются на фоне других противоречий за счёт сравнительно меньшей остроты последних.

При этом есть довольно значительная часть представителей массовых слоёв (8–17% в разные периоды развития страны в 2005–2022 гг.), считающих, что в российском обществе вообще нет никаких острых противоречий. Эти оценки относительно чаще встречаются у представителей как объективно, так и субъективно экономически благополучных на общем фоне групп, а также среди характеризующихся доминированием позитивного психологического настроения россиян, прежде всего молодёжи. Снижает болезненность восприятия социальных противоречий и проживание в сёлах (при том, что жизнь в двух крупнейших мегаполисах страны и некоторых других регионах, напротив, её повышает). При этом такие мировоззренческие характеристики, как недоверие к разного

рода структурам и институтам государственной власти, оценка происходящего вокруг них как несправедливого и т. д., влияют на отношение населения к ситуации с межгрупповыми противоречиями в российском обществе даже сильнее, чем их собственное экономическое благополучие.

Таким образом, на отношении населения к проблеме противоречий российского общества сказываются как объективные, так и, в ещё большей степени, субъективные характеристики, и прежде всего – отношение к несправедливости сложившихся в обществе «правил игры». Тесно связано восприятие этих противоречий и с недоверием к большинству институтов власти. Тем не менее, несмотря на это недоверие, происходящее в последние годы переосмысление российским обществом места страны в геополитическом пространстве с одновременным резким усилением конфронтации с «коллективным Западом», даже несмотря на падение в этот период уровня реальных доходов населения, приводит к консолидации основной части массовых слоёв, «всплески» которой приходится на периоды усиления этой конфронтации. Однако даже в периоды максимальной консолидации большинство россиян воспринимают расхождения интересов массовых слоёв общества, с одной стороны, и его экономической и политической «верхушки», с другой, как острейшие противоречия российского социума, значимость которых для них с годами остаётся практически неизменной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN 5-7598-0069-8.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн ; пер. Н. Тюкиной. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с. ISBN 5-91129-028-6. EDN **QOGBGV**.
3. *Dal Bó E., Dal Bó P.* Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Brown University Economics Working Paper. № 2004-10. P. 31. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=594562 (дата обращения: 25.01.2023).
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну : монография / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.
5. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996. 368 p.
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель ; пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2.
7. *Стэндинг Г.* Прекариат. Новый опасный класс / Г. Стэндинг ; пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
8. *Hertel F., Schöneck N.* Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs // Acta Sociologica. 2019. Vol. 65, № 3. P. 1–19. DOI **10.1177/0001699319847515**.

9. *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000. 304 с. ISBN 5-94010-003-1. EDN [QSIQPB](#).
10. Мир на взводе: пружина разжимается / Под ред. Ф. А. Лукьянова. М. : Эксмо, 2015. 384 с. ISBN 978-5-699-84382-4. EDN [UODLCT](#).
11. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI [10.31857/S013216250003744-1](#). EDN [ZAKHZZ](#).
12. *Морогин В. Г.* Ценностно-потребностный анализ идентификации и идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 1–2. С. 14–30. EDN [UOHADZ](#).
13. *Миллер А. И., Лукьянов Ф. А.* Отстранённость вместо конфронтации // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14, № 6. С. 8–27. EDN [XAEALAL](#).
14. *Никонов В. А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М. : Издательство «Эксмо», 2015. 672 с. ISBN 978-5-699-83183-8.
15. *Кургинян С. Е.* Качели. Конфликт элит – или развал России? М. : ЭТЦ, 2008. 772 с. ISBN 978-5-7018-0512-3. EDN [QOINCH](#).
16. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. Г. Бызов [и др.] ; отв. ред. : М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Весь мир, 2016. 424 с. ISBN 978-5-7777-0630-0. EDN [WEWCVD](#).
17. Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь мир», 2014. 304 с. ISBN 978-5-7777-0575-4. EDN [SXPYHR](#).
18. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](#). EDN [GJITZD](#).
19. *Дудин И. В.* Представления населения страны об основных социальных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 2. (в печати).
20. *Мареева С. В.* Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 3, № 3 (26). С. 101–120. DOI [10.19181/vis.2018.26.3.527](#). EDN [YWAGXR](#).

Сведения об авторах

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [71905](#)

И. В. Дудин

лаборант-исследователь с высшим образованием

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1

THE MAIN CONTRADICTIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE PERCEPTION OF THE COUNTRY'S POPULATION: COMPARATIVE SIGNIFICANCE, DYNAMICS, FACTORS

Natalia Evgen'evna Tikhonova¹

Ilya Vasil'evich Dudin²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

² dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

For citation: Tikhonova N. E., Dudin I. V. The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):6–24. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.2.1.

Abstract. Using research data of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS for 2005–2022 the article demonstrates the peculiarities of the perception by representatives of the mass strata of the country's population of the most acute contradictions of the Russian society; the factors determining this perception are revealed. The dynamics of the attitude of Russians to the key social contradictions discussed in the relevant scientific discourse is considered. It is shown that the contradictions between the rich and the poor, as well as the authorities and the people, were most acutely perceived among the representatives of the mass strata during the entire period under review. Russians mainly viewed state officials as a group that hinders the successful development of the country, although this perception of them strongly depended on the place of residence of the respondents. Russians were usually quite indifferent to the contradiction between Russia's inclusion in the processes of globalisation according to the model proposed by the West and the orientation towards preserving the identity and independence of the country, although "bursts" of aggravation of relations with the West caused an increase in the significance of this contradiction in the public consciousness. The factors of perception of the contradictions of the Russian society by the population are both objective and subjective. Among the former, the most important are social and material well-being in their various forms, and among the latter, the feeling of injustice of what is happening and subjective material distress. Rethinking in recent years of the country's place in the geopolitical space leads to an increase in the consolidation of mass strata, the "peaks" of which fall on periods of increased confrontation with the West. This trend continues despite the decline since the mid-2010s in the level of real incomes of the population, however, it does not reduce the acuteness of the confrontation, in the minds of the population, of the mass strata of society, on the one hand, and its economic and political "top", on the other.

Keywords: social contradictions, consolidation of society, mass consciousness, intergroup conflicts, social tension

REFERENCES

1. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Translated and edited by O. I. Shkaratan. Moscow: SU HSE; 2000. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-7598-0069-8.
2. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Translated by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchegol; 2006. 248 p. (In Russ.). ISBN 5-91129-028-6.
3. Dal Bó E., Dal Bó P. *Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium.*, Brown University, Department of Economics Working Paper. No. 2004-10. P. 31; 2004. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=594562 (accessed: 25.01.2023).
4. Beck U. *Risk Society: On the way to another modern*. Transl. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progres Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
5. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon & Schuster; 1996. 368 p.
6. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence*. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-144-2.
7. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 328 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-209-8.
8. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*. 2019;65(3):1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
9. Inozemtsev V. L. *Modern Post-Industrial Society: Nature, Contradictions, and Prospects*. Moscow: Logos; 2000. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-94010-003-1.
10. Loukianov F. A. (ed.). *The world is up tight: the spring is unwinding. [Mir na vzvode: pruzhina razzhimaetsya]*. Moscow: Eksmo; 2015. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-84382-4.
11. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Social structure transformation of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class? *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2019;(1):18–28. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250003744-1](https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1).
12. Morogin V. G. Values and Needs Analysis of Identification and Identity. *Vestnik po pedagogike i psixologii Yuzhnoj Sibiri=Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*. 2013;(1–2):14–30. (In Russ.).
13. Miller A. I., Loukianov F. A. Detachment instead of Confrontation. *Rossiya v global'noj politike=Russia in Global Politics*. 2016;14(6):8–27. (In Russ.).
14. Nikonov V. A. The code of civilization. What awaits Russia in the future? [Kod civilizacii. Chto zhdet Rossiyu v budushhem?]. Moscow: E`ksmo. 2015; 672 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-83183-8.
15. Kurginyan S. Y. Swings. Conflict of the Elites or the Collapse of Russia? [Kacheli. Konflikt elit ili razval Rossii?]. Moscow: ETC; 2008. 772 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7018-0512-3.
16. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). *Russian Society and the Challenges of Time. Book Three [Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni]*. Moscow: Ves Mir; 2016. 424 p. (In Russ.). ISBN 978-57777-0630-0.

17. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). Poverty and the Poor in Modern Russia [Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii]. Moscow: Ves Mir; 2014. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0575-4.
18. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). Russian Society and the Challenges of Time. Book Six. [Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni]. Moscow: Ves Mir; 2022. 284 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0898-4.
19. Dudin I. V. Public perceptions of the main social contradictions in Russian society [Predstavleniya naseleniya strany ob osnovnyh social'nyh protivorechiyah rossijskogo sociuma]. *Social'noe prostranstvo=Social space*. 2023;9(2):[in print]. (In Russ.).
20. Mareeva S. V. Social inequalities and social structure in modern Russia as perceived by the population. *Vestnik Instituta sociologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018;3(26):101–120. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2018.26.3.527](https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527).

Information about the Authors

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: [G-8413-2015](https://orcid.org/0009-0001-8413-2015)

Scopus AuthorID: [7006789882](https://orcid.org/0009-0001-8413-2015)

I. V. Dudin

Senior Laboratory Assistant

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-2162-2022)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 11.05.2023.

ПАТРИОТИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЁЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Игорь Михайлович Кузнецов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

ingvar31@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-6914-3355](https://orcid.org/0000-0002-6914-3355)

Для цитирования: Кузнецов И. М. Патриотизм региональной молодёжи в социологическом измерении (на примере Пензенской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 25–40. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.2). EDN [JHXXVO](https://edn.ru/JHXXVO).

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи ряда социально-политических диспозиций молодёжи с вариантами повседневных патриотических представлений по измерению «гражданский» vs «охранительный» патриотизм. Эмпирическую базу исследования составили данные опроса молодёжи в возрасте 18–30 лет, проведённого в сентябре 2020 г. в Пензенской области (N=530). По результатам исследования было установлено, что варианты отношения к стране по шкале «гражданский» vs «охранительный» патриотизм в связи с характерными для них социально-политическими диспозициями представляют собой системные целостности, имеющие как позитивные, так и негативные характеристики, если оценивать эти варианты с точки зрения их консолидационного потенциала, столь востребованного в нынешней ситуации. В гражданском варианте патриотизма заложен серьёзный ресурс развития страны по всем направлениям, однако он не обладает сколько-нибудь значительным потенциалом общероссийской консолидации. Такой вариант патриотизма крайне важен и востребован в период устойчивого развития общества в благоприятных политических и экономических условиях, но чреват рисками фрагментации сообщества на отдельные, явно или неявно конфликтующие между собой группы в критических ситуациях.

Для *охранительного* варианта патриотизма характерно видение российской социально-культурной среды как *закрытой* самодостаточной системы. Это не обеспечивает значительного потенциала социально-экономического и социально-культурного развития страны. Самый серьёзный недостаток охранительного варианта патриотизма – это риск постепенного перерождения его в шовинизм. Вместе с тем, охранительный вариант патриотизма имеет серьёзный потенциал консолидации практически всех слоёв и групп российского населения. В периоды мирного развития общества в благоприятных внешних и внутренних условиях такой вариант патриотизма мало востребован и даже нежелателен, но в критических ситуациях охранительный вариант патриотизма может стать востребованным и популярным.

Ключевые слова: слепой патриотизм, конструктивный патриотизм, гражданский патриотизм, охранительный патриотизм, социально-политические диспозиции, потенциал консолидации

Введение

В нынешнем российском общественном мнении и государственной политике, особенно в связи с проведением СВО и беспрецедентным внешним давлением на Россию, в фокусе общественного внимания вновь оказался комплекс убеждений и чувств по отношению к своей стране, который объединяется понятием «патриотизм». Усилившаяся при этом поляризация представлений о патриотизме внутри самого патриотического сегмента общественного мнения делает весьма актуальной проблему систематизации различных комплексов бытовых, повседневных представлений о патриотизме в современном российском социуме.

Другая, связанная с предыдущей, проблема состоит в особенностях проявления патриотических настроений у современной российской молодёжи. При анализе данных апрельского (2022 г.) опроса ВЦИОМ обнаруживается, что молодые люди в значимо меньшей степени причисляют себя к патриотам, нежели респонденты старших возрастных категорий. Так, среди респондентов до 30 лет считают себя патриотами 86%, 95% в группе 35–50 лет и 97% опрошенных старше 51 года¹. В принципе, особая позиция молодёжи практически по всем вопросам текущей жизни не является чем-то необычным. И эта позиция отчасти связана с особенностями возраста, а отчасти отражает фундаментальные межпоколенные изменения [1]. Однако в любом случае она должна быть учтена ввиду высокой социально-политической активности этой группы российского населения.

Наша задача состоит в том, чтобы выявить «симптомокомплексы» патриотизма, характерные для последних лет относительно «мирного» развития России. Это может послужить отправной точкой для детального анализа механизмов патриотической консолидации россиян, особенно молодёжи, в ситуации внешнего конфликта.

Эмпирическая база, рабочая концепция и методика исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса молодёжи, проведённого в сентябре 2020 г. в Пензенской области в рамках реализации проекта «Гражданско-патриотический потенциал молодёжи

¹ Рассчитано по базе данных опроса ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubiti-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 20.02.2023).

как ресурс консолидации общества: социокультурная концепция и механизмы реализации в молодёжной среде». По выборке, репрезентативной для молодёжи области, было опрошено 530 молодых людей в возрасте 18–30 лет. Разумеется, такая выборка не может служить основанием для выводов о состоянии тех или иных параметров патриотического сознания российской молодёжи вообще и региональной – в частности. Однако такая задача и не ставилась, тем более для характеристики текущей ситуации данные 2020 г. уже не так актуальны. Наша задача – определение устойчивых, статистически значимых связей тех или иных вариантов патриотических представлений молодёжи с определёнными социально-политическими диспозициями. И здесь достаточно указать, что Пензенская область по качеству жизни является типичным регионом России. Так, в 2021 г. в рейтинге регионов России по качеству жизни рейтинговый балл Пензенской области (48,9) был близок к среднему по России баллу (48,3)¹. Дополнительно для сравнения использовались данные общероссийского опроса, проведённого в 2020 г. в рамках реализации проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» (N=2000, подвыборка молодёжи 18–30 лет составила 399 респондентов).

Большинство как отечественных, так и зарубежных прикладных исследований сосредоточены на анализе содержания патриотизма в двух измерениях «конструктивный» и «слепой» патриотизм [2; 3]. Основана эта типология на идее слепого (blind) патриотизма, сформулированной Э. Стаубом. Такой тип патриотизма характеризуется тотальным единением (alignment) людей со своей нацией или группой, некритическим принятием и поддержкой политики, проводимой национальными лидерами, отсутствием понимания (или принятия во внимание) негативных моральных последствий этой политики как для самих членов данной группы, так и людей, находящихся вне группы. По мнению Э. Стауба, слепой патриотизм часто имеет разрушительные последствия не только для других, но, в конечном счёте, и для собственной группы [4]. В качестве альтернативы слепому патриотизму им выдвигалась идея конструктивного патриотизма, основанного на «критической лояльности». В итоге была сформирована и эмпирически проверена концепция двух измерений патриотизма, согласно которой слепой и конструктивный патриотизм составляют два ортогональных измерения позитивной идентификации со своей страной и аффективной привязанности к ней [5, с. 168].

По результатам эмпирической проверки этой концепции, слепой патриотизм оказался положительно связан с отстранённостью от полити-

¹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 // РИА Новости : [сайт]. 14.02.2022. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 20.02.2023).

ки, национализмом, обострённым переживанием внешней угрозы своей национальной безопасности и основам своей культуры, подчёркиванием важности символического поведения, ориентацией только на лояльные стране источники информации. А конструктивный патриотизм, напротив, положительно связан с рядом показателей политической активности [5, с. 151].

Практика использования этого инструментария в исследованиях патриотизма (в том числе и в России) показала, что, во-первых, применяемые шкалы ориентированы преимущественно на измерение политического аспекта патриотизма и, во-вторых, очевидна идеологическая нагруженность формулировок, составляющих шкалы. Так, суждения, отражающие слепой вариант патриотизма, сформулированы так, что привлекают прежде всего сторонников консервативных взглядов, а формулировки конструктивного характера – сторонников либеральных ценностей [6, с. 64].

В общепринятом понимании патриотизм это – «общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране. В жизни это отношение проявляется в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемым как любовь к Родине» [7, с. 67]. В нашем подходе, помимо измерения рассмотренного выше политического аспекта патриотических представлений повседневности, была сделана попытка зафиксировать и отношение людей к своей стране, её истории и культуре, видение её взаимоотношения с другими странами и культурами, т. е. социально-культурный аспект патриотических представлений [8; 9].

Наша методика состоит из набора вопросов-суждений повседневности, отражающих различные смысловые варианты отношения к России и её культуре (представлены в таблице 1). Респонденты оценивали своё согласие с каждым суждением по пятибалльной шкале – от категорического несогласия (1 балл) до полного согласия (5 баллов).

Проведённый по результатам опроса молодёжи Пензенской области факторный анализ ответов на этот блок вопросов позволил выявить два варианта представлений о социально-культурных аспектах патриотизма (таблица 1).

Суждения, объединённые в факторе 1 (пункты 1–3) в совокупности представляют вариант, который можно охарактеризовать как «гражданский» патриотизм, поскольку здесь подчёркивается важность интереса для патриота к своей истории и традициям, труда на благо страны. Суждения фактора 2 (пункты 4 и 5), ориентируют на защиту России и её социально-культурной среды. Этот вариант представлений о патриотизме условно обозначен нами как «охранительный».

Таблица 1
 Факторное распределение суждений о социально-культурных
 аспектах патриотизма

Настоящий патриот России...	Факторные нагрузки	
	1	2
1. ...интересуется и знает историю своей страны	0,838	
2. ...интересуется её культурой и традициями	0,826	
3. ...уверен, что каждый своим трудом должен способствовать процветанию России	0,765	
4. ...считает, что надо добиваться того, чтобы другие государства боялись Россию		0,862
5. ...считает, что надо бороться с иностранным влиянием на культуру образ жизни россиян		0,791

Характеристика социально-культурного содержания представлений о патриотизме как отдельная переменная представляет собой разность усреднённых значений по двум представленным в таблице 1 вариантам. В результате процедуры ранжирования формируются три целевые группы респондентов, различающиеся по степени согласия или несогласия со смыслом охранительных или гражданских суждений. В первую группу вошли респонденты, у которых степень согласия с гражданскими суждениями превышает меру согласия с суждениями охранительного толка. Во вторую – респонденты, давшие по всем суждениям промежуточные оценки, т. е. в равной мере согласные с суждениями как гражданского, так и охранительного характера. В третью – респонденты, у которых, в отличие от первой группы, степень согласия с охранительными суждениями превышает меру согласия с суждениями гражданского варианта патриотизма. При анализе данных исследования мы условно будем называть первую целевую подвыборку группой «гражданского патриотизма», вторую – группой «умеренного патриотизма» и третью – группой «охранительного патриотизма». Отметим, что проведённый на общероссийских выборках кластерный анализ результатов ответов на вопросы этого блока показал, что респонденты, разделяющие установки охранительного патриотизма, отличаются от гражданских патриотов только категорическим согласием с суждениями охранительного толка при одинаковом уровне одобрения суждений, отражающих смысл гражданского патриотизма [9, с. 229].

Результаты исследования. Социально-политические диспозиции в социально-культурном и политическом измерениях патриотизма

У нас была возможность сравнить данные по социально-культурному измерению патриотических представлений молодёжи Пензенской области с аналогичными представлениями российской молодёжи и россиян в целом, поскольку оба опроса (по областной и общероссийской выборке) проводились в 2020 г. по сопоставимым методикам (таблица 2).

Таблица 2

Социально-культурное измерение патриотизма молодёжи в сравнении с общероссийскими данными (доля от ответивших), %

Варианты патриотических представлений	Молодёжь Пензенской области (n=533)	Молодёжь России в среднем (n=399)	Население России в среднем (n=2000)
Гражданский	51	65	67
Умеренный	41	28	26
Охранительный	8	7	7

Сравнение данных, представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о том, что в представлениях о социально-культурных аспектах патриотизма молодёжь Пензенской области демонстрирует те же тенденции, что и молодёжь России в среднем. А оценки разных суждений молодёжью России соответствуют тенденциям оценок россиян в целом. Большинство придерживается гражданского варианта патриотизма, а охранительный патриотизм представлен в относительно незначительных долях. Это также означает, что рассматриваемые варианты патриотических представлений не являются специфически молодёжными.

Одно из существенных отличий в социально-политических диспозициях сторонников гражданского и охранительного патриотизма состоит в их видении места государства в системе патриотических убеждений (таблица 3).

В таблице 3 второе суждение отражает смысл так называемого «негосударственного» патриотизма, феномена, на наш взгляд, чрезвычайно характерного именно для России и достаточно подробно описанного в литературе на основе качественных исследований [10]. При количественном анализе ассоциаций, связанных у россиян со словосочетанием «наша страна» также было обнаружено, что на подобный «негосударственный» патриотизм ориентируются около трети респондентов [11].

Таблица 3¹

*Представления о месте государства у сторонников
 разных вариантов социокультурного измерения патриотизма
 (доля согласных с данным суждением), %*

Варианты отношения к государству	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Патриот должен любить и родную страну и государство, власть своей страны	16	36	46
Патриот может любить только родную страну, а государство любить не обязан	63	42	32

Приведённые в таблице 3 данные свидетельствуют о том, что с наибольшей вероятностью сторонников «негосударственного» патриотизма можно встретить среди представителей гражданского варианта истолкования социально-культурного измерения патриотических представлений. Вполне ожидаемо, что бóльшая распространённость убеждения, что Родина и государство – понятия разные, сочетается со значительно более высоким эмиграционным потенциалом сторонников гражданского варианта патриотизма (особенно среди молодёжи, не отягощённой в силу возраста какими-то серьёзными социальными обязательствами) (таблица 4).

Таблица 4

*Тенденции к эмиграции из России у сторонников разных
 вариантов социокультурного измерения патриотизма², %*

Отношение к возможности уехать из страны на постоянное место жительства	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Положительное (ответы «Да», «Скорее да» в сумме)	62	46	34
Отрицательное (ответы «Нет», «Скорее нет» в сумме)	38	54	66

¹ Здесь и далее в таблицах сопряжённости представлены только те данные, различия которых по столбцам подтверждаются χ^2 Пирсона на уровне значимости $p \leq 0,05$.

² Здесь и далее во всех таблицах указана доля от ответивших

И наоборот, у последователей охранительного варианта патриотизма значительно выше потенциал закрепления в своей стране, что, по всей вероятности, связано с тем, что в их сознании понятие «Родина» прочнее, чем у сторонников гражданского варианта, ассоциируется с понятием «своя государственность» («своя территория»).

В целом, если говорить о консолидационном потенциале того или иного из рассматриваемых вариантов патриотических убеждений, то этот потенциал значимо выше у тех, кто придерживается охранительного варианта (таблица 5).

Таблица 5

Консолидирующие ценности у сторонников разных вариантов социокультурного измерения патриотизма, %

Ценности, имеющие потенциал для объединения всех россиян сегодня	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Соборность (единство власти и общества в работе на благо страны и людей, единство разных культур)	7	27	41
Самоограничение и жертвенность (отказ от эгоизма, жертвенность личным ради ближних и окружающего мира)	13	23	32
Патриотизм (вера в страну, труд на её благо, глубокая привязанность к ней и культуре)	21	30	36
Семейные ценности (любовь и верность, забота о младших и старших)	56	37	32

Как показали данные, представленные в таблице 5, у последователей охранительного варианта патриотизма потенциал консолидации определяется напрямую ценностями единства, а у сторонников гражданского патриотизма такой потенциал основан на общности традиционных ценностей (в нашем случае семейных), имеющих лишь косвенное отношение к ценностям единства сообщества.

В предыдущих исследованиях рассматриваемых вариантов патриотизма была установлена устойчивая связь того или иного варианта с межнациональными установками разной полярности [12]. Эта связь подтверждается и на нашей выборке (таблица 6).

Таблица 6

Баланс межнациональных установок у сторонников разных вариантов социокультурного измерения патриотизма, %

Направленность межнациональных установок	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Позитивные межнациональные установки	67	43	18
Неопределённая позиция	24	46	68
Негативные межнациональные установки	9	11	14

Здесь необходимо пояснить, что при опросе молодёжи Пензенской области для измерения межнациональных установок был использован инструментарий, состоящий из набора суждений, которыми в повседневной жизни описываются различные аспекты эмоционального отношения к представителям своей и иных национальных групп. В результате формируется отдельная переменная, характеризующая межнациональные установки как преимущественно позитивные, неопределённые и преимущественно негативные¹.

Сторонники гражданского варианта патриотизма в значительно большей мере являются носителями позитивных межнациональных установок, а последователи охранительного варианта – негативных. Последнее означает, что охранительный вариант патриотизма с большей вероятностью чреват рисками перерастания в шовинизм, что для единства многонациональной России может иметь катастрофические последствия. Примером такого шовинистического подхода является видение сторонниками разных вариантов патриотизма правовых основ межнациональных отношений в России (таблица 7).

Патриоты охранительного толка гораздо чаще, чем гражданские патриоты, склонны считать, что русские должны иметь больше прав. Негативные последствия такого подхода для обеспечения межнационального единства России не нуждаются в комментариях. При этом надо учесть, что для представителей охранительного патриотизма в большей мере характерен радикализм в отстаивании своих интересов (таблица 8).

Гражданские патриоты, в отличие от сторонников охранительной позиции, чаще предпочитают отстаивать свои интересы гражданскими легитимными средствами.

¹ Более детальное описание и обсуждение методики измерения баланса межнациональных установок см. [13].

Таблица 7

Отношение к многонациональному укладу России
у сторонников разных вариантов
социокультурного измерения патриотизма, %

Каково Ваше отношение к многонациональному характеру России?	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Россия – общий дом многих народов, и они должны обладать равными правами	85	70	61
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав	15	30	39

Таблица 8

Готовность к протестам сторонников разных вариантов
социокультурного измерения патриотизма, %

Действия, к которым готовы для защиты своих интересов	Варианты патриотизма		
	гражданский	умеренный	охранительный
Обратиться в органы власти с жалобой	71	58	34
Обратиться в суд	76	64	48
Принять участие в захватах зданий, перекрытии транспортных путей	13	16	30

В целом можно сказать, что рассмотренные выше варианты представлений о социально-культурном измерении патриотизма со связанными с ними социально-политическими диспозициями представляют собой системные образования.

Описанная выше классификация содержания социально-культурных представлений о патриотизме по некоторым пунктам сходна с типологией, сформулированной И. А. Халий в процессе исследования патриотических представлений на региональном уровне качественными методами. Она, в частности, выделила такие типы, как *безоговорочный патриотизм*, «т. е. любовь к Родине как таковой, без оглядки на лучшую жизнь где-то, без стремления разрушить сложившиеся ценности... и *преобразовательную любовь к Родине*, которую следует довести до лучших образцов и организовать жизнь общества в соответствии с запад-

ными установками» [14, с. 69]. А по некоторым социально-политическим диспозициям эти варианты сходны с рассмотренными выше типами «конструктивного» и «слепого» патриотизма Шатца и его коллег.

Обсуждение результатов и выводы

Как уже отмечалось выше, «охранительный» и «гражданский» варианты социально-культурного измерения патриотизма в связи с характерными для них социально-политическими диспозициями представляют собой системные целостности. А это означает, что каждый из них имеет как позитивные, так и негативные характеристики, если оценивать эти варианты с точки зрения консолидационного потенциала, столь востребованного в нынешней ситуации.

Распространённое в среде молодых сторонников гражданского патриотизма неприятие охранительства как в культурном, так и в социальном и политическом планах свидетельствует о том, что латентным ядром, вокруг которого выстраиваются гражданские патриотические дискурсы, является видение российской социально-культурной среды как живой *открытой* системы, нуждающейся для своего устойчивого развития, как и любая живая система, в постоянном обмене социальными, культурными, политическими, научными, экономическими и т.п. идеями с внешним системным окружением. Это означает, что в гражданском варианте патриотизма заложен серьёзный ресурс развития страны по всем направлениям. Для молодых сторонников гражданского варианта патриотизма, судя по нашим данным, характерен социально-культурный активизм: деятельное внимание к познанию и сохранению российской истории, культуры и её памятников, охране природы, развитию институтов демократии и гражданского участия. Эти формы активизма и являются основанием для консолидации молодых россиян, но не в целом, а, скорее, по отдельным группам интересов. А это означает, что гражданский вариант патриотизма не обладает сколько-нибудь значительным потенциалом общероссийской консолидации.

В итоге такой вариант патриотизма крайне важен и востребован в период устойчивого развития общества в благоприятных политических и экономических условиях. Но чреват рисками фрагментации сообщества на отдельные, явно или неявно конфликтующие между собой группы по интересам в критических ситуациях, с необходимостью провоцирующей поляризацию общественного мнения. При этом необходимо учесть характерное для представителей гражданского варианта патриотизма, особенно молодых, преуменьшение важности сохранения и поддержания российской государственности как основы устойчиво-

сти и воспроизводства в поколениях уникальной отечественной социально-культурной среды, что, в свою очередь, способствует в критических ситуациях росту эмиграционных настроений.

В отличие от гражданского, для охранительного варианта патриотизма более характерно латентное отношение к российской социально-культурной среде как к *закрытой* самодостаточной системе, практически не нуждающейся во внешних источниках жизнеобеспечения. Это предполагает видение российской культуры, ценностей социального взаимодействия не столько как среды повседневной жизни, а как *наследия*, сохранность и аутентичность которого необходимо обеспечивать и охранять. Такая позиция не обладает должным потенциалом развития. Как показывают наши расчёты, для молодых сторонников охранительного патриотизма характерен не столько социально-культурный, сколько политический активизм, стремление голосовать за партии патриотического толка, участвовать в патриотических организациях. При этом, отстаивание своих интересов, в том числе и политических может принимать радикальные формы. И самый серьёзный минус охранительного варианта патриотизма – это риск постепенного перерождения его в шовинизм. Вместе с тем, охранительный вариант патриотизма имеет серьёзный потенциал консолидации практически всех слоёв и групп российского населения.

В целом, в периоды устойчивого (мирного) развития общества в благоприятных внешних и внутренних условиях такой вариант патриотизма мало востребован (о чём и свидетельствует небольшая доля сторонников охранительного патриотизма и в молодёжной региональной, и общероссийской выборках) и даже нежелателен. Как отмечал В. В. Путин, «казённый патриотизм, охранительство, построенное на изоляции, приносят ровно противоположный эффект ожидаемому. Они не укрепляют ценностный фундамент общества, а наоборот, ослабляют его, лишают внутреннего иммунитета к разного рода разрушительным, деструктивным идеям»¹.

Однако, на наш взгляд, в критические периоды развития страны, охранительный вариант патриотизма может стать востребованным и популярным в силу его консолидационного потенциала и «заточенности» под защиту страны и её культуры. Так, по данным уже упоминавшегося опроса ВЦИОМ, проведённого в апреле 2022 г., согласие с суждением «Защищать свою страну от любых нападков и обвинений», относящимся по нашей классификации к охранительному варианту, выросло,

¹ Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи // Президент России : [сайт]. Краснодар 12 сентября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 29.06.2022).

по сравнению с 2020 г., на 12 процентных пунктов и набрало 44%¹, хотя среди молодёжи 18–30 лет эта доля несколько меньше – 36%. Однако, при таком сценарии изменения структуры патриотических представлений было бы полезно учитывать отмеченные выше побочные эффекты распространения охранительных форм патриотизма.

Наконец, в новых условиях вполне возможна и вероятно эволюция обоих рассмотренных вариантов патриотических представлений. Основания для такого предположения дают результаты исследования изменения содержания «конструктивного» (в терминах Шатца) типа патриотизма в условиях войны [15]. В частности, среде конструктивных патриотов во время военных действий их страны существенно снижается острота моральных оценок происходящего. В России, на наш взгляд, в период СВО и в последующее время, пока будет существовать внешнее давление, среди гражданских патриотов очень вероятен рост оценок значимости российской государственности и защиты суверенитета страны, а в среде охранительных патриотов – снижение распространённости негативных межнациональных установок за счёт повышения позитивности оценок собственной национальной группы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов И. М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. DOI [10.31857/S013216250014161-0](https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0). EDN **NZOFWE**.
2. Санина А. Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 44–53. EDN **VZSJLF**.
3. Williams R. L., Foster L. N., Krohn K. R. Relationship of Patriotism Measures to Critical Thinking and Emphasis on Civil Liberties versus National Security // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2008. Vol. 8, № 1. P. 139–156. DOI [10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x](https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x).
4. Staub E. Blind versus Constructive Patriotism: Moving from Embeddedness in the Group to Critical Loyalty and Action // Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 P. 497–512. DOI [10.1017/CBO9780511615795.047](https://doi.org/10.1017/CBO9780511615795.047).
5. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political Psychology. 1999. № 20. P. 151–175. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).
6. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51, № 1. January, P. 63–77. DOI [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x).
7. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8 (268). С. 67–76. EDN **OPCJTF**.

¹ Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 29.06.2022).

8. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижина, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.]; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDКYE](#).
9. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Издательство Весь Мир, 2015. 432 с. ISBN 978-5-7777-0604-1. EDN [VNKUTL](#).
10. *Клеман К.* Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М. : Новое литературное обозрение, 2021. 232 с. ISBN 978-5-4448-1556-4.
11. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Л. М. Дробижина, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.]; отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. ISBN 978-5-89697-374-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021). EDN [АОЕВНВ](#).
12. *Кузнецов И. М., Хухлаев О. Е.* Риски межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 2. С. 115–126. EDN [OQBLHF](#).
13. *Хухлаев О. Е.* Этнонациональные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 46–57. EDN [PVDSGV](#).
14. *Халий И. А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 67–74. EDN [YGAMSJ](#).
15. *Lewin, E.* Constructive Patriotism in Wartime // Open Journal of Political Science. 2013. № 3. P. 107–112. DOI [10.4236/ojps.2013.34015](https://doi.org/10.4236/ojps.2013.34015).

Сведения об авторе

И. М. Кузнецов

Кандидат социологических наук,

ведущий научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [75911](#)

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.2)

PATRIOTISM OF THE REGIONAL YOUTH IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION (CASE OF THE PENZA REGION)

Igor Mikhaylovich Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Moscow, Russia

ingvar31@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-6914-3355](https://orcid.org/0000-0002-6914-3355)

For citation: Kuznetsov I. M. Patriotism of the regional youth in the sociological dimension (case of the Penza region). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):25–40. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.2).

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between a number of socio-political dispositions of young people with variants of everyday patriotic ideas in terms of «civil» vs «protective» patriotism. For the empirical base of the study the authors used the data of a survey of young people aged 18-30 years, conducted in September 2020 in the Penza region (N=530). Based on the results of the study, it was found that the options for attitudes towards the country on the scale of «civil» vs «protective» patriotism, in connection with their characteristic socio-political dispositions, are systemic integrities that have both positive and negative characteristics, if we evaluate these variants in terms of their consolidation potential, that is so much in demand in the current situation. The civilian version of patriotism contains a serious resource for the development of the country in all areas, but it does not have any significant potential for nationwide consolidation. This variant of patriotism is extremely important and in demand during the period of sustainable development of society in favourable political and economic conditions, but is fraught with risks of fragmentation of the community into separate, explicitly or implicitly conflicting groups in critical situations. The protective version of patriotism is characterised by the vision of the Russian socio-cultural environment as a closed self-sufficient system. This does not provide a significant potential for the socio-economic and socio-cultural development of the country. The most serious drawback of the protective version of patriotism is the risk of its gradual degeneration into chauvinism. At the same time, the protective version of patriotism has a serious potential for the consolidation of almost all layers and groups of the Russian population. During periods of peaceful development of society in favourable external and internal conditions, this variant of patriotism is little in demand and even undesirable, but in critical situations, the protective variant of patriotism can become relevant and popular.

Keywords: blind patriotism, constructive patriotism, civic patriotism, protective patriotism, socio-political dispositions, consolidation potential

REFERENCES

1. Kuznetsov I. M. Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism and Renewal. *Sotsiologicheskije issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(8):93–102. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014161-0](https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0).

2. Sanina A. G. Patriotism of Russians and patriotic education in modern Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2016;(5):44–53. (In Russ.).
3. Williams R. L., Foster L. N., Krohn K. R. Relationship of Patriotism Measures to Critical Thinking and Emphasis on Civil Liberties versus National Security. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2008;8(1):139–156. DOI [10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x](https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x).
4. Staub E. Blind versus Constructive Patriotism: Moving from Embeddedness in the Group to Critical Loyalty and Action. In: *Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. p. 497–512. DOI [10.1017/CBO9780511615795.047](https://doi.org/10.1017/CBO9780511615795.047).
5. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*. 1999;(20):151–175. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).
6. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*. 2007;51(1):63–77. DOI [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x).
7. Levashov V. K. Patriotism in the context of current sociopolitical realities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2006;(8):67–76. (In Russ.).
8. Kuznetsov I. M., Ryzhova S. V. (eds.) *Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice*. Moscow: FNISCRAN; 2022. 434 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
9. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds.) *Russian society and challenges of the time. Book Two*. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir; 2015. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0604-1.
10. Kleman K. Patriotism from below. “How is it possible for people to live so poorly in a rich country?” Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2021. 232 p. (In Russ.) ISBN 978-5-4448-1556-4.
11. Arutyunova E. M., Ryzhova S. V. (eds.) *Content of Russian identity. Regional and ethno-cultural contexts*. Moscow: FNISCRAN; 2021. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-374-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021).
12. Kuznetsov I. M., Khukhlayev O. E. Risks of Interethnic Conflicts in Educational Institutions of Moscow. *Social'naâ psihologîâ i obšestvo=Sociological Psychology and Society*. 2014;5(2):115–126. (In Russ.).
13. Khukhlayev O. E. Ethno-national attitudes of modern Russian youth. *Voprosy psikhologii*. 2011;(1):46–57. (In Russ.).
14. Khaliy I. A. Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2017;(2):67–74. (In Russ.).
15. Lewin E. Constructive Patriotism in Wartime. *Open Journal of Political Science*. 2013;(3):107–112. DOI [10.4236/ojps.2013.34015](https://doi.org/10.4236/ojps.2013.34015).

Information about the Author

I. M. Kuznetsov

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [I-5636-2013](https://orcid.org/0009-0001-5636-2013)

Scopus AuthorID: [57193693307](https://orcid.org/0009-0001-5636-2013)

The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 11.05.2023.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ КОНФЛИКТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Александр Николаевич Чумиков^{1, 2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

²Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,

chumikov@pr-club.com,

ORCID [0000-0002-7208-9783](https://orcid.org/0000-0002-7208-9783)

Для цитирования: Чумиков А. Н. Медиация в системе конфликтологии социальных взаимоотношений: состояние и перспективы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 41–56. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.3). EDN [LHGEXP](https://www.edn.ru/LHGEXP).

Аннотация. Медиация рассматривается в статье как часть конфликтологической области знания, которая, в свою очередь, носит междисциплинарный характер. Представлена логическая цепочка, по которой имеет смысл вести теоретический и прикладной конфликтологический анализ, планировать регулирующие конфликт действия, а также строить преподавание конфликтологии социальных взаимоотношений. В этой цепочке выделяются четыре главных звена: методология анализа социального конфликта, его ситуационный анализ, определение технологии воздействия на ситуацию и процедура реализации выбранной технологии. Именно в заключительном звене присутствует проблематика медиации, или посредничества, которая и является предметом исследования в настоящей работе.

Цель статьи – анализ развития основных направлений медиации в России и её роли как социального регулятора, когда стороны гражданского общества следуют закону, но имеют возможность вырабатывать более широкие, разнообразные и приемлемые для них условия урегулирования спорных ситуаций. Производится обзор исторических предпосылок, уровня современной институционализации, общественно значимых функций медиативного процесса. Даются характеристики развития медиации в государственном, коммерческом и гражданском секторах общества. Обсуждаются пути развития медиации как профессионального, образовательного и воспитательного социальных ресурсов. Фиксируются препятствия такому развитию в виде доминирующего государственного регулирования медиативной деятельности, диспропорционального использования услуг профессиональных медиаторов и их слабой рыночной востребованности, разрозненного преподавания связанных с медиацией образовательных дисциплин, негативных реалий мировой среды.

Предлагаются выводы о необходимости более гармоничного государственно-правового регулирования медиации, важности развития коммуникационной

компетентности, включая единое представление дисциплин «Переговоры – фасилитация – медиация» в образовательном процессе, об актуальности воспитания конфликтологической грамотности как основы культуры поведения в конфликтных ситуациях и умения управлять ими.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, социология конфликта, примирительная процедура, медиация, фасилитация, переговоры

Введение

С точки зрения базовых теоретических оснований медиацию следует рассматривать в рамках конфликтологической области знания. В её основе лежит понимание конфликта как динамического типа социальных взаимоотношений, связанных с потенциально возможным или реальным столкновением субъектов на почве тех или иных противоречиво осознаваемых предпочтений, интересов или ценностей, постоянно присутствующих и не поддающихся устранению [1].

У отечественных и зарубежных учёных присутствует понимание того, что сфера конфликтологии носит междисциплинарный характер. Одни исследователи, придерживаясь расширительных трактовок, считают, что это – самостоятельная отрасль знания на стыке социологии и политологии. Другие говорят о юридической конфликтологии, связанной с правовыми нормами разрешения конфликтов. Третьи рассматривают в качестве конфликтологической дисциплины межличностные и внутриличностные конфликты – другими словами, то, что традиционно относится к области социальной психологии и т. п.

С нашей точки зрения, названные подходы к пониманию конфликтологии отнюдь не противоречат друг другу. Думается, что должны параллельно решаться две задачи: как вычленения конфликтологических аспектов из таких сфер, как социология, политология, юриспруденция, психология и других, так и их соединения в достаточно абстрактную научную отрасль с некоторыми универсальными подходами. Очевидно, что конфликтология в узком понимании должна в каждом случае иметь специфическое определение. А конфликтология в широком значении может быть представлена как отрасль междисциплинарных знаний о структуре и динамике социальных взаимоотношений, связанных с потенциально возможным или реальным столкновением субъектов на почве тех или иных противоречий.

Представим логическую цепочку, по которой имеет смысл вести теоретический и прикладной конфликтологический анализ, планировать регулирующие конфликт действия, а также строить преподавание конфликтологии социальных взаимоотношений. В этой цепочке мы выделяем четыре главных звена, или этапа [2].

Первый этап связан с методологией анализа социального конфликта. Эта методология базируется на рассмотрении элементов, в которых и с которыми «работает» аналитическое пространство конфликта и от состояния которых зависит динамика последнего. Важнейший элемент здесь – социальная система. С точки зрения конфликтологии её можно характеризовать как тип общественного устройства, определяющий его бóльшую или меньшую конфликтность. Следующий краеугольный элемент – социальная структура, или схема организации общественного организма. В качестве основных структур, осуществляющих конфликтные взаимодействия в социальной системе, фигурируют объединённые по какому-либо принципу группы индивидов и отдельные индивиды как составные части таких групп. Методологическая задача заключается здесь в том, чтобы правильно понять и выстроить иерархию потенциально или реально конфликтующих групп, а также определить принципиальный или детальный рейтинг общественных условий, способствующих повышению или снижению индивидуальной конфликтности.

Социально-профессиональные группы и составляющие их индивиды являются носителями различных противоречий, от правильного понимания и регулирования которых зависят возможности динамической стабилизации общества. Мы выделяем структурные противоречия, присущие любой социальной системе и любому периоду, и противоречия содержательные, свойственные конкретной системе, периоду или явлению.

Переходя от структурных противоречий к содержательным, мы обозначаем второе звено указанной выше логической цепочки – ситуационный анализ социального конфликта. С помощью принципов общей методологии начинаем рассматривать ситуацию в конкретный промежуток времени, на той или иной территории, в определённой стране или социальной группе.

Третий логический этап в работе с конфликтом – определение технологии воздействия на ситуацию. При выборе такой технологии мы можем ориентироваться на предотвращение, устранение имеющегося конфликта, но главным образом – на управление им. Под управлением подразумевается урегулирование, разрешение или даже подавление конфликта в интересах общества в целом либо его отдельных субъектов. Правильно организованное управление придаёт конфликтному процессу формы, обеспечивающие минимизацию неизбежных политических, социальных, экономических и нравственных потерь, оптимизацию тех или иных сфер общественной жизни. Управление предполагает различные стратегические подходы: в их числе называются нормативно-правовой, принудительно-переговорный (реалистический) и основанный на реше-

нии проблем и удовлетворении всеобщих интересов (в силу редкого применения на практике его называют идеалистическим). В тактическом плане, в зависимости от ситуации, определяется стиль конфликтного поведения: конкуренция, уклонение, приспособление, уступки, сотрудничество. Однако на этом процесс работы с конфликтом не заканчивается, поскольку необходимо определить процедуры, в рамках которых реализуются выбранные технологии.

Именно четвёртое – процедурное – звено является ключом к пониманию возможностей, заключённых в трёх предыдущих этапах работы с конфликтом: методологическая платформа, ситуационный анализ и выбор прогрессивной технологии. Наиболее чётко процедура представлена в юридическом плане. В этом ракурсе мы говорим о законотворчестве, парламентских процедурах, конституционном правосудии, гражданском и уголовном судопроизводстве, различных формах арбитража. Однако и неюридический спектр процедурной конфликтологической проблематики не менее широк: это навыки установления адекватной и доброжелательной коммуникации с партнёрами и оппонентами; методы организации межличностных, межгрупповых и многосторонних переговоров; эффективная фасилитация (модерация) как методика проведения деловых совещаний с выходом на решение, собраний акционеров, партийных съездов и т. д. В обоих спектрах присутствует проблематика медиации, или посредничества, которая и является предметом исследования в настоящей статье. Процедура (в нашем случае медиативная) логически завершает работу с потенциальным или реальным конфликтом, доводя её до требуемого результата.

Если сопоставлять дисциплины «конфликтология» и «социология», то здесь интересно обратиться к рассуждениям А. Г. Здравомыслова. К конфликтологии учёный относит то, что мы называем «четвёртым звеном» – технологии переговорного процесса, посредничества, методы разъединения сторон. При этом исследователь выделяет «социологию конфликта», базирующуюся, по его мнению, на определённом понимании групповых интересов, которые представляют динамические силы, влияющие на распределение власти. На наш взгляд, и такое видение вполне укладывается в представленную выше логику конфликтологического анализа [3; 4].

Цель настоящего исследования заключается в определении подходов к продвижению и закреплению медиации как технологически эффективной и социально востребованной примирительной процедуры, но также практико-ориентированной образовательной дисциплины и действенного нематериального ресурса снижения социальной конфликтности.

В задачи исследования входят краткое представление хронологии развития медиативных технологий, разбор практики их применения в ходе

управления конфликтами различных уровней, оценка программ преподавания процедурных коммуникационных дисциплин в вузах. В качестве методов исследования используются:

- качественный (кабинетный) контент-анализ работ зарубежных и российских теоретиков в области конфликтологии в целом и медиации в частности;
- выборочный аналитический обзор исследований о понимании и распространении медиации, а также прикладного опыта профессиональных медиаторов;
- авторские эксперименты в области конфликтологической экспертизы и проведения медиативных сессий.

Становление медиации как примирительной процедуры в международном правовом и социально-культурном пространстве

Исследователи считают, что медиация как способ разрешения конфликтов с участием третьей стороны (посредника-медиатора) берёт начало с того момента, когда на земле появились три и более человеческих существа. Как институциональный метод урегулирования конфликтов она применялась уже в древнем Китае в качестве инструмента реализации конфуцианской философии [5].

Медиация получила развитие в системе законов и обычаев древней Японии, в африканских племенных традициях. Постепенно различные механизмы медиации закреплялись в религиозных, культурных, коммерческих сообществах многих стран мира. Массовое внедрение регламентированной практической медиации началось в США начала XX в., где интерес к медиативным процедурам пробудили китайские эмигранты, а затем взяли на вооружение еврейские сообщества, квакеры, общины христианской церкви [6].

Постепенно медиация в США закреплялась на законодательном и этическом уровне, охватывая различные сферы: трудовую, семейную, соседскую; область охраны окружающей среды и т. д. К 1970–1980-м гг. в США появляются общественные организации и коммерческие центры, занимающиеся формами альтернативного решения споров, в том числе медиацией.

Системное освоение медиативных процедур в России началось в 90-х гг. XX в., а появление юридических документов и исследовательских центров данного профиля относится главным образом к 2010-м гг. XXI в. В 2010 году принят Федеральный закон от 27.07.2010. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием по-

средника (процедуре медиации)», призванный, с одной стороны, придать медиативным процедурам юридическую институциональность. Значимой новацией стало внесение в 2019 году в статью о медиативном соглашении Закона части о том, что такое соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведённой без передачи спора на рассмотрение суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа ¹.

С другой стороны, обсуждался и внедрялся широкий спектр общественных медиативных процедур, находящихся в фокусе нашего исследования. О характере этого спектра дают представление, в частности, материалы IV Международной конференции «Медиация в образовании: социокультурный контекст», где наряду с перспективами развития медиации в образовании, в том числе школьной медиации, обсуждались: проблематика урегулирования с помощью медиации межкультурных, межэтнических конфликтов в социокультурном пространстве; вопросы профилактики и разрешения конфликтов в интернет-среде, профессиональной подготовки в сфере медиации; задачи формирования медиативной культуры в современном обществе как ресурса его социальной экологизации и др. [7].

Таким образом, медиация закрепились как примирительная посредническая процедура, регулируемая законом, допускающим её применение и на более широком уровне, фиксируемом в этических кодексах, корпоративных регламентах и коммерческих правилах. В третьем десятилетии XXI в. продолжается процесс правового и альтернативного осмысления и структурирования медиативной теории и практики.

Структурирование медиации как образовательной дисциплины и профессионального стандарта

Медиация – это и образовательная дисциплина, закреплённая в профильном федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) «Конфликтология» ², предусматривающем освоение такой общепрофессиональной компетенции, как способность вести переговоры и осуществлять процесс медиации между конфликтующими сторонами.

¹Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (дата обращения: 28.04.2023).

²Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 956 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 37.03.02 Конфликтология (уровень бакалавриата)» // КонсультантПлюс : [сайт]. 16.09.2014. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/370302_Konfliktologia.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

Принят профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)»¹.

Дисциплины по медиации присутствуют в блоках вузовских программ, формируемых участниками образовательных отношений, и разрабатываются в рамках самых различных направлений подготовки и специальностей. Наряду с конфликтологией это юриспруденция, политология, социология, психолого-педагогическое образование, психология служебной деятельности и др. В образовательное пространство интегрируется метод школьной медиации.

Но здесь существует, на наш взгляд, следующая проблема: вузовские программы дисциплин «Переговоры», «Фасилитация», «Медиация», как правило, разъединены, хотя логически и технологически они составляют единое целое. В поддержку данного тезиса приведём вот какой факт: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) разработала специальный документ «Посредничество и содействие диалогу в контексте ОБСЕ», где понятия медиации и переговоров тесно увязаны. Посредничество определяется как «структурированный процесс коммуникации, в ходе которой беспристрастная третья сторона взаимодействует с конфликтующими сторонами в поисках путей взаимосогласованного решения спора, удовлетворяющего все заинтересованные стороны». Данный процесс включает четыре основных этапа: подготовительный этап для согласования переговорного процесса («переговоры о переговорах»), переговоры при помощи посредников, заключение договора и его реализация [8].

Сходного понимания придерживаются и российские учёные. Так, Н. Минкина замечает, что медиацию можно изучать как технологию построения культуры диалога и рассматривать её в качестве переговоров – особого вида деятельности, охватывающего широкую сферу общественной жизни [9].

Что касается фасилитации, то она представляет собой процесс организации конструктивной совместной деятельности индивидов или групп, ориентированный на поиск и принятие конструктивных решений. Но цель медиации во многом аналогична, причём в обоих случаях должен присутствовать независимый посредник. Фиксируя разницу между процедурами, исследователи говорят о наличии острого конфликта при медиативном рассмотрении и отсутствии такового в случае фасилитации. Однако это верно лишь отчасти. Рассматривая в книге «Руководство фасилитатора» процесс групповой работы с участием посредника,

¹Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // КонсультантПлюс : [сайт]. 20.03.2015. URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.001.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).

С. Кейнер указывает на частое возникновение ситуации, которую исследователь называет «зоной стонов», – с проявлением настроений гнева, тревоги, раздражения, растерянности и даже отвращения. Но это и есть характеристики типичной конфликтной ситуации, находящейся в центре внимания медиатора [10].

Фасилитация обозначается в ряде случаев термином «модерация», означающим ведение какого-либо мероприятия. Такое ведение зачастую ориентировано на выработку коллективного решения, и тогда процедура действительно приобретает характер полноценной фасилитации. При наличии конфликта между участниками обсуждения модератор вынужден применять и медиативные технологии. Такая ситуация имела место, например, на Сибирском историческом форуме 2021 года, где автор выступал модератором панельной дискуссии «Постсоветская Сибирь: перспективы трансформации». Споры и неопасные конфликты разгорелись в ходе определения приоритетов развития края, которые должны были войти в итоговую резолюцию Форума. Для их вывода из «зоны стонов» и сведения точек зрения в единую резолюцию потребовались навыки фасилитатора-медиатора¹.

Практика чтения автором комплексного курса по переговорам – фасилитации – медиации на факультете государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова сопровождалась выходом первого в России учебника с разбором каждой из названных процедур [11] и подготовкой значительного количества профессиональных коммуникаторов, применивших в дальнейшем свои навыки в государственной и коммерческой сферах.

Использование потенциала медиации как ресурса снижения негативной конфликтности в обществе

Медиация рассматривается и как социально-культурный ресурс снижения негативной конфликтности в обществе, реализуемый за счёт формирования мотиваций к сотрудничеству и договорённостям вместе с навыками ведения и участия в посреднических процедурах. Данные задачи решают как профессионалы юридического профиля (суд, арбитраж), так и специалисты коммерческой сферы (индивидуальные консультанты и компании, оказывающие услуги платной медиации), а также общественные организации (Ассоциация «Лига медиаторов», Союз медиаторов «Национальная палата медиаторов», Национальная организация медиа-

¹ Инструменты территориального брендинга обсудили на Сибирском историческом форуме // Сибирский исторический форум : [сайт]. 23.09.2021. URL: <http://sibhistory.sfu-kras.ru/2021/09/> (дата обращения: 28.04.2023).

торов, Межрегиональный союз медиаторов «Согласие», Общероссийский профсоюз медиаторов, Академия социальных технологий и др.)

В то же время в процессе внедрения медиативных технологий наблюдаются определённые диспропорции. Многие исследователи констатируют, что институт медиации в России сложился скорее как правовой, чем как социальный. Формирование этого института осуществлялось его инициаторами почти исключительно сверху, за счёт активного использования административного ресурса и без анализа или учёта реальных потребностей российского социума в процедуре медиации. Ценностная карта культуры населения России в значительной степени препятствует успешному развитию института медиации [12].

Последний тезис подтверждает Справка Верховного Суда РФ за 2013–2014 гг., составленная по результатам изучения материалов, поступивших из судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В Справке приводятся выводы относительно особенностей такой «карты»: отсутствие у граждан навыков и традиций по ведению переговоров; стремление любыми способами привлечь нарушителя к ответственности; восприятие судебного решения как документа, более значимого по сравнению с медиацией; нежелание отвечать за разрешение конфликта и низкий уровень правовой культуры [13].

Анализируя в 2015 году динамику процесса развития медиации в России, один из первых отечественных медиаторов и автор профильного учебника А. Карпенко выделил три уровня (начальный, успешный и высокий) и шесть стадий данного процесса (по два в каждом уровне). Исследователь констатировал, что медиация находится на неустойчивом уровне своего развития, между первым и вторым уровнем, и указал, что текущие задачи переместились в создание института медиации и формирование профессиональных сообществ [14].

Существуют региональные количественно-качественные исследования, позволяющие расширить представление о проблемных точках развития медиации. Так, П. Гурушкин и Я. Сандрачук провели опрос в форме онлайн-анкетирования по обоснованной корректной выборке среди 370 респондентов Санкт-Петербурга в возрасте от 18 лет. Основной задачей исследования стало выявление уровня знаний о медиации среди целевой аудитории и анализ позиций людей по отношению к медиации.

52% участников опроса ответили, что знают, чем является медиация. Далее только этой группе предлагалось выбрать одно из определений медиации, где помимо правильного ответа указывались варианты, связанные с понятиями «медиатизация» и «медитация». Адекватно ответили 35% респондентов, приравнивали медиацию к медиатизации 37%; варианту, связанному с медитацией, отдали предпочтение 28%. Получается,

что далеко не все из заявивших о знании термина «медиация» правильно понимают его суть.

На вопрос о практике участия в процедуре медиации более 80% респондентов ответили отрицательно, каждый десятый затруднился с ответом и лишь 9% указали, что пользовались услугами медиатора.

Выбор моделей поведения в серьёзных конфликтах распределился следующим образом: 65% респондентов намереваются самостоятельно провести переговоры с оппонентом, где будут настаивать на своём или согласятся на компромисс, 15% пойдут в суд общей юрисдикции или третейский суд, столько же готовы обратиться к медиатору, 5% станут ждать, пока всё решится само собой [15].

Исследование Н. Самсоновой и Ю. Долгушиной в Калининградской области показало, что население минимально информировано как о медиации в целом, так и о её юридических новациях. Только 5% респондентов сообщили, что знают о медиации как о способе урегулирования спора, однако никому из опрошенных неизвестно о возможности решить семейный спор с помощью медиатора и придать соглашению силу исполнительного листа. К нотариусам с целью удостоверения медиативного соглашения с октября 2019 по март 2021 г. никто не обращался [16].

Н. Масленникова объясняет сложившуюся ситуацию низким уровнем просветительской работы на уровне органов государственной власти, местного самоуправления, средств массовой информации, добавляя к этому фактор непризнания потенциальными потребителями профессиональных и репутационных компетенций медиатора [17].

Наш собственный авторский опыт проведения и наблюдения за медиативными сессиями в 1990–2020-х гг., зафиксированный в учебном пособии «Переговоры – фасилитация – медиация» [18], показывает, что в практике распространения услуг медиации присутствует крен в сторону использования их государственными, муниципальными, крупными бизнес-структурами, где услуги медиатора предоставляются на общественных началах или оплачиваются органом власти или компанией. Медиативная практика имеет место и в общественных организациях в случае финансирования из государственного бюджета или негосударственного гранта. Граждане чаще всего пользуются услугами коммерческих психологов, фактически применяющих психотерапию вместо декларируемых услуг по медиации.

Обращаясь, наконец, к воспитательному значению медиации, следует сказать, что общая культура применения альтернативных способов урегулирования конфликтов в целях снижения уровня негативной конфликтности в социуме низка. Причём если раньше внедрение принципов толерантности в ряде зарубежных стран, а также развитость в них орга-

низаций, предоставляющих услуги медиатора, и технологий, способных обеспечивать внесудебное урегулирование конфликтов, могли служить образцом для России, то в третьем десятилетии XXI в. они в ряде случаев негативно влияют на востребованность и доверие к медиации как прогрессивной форме управления конфликтом и актуализации обсуждаемого контента соглашений.

Веру в действенность медиации подорвали, например, Минские соглашения 2014–2015 гг., при обсуждении которых фактическими медиаторами выступали представители ОБСЕ, Германии и Франции. Как известно, эти медиаторы выполняли свою функцию лишь фиктивно, соглашения не выполнялись, что привело в конечном счёте к переходу конфликта в военную стадию. В международной практике в целом отмечается тенденция ко всё более частому отсутствию или игнорированию договорённостей, достигнутых на переговорах с участием посредников, а само посредничество становится способом приращения политического капитала, а вовсе не решения проблем.

В 2023 году в МИД России прямо заявили, что, как показывает практика, западные посредники часто преследуют собственные цели и пытаются влиять на ход переговоров, действуя не для урегулирования конфликта, а в собственных политических и экономических интересах¹.

Что касается содержания медиативных сессий, то западная псевдотолерантность искажает традиционные ценности личности, семьи, группы и зачастую уводит дискуссии в сторону от реальных злободневных проблем, мешает осуществлению адекватной и общественно полезной медиации.

Но одновременно появляется потенциал для более интенсивного развития медиации в позитивном русле: в ходе глобальной перестройки внешних и внутренних экономических и политических связей России идёт интенсивный переговорный процесс между субъектами этих связей, обновляются прежние и заключаются новые соглашения о сотрудничестве в разных сферах. Представляется, что участие профессиональных медиаторов в данных процессах вместе с их исследовательским обеспечением должно и может быть активно востребованным.

Выводы

Рассмотренные нами блоки медиативной проблематики выполняют разные доминирующие, хотя и пересекающиеся, функции: первый (медиация как примирительная процедура) – коммуникативную, второй

¹ В МИД России заявили, что переговоры с Украиной при их возобновлении должны быть прямыми // ТАСС: [сайт]. 13.01.2023. URL: <https://tass.ru/voennaya-operaciya-na-ukraine/16791161> (дата обращения: 28.04.2023).

(медиация как образовательная дисциплина) – обучающую, третий (медиация как ресурс снижения негативной конфликтности) – воспитательную. Вопрос заключается в поисках механизмов оптимизации использования всех блоков-функций.

Его решение предусматривает расширение роли медиации как социального регулятора и вынесение на повестку дня следующих приоритетных задач:

1. В профессионально-процедурной области – активизация работы по популяризации механизмов альтернативного разрешения конфликтов с тем, чтобы они стали достоянием массового общественно-го знания, признания и использования.
2. В образовательной сфере – развитие навыков коммуникационной компетентности в целом, конфликтологической грамотности и формирование программы «Переговоры – фасилитация – медиация» как единого модуля подготовки специалистов всех трёх указанных профилей.
3. В общественной жизни – воспитание культуры поведения в конфликте и управления конфликтными ситуациями с опорой на традиционные общечеловеческие и российские базовые ценности, и мотивационные ориентиры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чумиков А. Н. Антикризисные коммуникации. М. : Проспект; МГЛУ, 2021. 190 с. ISBN 978-5-392-35284-5. EDN **UFGHZA**.
2. Чумиков А. Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 118–124. EDN **MOXGVN**.
3. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта : Учебное пособие для студентов ВУЗов / А. Г. Здравомыслов. 3-изд., доп. и пер. М. : Аспект-Пресс, 1996. 317 с. ISBN 5-7567-0112-5. EDN **ZENZOT**.
4. Чумиков А. Н. Социология конфликта в интерпретации А. Г. Здравомыслова // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 138–145.
5. Folberg J., Taylor A. Mediation: a comprehensive guide to resolving conflicts without litigation. San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1984. 392 p. ISBN 0-87589-594-8.
6. Brown D. Divorce and Family Mediation: History, Review, Future Directions // Family Court Review. 1982. Vol. 20, № 2. P. 1–44. DOI **10.1111/j.174-1617.1982.tb00086.x**.
7. Медиация в образовании: социокультурный контекст. IV Международная конференция (Красноярск, 14–15 октября 2022 г.) // Сибирский федеральный университет : [сайт]. URL: <https://conf.sfu-kras.ru/mediation-in-education-2022> (дата обращения: 28.04.2023).
8. Посредничество и содействие диалогу в контексте ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/f/155196.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).

9. Минкина Н. И. Медиация: обзор подходов в исследовании и правовая основа // Евразийская адвокатура. 2014. № 4 (11). С. 43–46.
10. Kaner S. Facilitator's guide to participatory decision-making. San Francisco : John Wiley & Sons/Jossey-Bass, 2011. 368 p.
11. Чумиков А. Н. Ведение переговоров: стратегия, коммуникация, фасилитация, медиация : уч. пособие. М. : Унив. гуманитар. лицей, 1997. 166 с. ISBN 5-88387-016-3.
12. Вечерина О. П., Путалова И. Б. Структура российского института медиации: настоящее, прошлое, будущее // Юридические исследования. 2020. № 9. С. 47–63. DOI [10.25136/2409-7136.2020.9.34287](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.9.34287). EDN [WHSPJI](https://www.edn.net/WHSPJI).
13. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=9939 (дата обращения: 28.04.2023).
14. Карпенко А. Д. Профессиональный стандарт как будущее медиации // Третейский суд. 2015. № 2/3 (98/99). С. 89–95. URL: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2015/2-3.php> (дата обращения: 28.04.2023).
15. Гурушкин П. Ю., Сандрачук Я. Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (сетевое издание). 2020. Т. 4, № 2 (11). С. 41–50. DOI [10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5). EDN [RSONXJ](https://www.edn.net/RSONXJ).
16. Самсонова Н., Долгушина Ю. Проблемы востребованности медиации как основа просветительской деятельности с населением // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 294–297. DOI [10.24412/1991-5497-2021-388-294-297](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-294-297). EDN [XLFFMC](https://www.edn.net/XLFFMC).
17. Масленникова Л. В., Телешова Ю. А. Институт медиации в РФ: проблемы и перспективы // Молодой учёный. 2017. № 13 (147). С. 462–464. EDN [YISKBN](https://www.edn.net/YISKBN).
18. Чумиков А. Н. Переговоры – фасилитация – медиация. М. : Проспект; МГЛУ, 2021. 192 с. ISBN 978-5-392-35692-8. EDN [NELTLL](https://www.edn.net/NELTLL).

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [475501](https://elibrary.ru/author_index.action?id=475501)

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023;
принята к публикации 28.04.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.3)

MEDIATION IN THE SYSTEM OF CONFLICT MANAGEMENT THEORY: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Alexander Nikolaevich Chumikov^{1, 2}

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

²Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,

ORCID [0000-0002-7208-9783](https://orcid.org/0000-0002-7208-9783)

For citation: Chumikov A. N. Mediation in the system of conflict management theory: state and development prospects. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):41–56. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.3).

Abstract. Mediation is considered in the article as part of a conflict management theory, which, in turn, is interdisciplinary in nature. The logical chain is presented, according to which it makes sense to conduct theoretical and applied conflict management analysis, plan conflict-regulating actions, as well as build the teaching of conflict management theory. There are four main links in this chain: the methodology of the analysis of social conflict, its situational analysis, the definition of the technology of influencing the situation and the procedure for implementing the chosen technology. It is in the final link that the problems of mediation, or mediation, are present, which is the subject of research in this work.

The purpose of the article is to analyze the development of the main directions of non-jurisdictional mediation in Russia and its role as a social regulator, when the parties of civil society follow the law, but have the opportunity to develop broader, diverse and acceptable conditions for resolving disputes. The review of historical prerequisites, the level of modern institutionalization, socially significant functions of the mediation process is carried out. The characteristics of the development of mediation in the state, commercial and civil sectors of society are given. The ways of development of mediation as a professional, educational and educative social resource are discussed. The obstacles to such development are fixed in the form of dominant state regulation of mediation activities, disproportionate use of mediation services and their weak market demand, scattered teaching of mediation-related educational disciplines, negative realities of the world experience. Conclusions are proposed about the need for a more harmonious state-legal regulation of mediation; the importance of developing communication competence, including a unified presentation of the disciplines «Negotiation – facilitation – mediation» in the educational process; the relevance of the education of conflict management literacy as a culture of behavior in conflict situations and the ability to manage them.

Keywords: conflict, conflict management theory, sociology of conflict, conciliation procedure, mediation, facilitation, negotiations

REFERENCES

1. Chumikov A. N. Anti-crisis communications. Moscow: Prospekt MGLN; 2021. 190 p. (In Russ.). ISBN 978-5-392-35284-5.
2. Chumikov A. N. Conflictology of social relations as a complex educational discipline and practical specialization. *Sociological research=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1997;(7):118–124. (In Russ.).
3. Zdravomyslov A. G. Sociology of conflict. Study guide for students. Moscow: Aspect-Press; 1996. 317 p. (In Russ.). ISBN 5-7567-0112-5.
4. Chumikov A. N. Sociology of conflict as interpreted by A. G. Zdravomyslov. *Sociological research=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1996;(11):138–145. (In Russ.).
5. Folberg J., Taylor A. Mediation: a comprehensive guide to resolving conflicts without litigation. San Francisco: Jossey-Bass Publishers; 1984. 392 p. ISBN 0-87589-594-8.
6. Brown D. Divorce and Family Mediation: History, Review, Future Directions. *Family Courts Review*. 1982;20(2):1–37. DOI [10.1111/j.174-1617.1982.tb00086.x](https://doi.org/10.1111/j.174-1617.1982.tb00086.x).
7. Mediation in Education: Socio-cultural context. IV International Conference. Krasnoyarsk; 2022. October 14–15. Siberian federal university. Available at: <https://conf.sfu-kras.ru/mediation-in-education-2022> (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
8. Mediation and promotion of dialogue in the context of the OSCE; 2014. 126 p. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/f/155196.pdf> (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
9. Minkina N. I. Mediation: Review of Approaches in Investigation and Legal Framework. *Eurasian Advocacy=Evrazijskaya advokatura*; 2014;4(11):43–46. (In Russ.).
10. Kaner S. Facilitator's guide to participatory decision-making. San Francisco: John Wiley & Sons; 2007. 368 p. ISBN 978-5905-955-10-5.
11. Chumikov A. N. Negotiation: strategy, communication, facilitation, mediation. Moscow: MGU; 1997. 166 p. (In Russ.). ISBN 5-88387-016-3.
12. Vecherina O. P., Putalova I. B. Structure of the Russian Mediation Institute: Present, Past, Future. *Legal research=Iuridicheskie issledovaniia*; 2020;(9):47–63. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7136.2020.9.34287](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.9.34287).
13. Certificate on the practice of application by courts of Federal Law No. 193-FZ dated July 27, 2010 “On alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)” for the period from 2013 to 2014. Available at: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=9939 (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
14. Karpenko A. D. Professional standard as the future of mediation. *Arbitration Court=Arbitrazhny`j sud*. 2015;2/3(98/99):89–95. Available at: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2015/2-3.php> (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
15. Gurushkin P. U., Sandrachuk Ia. F. Institute of Mediation in Russia: problems and prospects. *Information age=Vek informacii*. 2020;4(2/11):41–50. (In Russ.). DOI [10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5).
16. Samsonova N., Dolgushina Iu. Problems of the demand for mediation as a basis for educational activities with the population. *The world of science, culture, education=Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2021;(3/88):294–297. (In Russ.). DOI [10.24412/1991-5497-2021-388-294-297](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-294-297).

17. Maslennikova L. V., Telesheva Iu. A. Institute of Mediation in the Russian Federation: problems and prospects. *Young scientist=Molodoj uchenyj*. 2017;13(147):462–464. (In Russ.).
18. Chumikov A. N. Negotiation – facilitation – mediation. Moscow: Prospect; MGLN; 2021. 192 p. (In Russ.). ISBN 978-5-392-35692-8.

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Politics, Professor,
Main researcher

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 28.04.2023.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Галина Зиновьевна Ефимова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
g.z.efimova@utmn.ru,
ORCID [0000-0002-4826-2259](https://orcid.org/0000-0002-4826-2259)

Для цитирования: Ефимова Г. З. Профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 57–79. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.4). EDN OORROT.

Аннотация. В современной трудовой сфере образ работника в виртуальном пространстве имеет осязаемую ценность, становясь значимым социальным ресурсом при трудоустройстве и последующем карьерном продвижении. Степень востребованности личного бренда в онлайн-среде связана с особенностями конкретных профессий. Для научно-педагогических работников самопрезентация в виртуальных соцсетях значима не только для их карьерного роста, развития социального капитала и личного бренда, но также ценна как фактор научной коммуникации. Грамотная профессиональная самопрезентация в виртуальном пространстве помогает формировать благоприятный социальный имидж, повышающий престиж университетского преподавателя и учёного. В период пандемии и вызванного им перехода образовательной и научно-исследовательской деятельности в онлайн-пространство, значительно возросла востребованность профессиональной самопрезентации работников сферы образования в виртуальной среде. В статье анализируются практики профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях. Представлена типология стратегий использования универсальных социальных сетей (ВКонтакте и др.) и профессиональных (научных) социальных сетей (Research Gate, Academia Edu, Mendeley). Особый исследовательский интерес сконцентрирован на практиках коммуникации и профессиональной самопрезентации посредством виртуальных социальных сетей. Выявлены преимущества и ограничения использования преподавателями онлайн коммуникации, а также определены виды приоритетных результатов, которых достигают или хотели бы достичь пользователи. Эмпирической базой анализа являются данные опроса, проведённого методом полуструктурированного интервью исследовательским коллективом с участием автора статьи 120 научно-педагогических сотрудников шести российских университетов, вошедших в реализацию проекта «5–100». По результатам исследования

сформирована классификация преподавателей высшей школы в зависимости от наличия у них информации и стремления транслировать контент в виртуальных социальных сетях: эксперты и лидеры мнений; консерваторы; спамеры; пассивные; отсутствующие. Построена типология стратегии профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных соцсетях: добровольная, вынужденная, неприоритетная профессиональная самопрезентация; отказ от самопрезентации (внешний или внутренний).

Ключевые слова: профессиональная самопрезентация, научно-педагогические работники, преподаватель, профессорско-преподавательский состав, университет, личный бренд, профессиональный имидж, виртуальные социальные сети

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности». Автор выражает благодарность руководителю научного проекта А. Н. Сорокину, кандидату исторических наук, директору школы исследований окружающей среды и общества («Антропошкола», ТюмГУ, Тюмень) за организацию и проведение интервью, а также М. В. Грибовскому, доктору исторических наук, профессору кафедры российской истории (ТГУ, Томск), который совместно с автором статьи участвовал в проведении серии экспертных интервью.

Введение

За последние десятилетия интернет приобретает всё большее распространение в мире, успешно встраиваясь в повседневную жизнь и трудовые практики населения. Процесс глобальной информатизации и развития интернет-пространства, способствовал уверенному встраиванию педагогов в работу с частичным или полным применением виртуальных технологий. В период вынужденной самоизоляции из-за пандемии коронавируса образовательная деятельность происходила исключительно в онлайн-формате и интернет-пространство приобрело ещё большую социально-профессиональную значимость. Работники сферы образования были вынуждены использовать в своей деятельности интернет-ресурсы и иные информационно-коммуникационные технологии. Оценив преимущества виртуального общения, преподаватели и студенты впоследствии не захотели отказываться от многих из них, практикуя «гибридные» формы обучения, консультаций с преподавателями и сдачи работ в смешанном онлайн/офлайн-форматах. Возросла значимость представленности личности в виртуальном пространстве, формирования личного бренда, тактики профессиональной самопрезентации и продвижения.

Виртуальные социальные сети, появившись сравнительно недавно (в начале XXI в.) в качестве инструмента досуга и развлечений, стали эффективным средством как индивидуального профессионального позиционирования и самопрезентации, так и публикации результатов научных

исследований в онлайн-пространстве. Это объясняется заинтересованностью научно-педагогических работников в повышении осведомлённости о результатах проведённых ими исследований не только среди представителей научного сообщества, но и среди широкой общественности.

Статья имеет целью выявление и анализ особенностей профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях, классификацию преподавателей высшей школы в зависимости от их готовности и стремления транслировать информацию в этих сетях, типологию стратегий профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальном пространстве.

Основные подходы и результаты исследований в области самопрезентации

Самопрезентация как социально-психологический конструкт управления впечатлением. Психологами разработано множество подходов к изучению самопрезентации, которые часто заменяются синонимами: «самоподача», «самопредставление», «самораскрытие». В зависимости от преобладающей мотивации П. Аркин выделяет два вида самопрезентации [1]: (1) приобретающая самопрезентация (реалистичное позиционирование себя в среде, адекватное уровню идентификации субъекта); (2) защитная самопрезентация (мотивация избегания неудачи, субъект выбирает среду, не соответствующую его социальному положению, образованию и пр.). Индикатор защитной самопрезентации – размещение личных аккаунтов в виртуальных социальных сетях (social network sites – SNS), не соответствующих по возрасту основной аудитории, а также ложное или анонимное представление себя [2, с. 221]. Интерес зарубежных исследователей концентрируется вокруг самопрезентации в профессиональных сетях [3; 4; 5].

М. Снайдер и Т. Смит определяют самопрезентацию как процесс управления впечатлением. Одни люди формируют впечатление о себе, опираясь на реальную самооценку, в то время как другие производят проективное впечатление, выступающее результатом оценок других людей [6]. В рамках теории И. Джонса и Т. Питтмана самопрезентация рассматривается как проявление в поведении субъекта стремления к власти. Они выделяют пять стратегий самопрезентации [7]: (1) стратегия «понравиться» (власть обаяния); (2) стратегия самопродвижения (власть эксперта); (3) стратегия запугивания (власть страха); (4) стратегия пояснения примерами (власть наставника); (5) стратегия мольбы (власть сострадания).

Для анализа активности самопрезентации пользователя применяется концепция социальной драматургии [8], в рамках которой структура

личной информации разделяется на «личный фасад» и «представление»:

Личный фасад сигнализирует о социальном статусе и роли человека через: визуальную вербальную информацию (имя, пол, возраст, семейное положение, профессия, должность); визуальную невербальную информацию (внешний вид, хобби, уровень дохода, вредные привычки, путешествия); аудиовизуальную информацию (музыкальные, художественные, политические и религиозные предпочтения). Стремясь укрепить личный фасад через соответствие референтной группе и вызвать социальное одобрение целевой аудитории, пользователь может: прямо отражать индикаторы успеха или проявлять косвенное подтверждение карьерных достижений (демонстрация уровня и качества жизни через престижное потребление).

Представление использует маркёры профессионализма, компетенций и опыта через реальные действия пользователя, оперирует информацией. В виртуальных социальных сетях выражается через посты и комментарии, на основании которых пользователями оценивается профессионализм, интеллект, аналитические способности, эрудиция и иные качества конкретного лица.

Целостная презентация предполагает конгруэнтность «фасада» и «представления» (гармоничность и непротиворечивость). Рассогласование символического образа и реальных действий провоцирует у подписчиков снижение доверия к транслируемой информации [4, с. 221].

Самопрезентация в интернете схожа с самопрезентацией в офлайн-среде, но имеет специфические особенности. Важен грамотный выбор виртуальной социальной сети в зависимости от целей самопрезентации пользователя, транслируемого контента и особенностей (ожиданий) аудитории. Виртуальные соцсети различаются в зависимости от характеристик пользователей и структуры аудитории, что влечёт за собой специфику транслируемого контента. Также из аккаунтов в социальных сетях можно получить сведения для проверки и дополнения личных данных о кандидате, которую работодатели используют для информационного обоснования кадровых решений.

Профессиональная самопрезентация вузовских преподавателей. Несмотря на широкую представленность темы профессионального имиджа в научной и общественно-популярной литературе, изучение реальных практик формирования профессионального имиджа педагога находится на начальной стадии. В педагогическом сообществе запрос на знания и прикладные навыки по профессиональной самопрезентации, в том числе в виртуальных социальных сетях, сформировался относительно недавно. Отмечено, что на презентацию индивидуальных профессиональных достижений и развитие личного бренда в основном ориентированы

научно-педагогические работники до 40 лет, заинтересованные в профессиональном и карьерном росте, а также имеющие развитые цифровые компетенции [9, с. 337].

В отечественной и зарубежной литературе приоритетное внимание относительно представленности педагогических работников в виртуальных социальных сетях уделено школьному уровню образования, а именно, использованию соцсетей, направленному на карьерный рост [10] и профессиональную самопрезентацию [3; 11]. Активное и корректное применение ресурсов виртуальных социальных сетей может стать одним из лучших карьерных решений. Однако, включённость преподавателей в эти сети невысока. Исследования, датированные 2013 г., свидетельствуют о невысокой компетентности работников образовательных учреждений в использовании социальных сетей, для многих обучающихся по-прежнему основной способ связаться с преподавателем вне аудиторных занятий – электронная почта¹.

Перечислим ключевые особенности активности пользователей в виртуальных социальных сетях [2, с. 219–220]: (1) добровольность эксплуатации ресурса и добавления контактов, самостоятельность выбора объёма и формы представления информации; (2) возможность управления коммуникацией – по критериям: время, форма, качество, целевая направленность, объём и обновление данных, транслируемых вовне, а также через выбор адресатов; (3) недостоверность информации в сети из-за возможного несовпадения транслируемых субъектом сведений и реальности, искажение информации может транслироваться преднамеренно или случайно; (4) доминирование словесного компонента общения и отсутствие полноценной возможности невербальной и паралингвистической коммуникации, передающей эмоции.

Исследованиями установлены приоритетные цели использования виртуальных социальных сетей научно-педагогическими работниками высшей школы: оперативное распространение информации с минимальными издержками, обмен идеями, возможность высказать точку зрения и получить обратную связь (в т. ч. критические отзывы), обсудить сведения со множеством профессионалов и лидеров мнений; повысить профессиональную эффективность за счёт обмена профессиональной информацией.

Виртуальные соцсети выступают как альтернативный источник получения новостей по интересующим пользователя тематикам, а также как возможность формирования или вхождения в сообщество близких по ин-

¹ Why am I banned from following my teachers on Facebook* and Twitter? // The Guardian : [сайт]. 19.03.2013. URL: <https://www.theguardian.com/technology/the-northerner/2013/mar/19/facebook-schools-social-media-policy> (дата обращения: 22.12.2022). * Facebook признан экстремистской сетью в РФ.

тересам людей, научная коммуникация с которыми позволит вовлечь их в свой исследовательский коллектив. Онлайн-пространство предоставляет также возможность обновить стиль преподавания, получить полезные советы, поделиться авторскими подходами и повысить продуктивность образовательной деятельности, установить эффективную коммуникацию со студентами.

Негативные последствия и имиджевые риски самопрезентации.

В условиях цифровизации социальный институт образования сталкивается с имиджевыми рисками, связанными с недостаточной или же избыточной представленностью вузов и сотрудников в виртуальном пространстве. Отсутствие у представителей широкой общественности информации об особенностях повседневного, рутинного труда преподавателей и учёных и результатах их деятельности негативно отражается на социальном имидже научно-преподавательского сообщества. Популяризация результатов их работы, в том числе посредством виртуальных социальных сетей, может повысить имидж преподавателей и исследователей как социально-профессиональной группы, а также университета как социального института [12].

Разрушить или же подорвать профессиональный имидж можно некорректным (несовместимым с образом педагога) поведением в виртуальной социальной сети. Отголосок негативного влияния молниеносно распространяется с виртуального пространства на профессиональную деятельность и жизнь человека. Профессионалу стратегически важно работать над своим имиджем и социальным статусом в офлайн- и онлайн-формате.

Встраиваясь в образовательное пространство, виртуальные социальные сети могут формировать имиджевые риски медийного и правового характера. Медийные риски зарождаются и развиваются в соцсетях, распространяются в СМИ и продолжаются в виде дискуссии, не переходя в правовое поле и не приводя к административным либо уголовным разбирательствам. К правовым рискам относят конфликты, инициированные сообщениями в соцсетях и впоследствии перешедшие на рассмотрение правоохранительными органами. Пример: информация о коррупции в вузе.

Несмотря на очевидные преимущества интернет-пространства, оно требует социально-ответственной модели поведения. Оптимальным для предотвращения рисков представляется планомерное и корректное ведение аккаунтов и сайтов в виртуальных соцсетях (личных, корпоративных). Стратегия их использования научно-педагогическими работниками основана на извлечении максимума преимуществ и возможностей интернет-пространства, с учётом угроз личному и профессиональному имиджу, которые могут создать виртуальные соцсети.

Педагогические работники в основном успешно адаптируются к новым социальным ролям и ожиданиям, создаваемым интернетом и виртуальными соцсетями. Работники сферы образования, как правило, осознают возможные риски для личной и профессиональной репутации, связанные с использованием интернета, и персональную ответственность за содержание публикаций в своих аккаунтах и комментариях к чужим постам.

Трансляция профессионального контента в виртуальных социальных сетях может иметь ограничения. Редакционная политика большинства научных изданий не позволяет размещать в интернете текст статьи до официального опубликования, даже после него для автора могут сохраняться ограничения. Допускается сделать ссылку на сайт журнала, но может быть запрещено размещение полного текста на стороннем онлайн-ресурсе (в т. ч. в личном аккаунте автора в соцсетях). Примечательно, что в последнее время практика меняется и некоторые журналы поддерживают желание авторов публиковать работу в интернете «до» и «в процессе» её рассмотрения редакцией. Делается это с целью активизации обсуждения статьи в профессиональном сообществе и роста количества цитирований¹.

Поскольку присутствие преподавателя высшей школы в виртуальных социальных сетях может нести определённые репутационные риски [13], то при трансляции в этих соцсетях личного и/или профессионального контента, преподаватель должен гарантировать, что его онлайн-активность не навредит его профессиональному имиджу и не нарушит этические нормы. Грамотное использование интернет-пространства позволяет педагогу расширить сферу взаимодействия с обучающимися и реализовывать образовательные онлайн-проекты.

В зарубежных образовательных организациях (преимущественно в школах) существует запрет или ограничение взаимодействия ученика с педагогом через виртуальные социальные сети. Причинами подобного запрета выступают угрозы безопасности для обеих сторон коммуникации, некорректное общение, киберзапугивание, онлайн-троллинг и конфликт социальных ролей. Считается неуместным добавлять преподавателя в «друзья» в виртуальных социальных сетях, но формальные правила образовательной организации и неформальные установки сообщества могут вносить коррективы в практики коммуникации.

Встречаются случаи осуждения педагогов родителями и общественностью за присутствие в виртуальных соцсетях и размещение контента –

¹ The effect of open access and downloads ('hits') on citation impact: a bibliography of studies // OpCit project (The Open Citation Project) : [сайт]. URL: <http://opcit.eprints.org/oacitation-biblio.html> (дата обращения: 22.12.2022).

вполне обычного для других пользователей, но контрастирующего с образом учителя. Подобным контентом могут стать фотографии, отражающие личную жизнь педагога; их публикация способна вызвать общественное порицание, повлечь насмешки, угрозы или травлю. Для предотвращения подобных случаев необходимо обучение педагогических работников корректному и безопасному ведению своих аккаунтов в социальных сетях, с соблюдением требований конфиденциальности и деловой этики¹. При использовании виртуальных соцсетей вузовскими преподавателями важна готовность щедро делиться знаниями и опытом в онлайн-среде, при этом продолжая образовательный процесс в учебном заведении.

Эмпирическая база и результаты исследования

Обобщение полученных коллегами результатов позволило обосновать цели и задачи собственного эмпирического исследования, а именно: анализ и выявление особенностей профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях, классификация преподавателей высшей школы в зависимости от их готовности и стремления транслировать информацию в виртуальных соцсетях, построение типологии стратегий профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальном пространстве.

Исследование проведено в 2019–2021 гг. в рамках гранта РНФ № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности». Опрос проводился методом полуструктурированного интервью очно по месту работы информанта (во время пандемии коронавируса – с применением ресурсов видеосвязи). Объём опрошенной совокупности составил 120 научно-педагогических работников шести российских университетов: Тюменского и Томского государственных, Санкт-Петербургского политехнического, Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), Дальневосточного и Балтийского федеральных университетов². Выбор вузов определён их участием в проекте повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образователь-

¹ Минпросвещения даст учителям рекомендации по ведению социальных сетей // ТАСС : [сайт]. 08.05.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6411926> (дата обращения: 22.12.2022).

² Организацию и проведение серии интервью по авторской методике и инструментарию осуществлял научный коллектив в составе: Г. З. Ефимовой, кандидата социологических наук, профессора кафедры общей и экономической социологии (ТюмГУ) и М. В. Грибовского, доктора исторических наук, профессора кафедры российской истории (ТГУ), под руководством А. Н. Сорокина, кандидата исторических наук, доцента, директора Школы исследований окружающей среды и общества – Антропошкола (ТюмГУ).

ных центров (проект «5–100»). В исследовании участвовали штатные сотрудники, выборка квотная. Распределение по полу, возрасту, отрасли, стажу работы и должности следующее: 45 женщин, 75 мужчин; 36 информантов в возрасте до 35 лет; 40 – в возрасте 36–50 лет; 36 в возрасте 51–70 лет и 8 человек – старше 70 лет. Представители гуманитарных наук – 28 человек, социальных – 30, естественных – 27, технических – 26, иных научных отраслей – 9.

Стратегии профессиональной самопрезентации. По результатам анализа ответов информантов автором сформирована типология стратегий профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях.

В зависимости от значимости для информанта профессиональной самопрезентации и участия в виртуальных социальных сетях, выделены четыре приоритетных стратегии (таблица 1): добровольная и активная профессиональная самопрезентация; вынужденная профессиональная самопрезентация в онлайн-среде; использование виртуальных соцсетей не только для профессиональной самопрезентации; избегание самопрезентации в виртуальных социальных сетях.

Рассмотрим детально каждую из выявленных стратегий самопрезентации.

(1) Приоритет профессиональной самопрезентации.

- Коммуникация с коллегами и научным сообществом.

Посредством социальных сетей осуществляется взаимодействие с представителями научного сообщества (отечественного или международного). *«Соцсети использую для коммуникации с коллегами и деловыми партнёрами. Дневник жизненных событий через соцсети не транслирую»* (жен., проф., 50–55 лет). Для большинства пользователей виртуальных социальных сетей из данной группы респондентов, личный дневник – осознанная и регулярная практика.

«Многие мои коллеги проживают в других городах и странах. Хочу, чтобы они знали, что со мной происходит. Последняя моя новость в соцсетях – ссылка на нашу статью в журнале Q1. Коллеги позитивно реагируют и поздравляют» (жен., доц., 30–35 лет). *«Для меня это (виртуальные социальные сети – прим. авт.) инструмент взаимодействия с научным миром, возможность налаживать контакт с коллегами и приглашать их к участию в мероприятиях»* (муж., проф., 45–50 лет).

Информанты, для которых социальные сети остаются значимым, но не совсем удобным инструментом, используют его как промежуточное звено для установления контакта с коллегами и единомышленниками. Это возможность архивировать контакты, чтобы не потерять и при необходимости оперативно найти человека.

Таблица 1

Стратегии профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных соцсетях

Стратегии		Добровольное участие в виртуальных соцсетях	
		да	нет
Профессиональная самопрезентация	значима	<p>(1) Приоритет профессиональной самопрезентации</p> <ul style="list-style-type: none"> • Коммуникация с научным сообществом • Поиск коллег и рекрутинг сотрудников • Возможность оставаться в эпицентре и получать информацию о событиях в научной сфере 	<p>(2) Вынужденная профессиональная самопрезентация</p> <ul style="list-style-type: none"> • Централизованное заведение организацией аккаунтов сотрудникам (характерно для профессиональных соцсетей) • Требование фондов грантодателей
	незначима	<p>(3) Профессиональная самопрезентация не приоритетна</p> <ul style="list-style-type: none"> • Скромность и нежелание публичности • Публичность отвлекает от продуктивной трудовой деятельности • Использование иных информационных площадок (онлайн или офлайн) • Низкая эффективность • Отсутствие ожидаемого результата • Невозможность / нежелание регулярно наполнять профиль качественным контентом 	<p>(4) Сторонящиеся (избегающие) профессиональной самопрезентации</p> <ul style="list-style-type: none"> • Внешний отказ (запрет со стороны заказчика на распространение результатов исследований) • Внутренний отказ (повышенная конфиденциальность результатов исследования и/или места их получения для защиты от посягательств и неправомерного использования)

«Взаимодействуем с научными группами, которые занимаются идентичной тематикой. Допустим, начинается с общения на конференции, потом переписываемся, обсуждаем, оформляем совместные заявки. Позже, когда узнаём друг друга получше, переходим в переписку в мессенджерах. Соцсети – промежуточное звено знакомства и способ завязать контакт» (жен., проф., 45–50 лет). *«После конференций люди периодически пишут мне в социальных сетях. Общаемся. Если контакт с конкретным человеком важен и значим, переходим в переписку по e-mail»* (муж., доц., 35–40 лет).

- Поиск коллег и рекрутинг сотрудников.

Информанты используют соцсети для поиска коллег, специализирующихся в конкретной предметной области.

«Это витрина, где смотрим квалификацию, научный опыт коллеги и решаем, подходит нам человек или нет» (муж., доц., 45–50 лет). *«Через Research Gate находил соавторов. Когда объявляют конкурс на преподавательские должности, мы обращаемся в кадровый отдел и даём ссылки на интересных нам людей. Привлекали учёных из Китая с Хиршем 100. Ещё профессиональные сети используем для поиска оппонентов»* (жен., проф., 50–55 лет).

- Возможность оставаться в эпицентре и получать информацию о научных событиях.

«В социальных сетях люди пишут посты на важные для них темы, делятся своими статьями и материалами, которые привлекли их внимание. Так я понимаю, чем живёт наше комьюнити» (муж., доц., 40–45 лет). Социальные сети позволяют ликвидировать разобщённость междисциплинарных коллективов. *«Без соцсетей невозможно! Моя научная область интернациональна, многие коллеги за границей»* (муж., проф., 50–55 лет). Социальные сети удобны пользователям для получения информации.

(2) Вынужденная профессиональная самопрезентация.

- Централизованное заведение аккаунта, инициированное университетом.

Некоторые информанты самостоятельно не регистрировались на сайтах профессиональных научных социальных сетей. В этом им помог университет, в котором работают. *«Политика университета подтолкнула к присутствию в Research Gate и Academia Edu – для научно-педагогических сотрудников вуз завёл аккаунты»* (муж., проф., 50–55 лет). *«Университет всем сотрудникам аккаунты создал. Но вспоминаю об этих социальных сетях, только когда на почту от них приходят письма»* (муж., доц., 30–35 лет).

- Необходимость продвижения вуза и формирование его имиджа.

«Я не сторонник везде указывать, что получил диплом за первое место на конференции, но иду на это, если полезно вузу. Я должен думать не только о своих интересах, но и о престиже университета. У нас даже в приложениях к трудовому договору указано, что мы должны пиарить вуз» (муж., доц., 35–40 лет).

- Требование фондов грантодателей.

«Наличие аккаунта – требование зарубежных фондов, когда выигрывал там гранты. Так и остались аккаунты, уже привык их вести» (муж., проф., 50–55 лет).

(3) Профессиональная самопрезентация не приоритетна.

Нежелание формировать и развивать бренд преподавателя и учёного в онлайн-пространстве и представлять результаты индивидуальных и коллективных научных исследований может быть добровольным или вынужденным. Ключевые мотивы, способствующие добровольному отказу информантов от использования социальных сетей (в т. ч. для самопрезентации):

- Скромность и нежелание публичности.

«Неловко рассказывать о себе на неограниченную аудиторию. В офлайн я знаю тех, с кем общаюсь, а в онлайн обо мне будут знать те, кого не знаю я. Неприятно» (муж., доц., 45–50 лет). *«Избегаю само-рекламы в виде рассказов о себе и достигнутых научных результатах. Стыдно себя прославлять. Не люблю, когда обо мне говорят лишний раз»* (муж., проф., 50–55 лет).

Имея представление о социальных сетях на примере активной информационной деятельности коллег, научно-педагогические работники осознанно и принципиально отказываются от профессиональной самопрезентации. Остаются дискуссионными вопросы: может ли учёный оставаться непубличным и не распространять результаты исследований «от первого лица»; не наносит ли учёный подобной практикой вред?

«Среди коллег немало тех, кто в соцсетях размещает информацию научно-популярного характера или сообщают подписчикам, на какой конференции побывали, какая статья вышла. Мне эта практика не близка. Я не эксгибиционист и не стремлюсь себя демонстрировать» (муж., проф., 35–40 лет).

- Публичность отвлекает от продуктивной трудовой деятельности.

Некоторые опрошенные не принимают формат социальных сетей и для профессиональной самопрезентации используют иные коммуникационные каналы, а также онлайн- или офлайн-площадки для трансляции профессионального контента (выступления на научных конференциях, публикации в научных журналах, взаимодействие со средствами массовой информации). Позиция характерна для старшего поколения, представители которого обладают низкой адаптивностью к интернет-коммуникации.

«Я не присутствую в соцсетях и никак их не использую. Представляю старую научную школу и считаю, что соцсети – зло! Всё, что хочу сказать научному миру, публикую в статьях» (муж., проф., 50–55 лет).

Меньшая часть информантов, игнорируя тенденцию на междисциплинарные коллаборации, придерживается преобладающей коммуникации в узкопрофессиональном сообществе, делая ставку на развитие преимущественно реальных, а не виртуальных соцсетей.

«У нас небольшое профессиональное сообщество – всех коллег знаю»

в реальной жизни, нет необходимости присутствовать в виртуальной» (жен., доц., 45–50 лет).

- Информанты, имевшие опыт использования соцсетей для профессиональной самопрезентации, отказываются от практики вследствие разочарования в ней и её низкой эффективности.

«Не пиарюсь в соцсетях. Если человек делает что-то значимое, его и так будут знать. Видела людей, которые везде выступают, а толку никакого. Мой опыт онлайн-присутствия не принёс желаемого результата» (жен., доц., 45–50 лет).

- Загруженность на основной работе и научно-исследовательские задачи (в т. ч. инициативные) не оставляют научно-педагогическому работнику времени на наполнение социальных сетей качественным контентом и коммуникации с пользователями.

«Чтобы использовать соцсети для самопрезентации как учёного, этим надо постоянно заниматься. Много посторонних дел, и нет мотивации заниматься этим делом. Если через соцсети не зарабатываю деньги и только трачу время, то получается странная штука. Не понимаю, какая от них может быть польза для моего карьерного роста» (муж., доц., 45–50 лет).

- Не все информанты, отказывающиеся от самопрезентации в виртуальных социальных сетях, радикально отвергают их.

Некоторые информанты проявили высокую степень лабильности взглядов на соцсети, высказав гипотетическую возможность начать пользоваться ими (хотя пропаганда виртуального общения не входила в цель интервью и не акцентировалась в ходе беседы).

«У меня не сформирована потребность в самопиаре через соцсети своих достижений и научных текстов. Может, заблуждаюсь?! Сейчас попрошу секретаря зарегистрировать для меня аккаунты» (муж., дир. инст., 50–55 лет).

(4) Сторонящиеся (избегающие) профессиональной самопрезентации.

Менее распространён вынужденный отказ информантов от профессиональной самопрезентации через социальные сети (подобной точки зрения придерживаются шестеро информантов из числа научно-педагогических работников, принявших участие в исследовании). Выявлены две формы вынужденного отказа – внешний и внутренний.

- Внешний отказ вызван запретом на распространение информации о результатах научных исследований и разработок, выполненных в рамках договоров с государственными и коммерческими структурами.

Запрет распространяется не только на публикацию научных статей, но и любую информацию о результатах, в т. ч. размещённую в открытом доступе на онлайн-платформах. Подробная информация о строгости за-

прета на распространение прописывается в юридических документах, заключаемых между заказчиком и исполнителем.

«В рамках хоздоговорных проектов работаем с предприятиями, близкими к военным. Не можем рассказывать и показывать» (муж., доц., 35–40 лет).

Внутренний отказ спровоцирован стремлением к повышенной конфиденциальности результатов исследования и/или места их получения.

Имеет значение сфера научных интересов. Чаще о повышенной конфиденциальности говорили историки, археологи и юристы.

«Развито кладоискательство и разграбление древностей. Поэтому информация о богатых находках и открытиях ведёт к уничтожению исторического памятника. Всё найденное кладоискатели продают на чёрном рынке. Именно поэтому мы не рассказываем в СМИ об археологических работах, а не потому, что скрываем или сказать нечего» (жен., проф., 50–55 лет).

Под влиянием информационных трендов и практик онлайн-коммуникации молодых коллег, преподаватели старших поколений меняют мнение о необходимости профессиональной самопрезентации через соцсети.

«До недавнего времени я отрицала соцсети. Студентов укоряла, если находили аккаунт и писали по учебным вопросам. Отвечала: «Не использую ВКонтакте для общения по учёбе, это моё личное пространство». Молодые коллеги призывают использовать соцсети для рабочих задач. Для меня пока непривычно» (жен., проф., 45–50 лет).

Активное использование учёными социальных сетей может иметь негативные последствия. В ходе опроса информанты отмечали, что интенсивное размещение контента в личных аккаунтах соцсетей не всегда адекватно воспринимается вышестоящим и непосредственным руководством, может не одобряться или вызывать категоричное осуждение.

«Неоднократно слышала от предыдущего и нынешнего директора института и от заведующего кафедрой осуждение и негативную оценку моей активности в соцсетях. Это сдерживает желание рассказывать о достижениях. Прямо так и говорил: «Слышал, вы любите выступать в СМИ и себя рекламировать»» (жен., проф., 55–60 лет).

Типология преподавателей высшей школы по критериям использования соцсетей. Применение метода качественного анализа ответов информантов позволило сформировать типологию преподавателей высшей школы в зависимости от наличия у них информации для распространения и желания делиться ею в виртуальных соцсетях (таблица 2).

Выделены четыре категории научно-педагогических работников высшей школы: эксперты и лидеры мнений (хотят и могут делиться экс-

пертной информацией); консерваторы (обладают информацией, но не стремятся распространять её в виртуальных сообществах); спамеры (распространяют пустую и/или недостоверную информацию либо заполняют персональную страницу перепостами); пассивные (используют виртуальные социальные сети как потребители контента, не ориентированы на формирование персонального бренда и самопрезентацию в онлайн среде).

Таблица 2

Типология научно-педагогических работников высшей школы в зависимости от наличия информации и стремления её транслировать в виртуальных социальных сетях

Типы работников		Стремление транслировать информацию	
		да	нет
Наличие информации	да	Эксперты и лидеры мнений (хотят и могут делиться экспертной информацией)	Консерваторы (приоритет делам, а не словам)
	нет	Спамеры (распространители пустой и/или недостоверной информации либо заполняющие страницу перепостами)	Пассивные пользователи (потребители контента, не продвигают себя в онлайн в профессиональном плане)

Проанализировав типологию преподавателей высшей школы в зависимости от наличия информации и готовности транслировать её в виртуальных соцсетях, можем соотнести её с представленными ранее стратегиями профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных соцсетях. Для экспертов и лидеров мнений более характерен приоритет профессиональной самопрезентации. Консерваторам ближе такие стратегии, как «вынужденная самопрезентация» и «профессиональная самопрезентация не приоритетна». Спамеры и пассивные пользователи придерживаются стратегии избегания самопрезентации, т. к. не обладают уникальной информацией для транслирования в виртуальных социальных сетях.

Дискуссия

Множество личных и профессиональных вопросов решается в интернете или присутствует в нём, соседствуя с офлайн-пространством. Не становится исключением работа преподавателя в части образовательной и научно-исследовательской деятельности. Несмотря на широкое распространение социальных сетей, их применение преподавателями высших

учебных заведений остаётся недооценённым [14]. Не все учёные используют социальные сети для распространения результатов исследований, карьерного продвижения и формирования социального капитала в целом.

Трудовые практики представителя научного сообщества во многом определяет габитус академического труда, в качестве одного из проявлений имеющий некоторую форму аскетизма, хотя и характерную не для всех психотипов. Обратим внимание на экскурс в историю. Важная составляющая академической харизмы – «аскетизм повседневной жизни: подчинённость интересам науки. <...> Корни академического аскетизма следует искать в монастырской предыстории университета. <...> В XVIII и XIX столетиях профессорский аскетизм переместился из дома на рабочее место, где принял новые формы – преимущественно творческих достижений поистине эпического, а иногда и эксцентрического свойства. Идеальный профессор сегодняшнего образца обладает признаками усталости и духовного истощения» [15]. Разумеется, в этом контексте самопиар и продвижение результатов своей деятельности в каких бы то ни было формах – не только не сочетается с образом профессора (и академического работника в целом), но и откровенно диссонирует с ним. Такой тип академического работника воспринимает социальные сети как «ярмарку тщеславия», считая, что качество научного труда не причастно его имиджевой составляющей.

Признавая правомерность сказанного выше, вслед за Р. Мертоном придерживаемся мнения, что подобная практика «отстранения» и представление на «суд» научного сообщества и широкой общественности только результатов своей работы без усилий по их продвижению и популяризации, снижает эффективность распространения значимых результатов исследования [16; 17]. Р. Мертон определял «эффект Матфея» как потенциальное преимущество, которое имеют публикации известных учёных перед работами менее именитых коллег: при одинаковом научном уровне двух статей большее число ссылок получает статья, написанная более знаменитым автором [16; 17].

Продуктивность практик самопрезентации научно-педагогических работников отмечена и в концепции социальной драматургии И. Гоффмана [8]. Преподаватели и учёные ориентированы на соответствие референтной группе и стремятся вызвать социальное одобрение целевой аудитории посредством публичной демонстрации конкретных карьерных достижений: наличие грантов, публикации в статусных изданиях, индекс Хирша, поездки на значимые конференции и прочее. Все эти маркёры становятся индикаторами высокого профессионализма, сформированных компетенций и наличия практического опыта через отражение достижений учёного в виртуальных социальных сетях. Причём верифи-

кация данной информации коллегами (преимущественно через лайки и комментарии) подтверждает её достоверность и релевантность. Гармоничность и непротиворечивость персонального бренда учёного формируется при соответствии «фасада» и «представления» в виртуальных социальных сетях и реальной жизни.

Не для каждого учёного и преподавателя его профессиональная деятельность перманентно связана с личным и корпоративным успехом, построением карьеры, самопрезентацией, целенаправленным или стихийным формированием личного бренда или имиджа в конкретной организации. Глубинная причина этого кроется в преобладающей трудовой мотивации работника, а также целях его профессиональной деятельности. Здесь уместно вспомнить идеи классика социологии М. Вебера о науке как «профессии» и как «призвании» [18]. При этом, в условиях общества массового потребления (в особенности интенсификации потребления научно-образовательного контента), важно избежать искажения представлений о трудовых практиках «homo academicus», не видя в нём исключительно разновидность «homo economicus». Здесь возникает тонкий и этически значимый аспект, чтобы за активным позиционированием и самопрезентацией научно-педагогического работника не отходила на второй план эффективность непосредственно трудовой деятельности (с возможным снижением её качества). Если это произойдёт на постоянной или эпизодической основе, то внешняя «оболочка» будет искажать сущностные характеристики «содержимого», что в отношении академического работника имеет потенциальный риск снижения социального престижа профессии.

К числу ограничений исследования, данные которого анализируются в статье, можем отнести то, что оно проведено исключительно в государственных университетах. Поэтому распространение полученных результатов на преподавателей и исследователей негосударственных вузов возможно с осторожностью. Также ограничением может являться отсутствие акцента на разделении мнений информантов в зависимости от их научного направления, которое с высокой долей вероятности, как показывает данное исследование (см. пункт 4.2 в тексте после таблицы 1) оказывает влияние на стратегии профессиональной самопрезентации научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях.

Заключение

В статье представлен анализ коммуникативных практик и стратегий профессиональной самопрезентации преподавателей вузов в виртуальных социальных сетях. Перед ними открывается выбор: пользоваться этими сетями или нет, а если пользоваться, то с личной или професси-

ональной целью. Встречается и вариант смешанного контента, когда в одном аккаунте соединяется как рабочая информация, отражающая образовательный процесс и результаты научно-исследовательской деятельности, так и личный контент, иллюстрирующий повседневные события приватной жизни. Также распространены аккаунты, в которых преподаватель делится размышлениями, рассказывает о трудностях какого-либо процесса (аккредитация вуза, бюрократические тонкости взаимодействия с бухгалтерией, сложности работы с издательством) либо профессии в целом.

Вузы побуждают научно-педагогических работников использовать платформы социальных сетей, при этом стараясь оградить их от возможных рисков, регламентируя деятельность своих сотрудников в виртуальных социальных сетях. Преподаватели могут снизить подверженность рискам, связанным с онлайн-участием, анонимизируя личную информацию, используя псевдонимы и аватары для замены реальных изображений.

Благодаря социальным сетям возможна эффективная поддержка педагогического сообщества, неформальное взаимодействие коллег, обмен опытом и обсуждение актуальных вопросов. Несмотря на то, что социальные сети – эффективный ресурс неформальной коммуникации и непрерывного профессионального развития, некоторые категории научно-педагогических работников высшей школы испытывают отторжение от использования виртуальных социальных сетей, воспринимая их как бесполезные и «отнимающие время», не прибегая к ним для профессиональной самопрезентации и недооценивая их как ресурс формирования персонального бренда.

Преподаватель (как и любой пользователь) имеет право сохранять приватность частной жизни, вовсе не размещая в социальных сетях личную информацию о себе и семье, либо скрывать соответствующие посты от широкого круга пользователей, оставляя доступ к ним родственникам и близким друзьям. На его аккаунт могут быть подписаны обучающиеся, а также знакомые, коллеги и руководство. В общедоступном пространстве рекомендуется размещать экспертные посты, мнения о социально-экономических, политических и других вопросах, в которых пользователь считает себя компетентным; публиковать то, что не оскорбит других пользователей и не нарушит правила социальной сети.

Выявленные нами стратегии самопрезентации результатов деятельности в виртуальных социальных сетях характерны не только для научно-педагогических работников, но и для представителей иных социально-профессиональных групп. Тем не менее уместно обратить внимание читателей на специфику синтеза педагогической и научно-исследовательской деятельности информантов. Соответственно, эффективная

самопрезентация научно-педагогических работников имеет не только субъективную значимость формирования и развития личного бренда, но и выходит на уровень стратегической социальной значимости: транслирование результатов исследований, методики и практики преподавания может применяться как коллегами для совершенствования своего труда, так и широкой общественностью. Вместе с тем, профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях может носить профориентационный аспект для молодого поколения.

Полученные результаты могут содействовать вовлечению научно-педагогических работников в практику применения виртуальных социальных сетей в профессиональных целях, а также использоваться для совершенствования навыков презентации результатов научно-исследовательской и образовательной деятельности, формирования научных коллективов и коммуникации с коллегами. Эффективная профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях также может позитивно отразиться на общественном престиже учёных и имидже университета, способствовать привлечению абитуриентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Arkin R.* Self-presentation styles // *Impression management theory and social psychological research* / Ed. J. T. Tedeschi. NY : Academic Press, 1981. P. 311–333. DOI [10.1016/B978-0-12-685180-9.50020-8](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-685180-9.50020-8).
2. *Селиванова Л. И.* Карьерная самопрезентация в интернет-сообществе посредством аккаунта в социальных сетях // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2012. Т. 18, № 6. С. 219–223. EDN [QAPEYZ](https://elibrary.ru/qaqeyz).
3. *Schoenbrunner A., Gosman A., Bajaj A.* Framework for the creation of ethical and professional social media content // *Plastic and Reconstructive Surgery*. 2019. № 144 (1). P. 118e–125e. DOI [10.1097/prs.0000000000005782](https://doi.org/10.1097/prs.0000000000005782).
4. *Sczesny S., Kaufmann M. C.* Self-presentation in online professional networks: Men's higher and women's lower facial prominence in self-created profile images // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 8. P. 2295. DOI [10.3389/fpsyg.2017.02295](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02295).
5. *Tifferet S., Vilnai-Yavetz I.* Self-presentation in LinkedIn portraits: Common features, gender, and occupational differences // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 80. P. 33–48. DOI [10.1016/j.chb.2017.10.013](https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.013). EDN [YIDTQP](https://elibrary.ru/yidtqp).
6. On the self-serving function of social anxiety: Shyness as a self-handicapping strategy / Ch. Snyder, T. W. Smith, R. W. Augelli, R. E. Ingram // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol. 48. P. 970–980. DOI [10.1037//0022-3514.48.4.970](https://doi.org/10.1037//0022-3514.48.4.970).
7. *Михайлова Е. В.* Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. Санкт-Петербург : Речь, 2007. 224 с. ISBN 5-9268-0547-3

8. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh : University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1956. URL: https://monoskop.org/images/1/19/Goffman_Erving_The_Presentation_of_Self_in_Everyday_Life.pdf (дата обращения: 22.12.2022).
9. *Ефимова Г. З.* Профессиональное продвижение преподавателей высшей школы в виртуальных социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 317–341. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2120](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2120). EDN [IQMMDH](https://edn.ru/ID/IQMMDH).
10. *Roman L.* Using Social Media to Enhance Career Development Opportunities for Health Promotion Professionals // Health Promotion Practice. 2014. Vol. 15, № 4. P. 471–475. DOI [10.1177/1524839914535213](https://doi.org/10.1177/1524839914535213).
11. *Bailey A.* Social media: the good, the bad, and the ugly // Plastic Surgical Nursing. 2019. Vol. 39, № 3. P. 66. DOI [10.1097/psn.0000000000000271](https://doi.org/10.1097/psn.0000000000000271).
12. *Ефимова Г. З., Грибовский М. В., Сорокин А. Н.* Социальный престиж научно-педагогического работника в России и Европе: специфика субъективного восприятия профессии // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 117–139. DOI [10.17323/1814-9545-2022-2-117-139](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-117-139). EDN [DRAJBY](https://edn.ru/ID/DRAJBY).
13. *Артамонов Д. С., Тихонова С. В.* Этические риски медиаприсутствия преподавателя высшей школы в социальных сетях // XI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла – 1919–2019)» : Материалы конференции. (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 года) / Отв. ред. В. Ю. Перов. Санкт-Петербург : ООО «Сборка», 2019. С. 119–120. EDN [DCLCWM](https://edn.ru/ID/DCLCWM).
14. *Chugh R., Grose R., Macht S.* Social media usage by higher education academics: A scoping review of the literature // Education and Informational Technologies. 2021. № 26. P. 983–999. DOI [10.1007/s10639-020-10288-z](https://doi.org/10.1007/s10639-020-10288-z).
15. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Е. А. Вишленкова [и др.] ; под общ. ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой ; пер. с нем. К. Левинсона ; пер. с пол. Д. Добровольского. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2013. 386 с. ISBN 978-5-7598-1046-9.
16. *Merton R. K.* The Matthew Effect in Science // Science. 1968. Vol. 159, № 3810. P. 56–63.
17. *Merton R. K.* The Matthew Effect in Science II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // ISIS. 1988. Vol. 79, № 4. P. 606–623.
18. *Weber M.* Wissenschaft Als Beruf. 1919. URL: https://www.molnut.uni-kiel.de/pdfs/neues/2017/Max_Weber.pdf (дата обращения: 22.12.2022).

Сведения об авторе

Г. З. Ефимова

кандидат социологических наук, доцент,
профессор

AuthorID РИНЦ: [571660](https://elibrary.ru/author_index.action?id=571660)

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.4)

PROFESSIONAL SELF-PRESENTATION OF RESEARCH AND TEACHING STAFF ON SOCIAL NETWORK SITES

Galina Zinov'evna Efimova

University of Tyumen,

Tyumen, Russia.

g.z.efimova@utmn.ru,

ORCID [0000-0002-4826-2259](https://orcid.org/0000-0002-4826-2259)

For citation: Efimova G. Z. Professional self-presentation of research and teaching staff on social network sites. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(2):57–79. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.4).

Abstract. In the modern labour sphere, the image of an employee in the virtual space has a tangible value, becoming a significant social resource in employment and subsequent career advancement. The degree of demand for a personal brand in the online environment is associated with the characteristics of specific professions. For scientific and pedagogical workers, self-presentation in virtual social networks is significant not only for their career growth, development of social capital and personal brand, but also valuable as a factor in scientific communication. A competent professional self-presentation in the virtual space helps to form a favourable social image that enhances the prestige of a university teacher and scientist. During the pandemic and the transition of educational and research activities to the online space caused by it, the demand for professional self-presentation of educators in the virtual environment has increased significantly. The article analyses the practices of professional self-presentation of scientific and pedagogical workers in virtual social networks. A typology of strategies for using universal social networks (VKontakte, etc.) and professional (scientific) social networks (Research Gate, Academia Edu, Mendeley) is presented. Particular research interest is focused on the practices of communication and professional self-presentation through virtual social networks. The advantages and limitations of the use of online communication by teachers are identified, as well as the types of priority results that users achieve or would like to achieve. For the empirical basis of the analysis the authors used the data of a survey conducted by the method of semi-structured interviews by a research team with the participation of the author of the article of 120 scientific and pedagogical employees of six Russian universities included in the implementation of the 5–100 project. Based on the results of the study, a classification of higher education teachers was formed depending on their awareness and the desire to broadcast content in virtual social networks: experts and opinion leaders, conservatives, spammers, passive, absent. A typology of the strategy of professional self-presentation of scientific and pedagogical workers in virtual social networks has been created: voluntary, forced, non-priority professional self-presentation; refusal of self-presentation (external or internal).

Keywords: professional self-presentation, scientific and pedagogical workers, professor, teaching staff, university, personal brand, professional image, virtual social networks

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00485 “The human dimension of transformational processes in Russian universities: historical experience, trends and responses to the challenges of our time”. The author expresses his gratitude to the head of the scientific project A. N. Sorokin, Cand. Sc. History, Director of the School of Environmental and Social Studies (Anthroposhkola, Tyumen State University) for organising and conducting the interview, as well as M. V. Gribovsky, Doctor of Sc. History, Professor of the Department of Russian History (Tomsk State University), who, together with the author of the article, participated in a series of expert interviews.

REFERENCES

1. Arkin R. Self-presentation styles. In: Impression management theory and social psychological research J. T. Tedeschi ed. New York: Academic Press; 1981:311–333. DOI 10.1016/B978-0-12-685180-9.50020-8.
2. Selivanova L. I. Career self-presentation in the internet community by means of account in social networks. *Vestnik of Kostroma State University=Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;18(6):219–223. (In Russ.).
3. Schoenbrunner A., Gosman A., Bajaj A. Framework for the creation of ethical and professional social media content. *Plast Reconstr Surg*. 2019;144(1):118e–125e. DOI 10.1097/prs.0000000000005782.
4. Sczesny S., Kaufmann M. C. Self-presentation in online professional networks: Men’s higher and women’s lower facial prominence in self-created profile images. *Frontiers in Psychology*. 2018;(8):2295. DOI 10.3389/fpsyg.2017.02295.
5. Tifferet S., Vilnai-Yavetz I. Self-presentation in LinkedIn portraits: Common features, gender, and occupational differences. *Computers in Human Behavior*. 2018;(80):33–48. DOI 10.1016/j.chb.2017.10.013.
6. Snyder Ch., Smith T. W., Augelli R. W., Ingram R. E. On the self-serving function of social anxiety: Shyness as a self-handicapping strategy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985;(48):970–980. DOI 10.1037//0022-3514.48.4.970.
7. Mikhaylova E. V. Self-presentation: theories, research, training. Sankt-Peterburg: Rech; 2007. 224 p. (In Russ.). ISBN 5-9268-0547-3.
8. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh Social Sciences Research Centre; 1956. Available at: https://monoskop.org/images/1/19/Goffman_Erving_The_Presentation_of_Self_in_Everyday_Life.pdf (accessed: 22.12.2022).
9. Efimova G. Z. Professional Promotion of Higher School Teachers in Social Media Sites. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny*. 2022;(2):317–341. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2022.2.2120.
10. Roman L. Using Social Media to Enhance Career Development Opportunities for Health Promotion Professionals. *Health Promotion Practice*. 2014;15(4):471–475. DOI 10.1177/1524839914535213.
11. Bailey A. Social media: the good, the bad, and the ugly. *Plastic Surgical Nursing*. 2019;39(3):66. DOI 10.1097/psn.0000000000000271.
12. Efimova G. Z., Gribovskiy M. V., Sorokin A. N. Social Prestige of a Scientific and Pedagogical Specialists in Russia and Europe: Paradoxes of Subjective Perception of the Profession. *Educational Studies Moscow=Voprosy obrazovaniya*, 2022;(2):117–139. (In Russ.). DOI 10.17323/1814-9545-2022-2-117-139.

13. Artamonov D. S., Tikhonova S. V. Ethical risks of the media presence of a higher schoolteacher in social networks. "Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects. Towards the Coming Digital Society. The Experience of Ethical Forecasting. (100 years since the birth of D. Bell – 1919–2019)". In: Materials of the conference. (St. Petersburg, November 21–23, 2019). Sankt-Petersburg: ООО «Sorka»; 2019. p. 119–120. (In Russ.).
14. Chugh R., Grose R., Macht S. Social media usage by higher education academics: A scoping review of the literature. *Education and Information Technologies*. 2021;(26):983–999. DOI 10.1007/s10639-020-10288-z.
15. Vishlenkova E. A., Savelieva I. M. (eds.) Estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings. Translated from German by K. Levinson; translated from Paul by D. Dobrovolsky. Moscow: ID NIU VShE; 2013. 386 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1046-9.
16. Merton R. K. The Matthew Effect in Science. *Science*. 1968;159(3810):56–63.
17. Merton R. K. The Matthew Effect in Science II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *ISIS*. 1988;79(4):606–623.
18. Weber M. Wissenschaft Als Beruf. 1919. Available at: https://www.molnut.uni-kiel.de/pdfs/neues/2017/Max_Weber.pdf (accessed: 22.12.2022).

Information about the Author

G. Z. Efimova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
professor

ResearcherID: **N-8362-2016**

Scopus AuthorID: **57195971011**

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 11.05.2023.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДА ЗА ЗДОРОВЬЕ: ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ

Ирина Владимировна Журавлёва¹
Елена Серафимовна Петренко²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
zhuriv@mail.ru,

ORCID [0000-0002-7758-3940](https://orcid.org/0000-0002-7758-3940)

² Фонд Общественное мнение,
Москва, Россия,
petrenko@fom.ru,

ORCID [0009-0002-3666-803X](https://orcid.org/0009-0002-3666-803X)

Для цитирования: Журавлёва И. В., Петренко Е. С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 80–103. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.5). EDN [KRDVVB](https://www.edn.ru/KRDVVB).

Аннотация. В статье рассматривается многозначность феномена «ответственность за здоровье» и востребованность его в современной жизни как важного потенциала улучшения здоровья населения. Значение его обусловлено утвержденной «Стратегией формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года».

Структура многокомпонентного феномена «ответственность за здоровье» рассмотрена на материалах исследования «Забота о здоровье» ФОМ (2019) с использованием локус контроля как психологического инструмента, который позволил обнаружить принципиальные различия между позициями индивидов, поддерживающих ответственное отношение к здоровью, и тех, кто имеет противоположную точку зрения. Рассмотрены поведенческие практики, связанные с заботой о здоровье, виды мотивации, основные средовые и информационные факторы. Сделан вывод о том, что жизненная позиция человека по отношению к здоровью коррелирует не только с самооценкой здоровья, удовлетворённостью жизнью, но и с уровнем образования, материальным и служебным положением, и даже местом проживания. Эта психологическая ориентация воздействует не только на здоровье, но и на все аспекты жизни человека. Учитывая важную роль индивида в ситуации формирования его отношения к здоровью, необходимо создать условия для реализации паттернов поведения позитивной направленности на основе необходимой для этого мотивации. Предлагается ряд социальных мер для активного включения индивида в процесс укрепления, поддержания здоровья и принятия ответственности за него.

Ключевые слова: ответственность за здоровье, поведенческие практики, мотивация, паттерны поведения, здоровый образ жизни

Благодарности: Авторы выражают благодарность Президенту ФОМ А. А. Ослому за предоставленные данные эмпирического исследования по проекту ФОМ «Забота о здоровье».

Введение

Состояние здоровья россиян в последние десятилетия является объектом постоянного внимания государства, что выражается в принятии ряда законов и постановлений, усилении финансирования здравоохранения и других сфер жизни, связанных со здоровьем, в стремлении повысить жизненный уровень всех категорий населения. Статистика и данные различных исследований свидетельствуют, что результаты этой деятельности не всегда соответствуют заявленным намерениям. За последнее десятилетие (2010–2020 гг.) общая заболеваемость населения осталась практически без изменений, тогда как доли самых распространенных болезней органов дыхания возросли на 13%, а систем кровообращения, которые превалируют по смертности, – на 11%. Число больничных организаций уменьшилось за десятилетие на 19% (в том числе, городских учреждений – на 16%, сельских – на 31%.) С каждым годом растёт доля платных медицинских услуг¹.

Здоровье человека, как известно, зависит от многих факторов: социально-экономических, экологических, культурологических, генетических, поведенческих и др. Результат воздействия этих факторов в значительной степени связан с тем, как воспринимает их индивид. Во второй половине XX в. в ряде европейских стран начал формироваться новый подход к здоровью в публичном дискурсе и социальной политике. Особенность этой новой парадигмы здоровья – хелсизма (healthism) – была в переориентации с лечения на профилактику возникновения болезни и утверждение ответственности индивида за поддержание и укрепление здоровья [1]. Это изменение ориентации и характера ответственности за здоровье индивида было включено в документы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ 1986).

В России подобные изменения концептуального характера нашли отражение в развитии 4П-медицины, которая основывается на четырёх основополагающих принципах: персонализация, предикция, превентивность и партисипативность. Под персонализацией понимается учёт врачом индивидуальных особенностей пациента при постановке диагноза и назначении лечения. Предсказательность (предиктивность) означает способность врача определить вероятность развития заболевания и помочь пациенту

¹ Здравоохранение в России 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 171 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2021.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

изменить образ жизни, чтобы избежать болезни или ослабить её. Профилактика (превентивность) связана именно с предупреждением, а не лечением заболевания. Партисипативность подразумевает, что пациент принимает активное участие в процессе лечения и мониторинге состояния здоровья. Именно последний принцип, связанный с заботой человека о своём здоровье, является важным условием внедрения 4П-медицины¹.

В мае 2018 г. вышел Приказ Минздрава России «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины»². Появление данной Концепции подтвердило произошедший в России в последние десятилетия принципиальный переход от рассмотрения граждан как пассивных потребителей услуг здравоохранения и других социальных институтов к восприятию их как обладателей ответственной/безответственной позиции в отношении здоровья.

Существует два основных методологических подхода к исследованию феномена «ответственности за здоровье». Для западной социологии характерна концепция, согласно которой люди, утратившие по той или иной причине социальные обязанности, имеют право отказаться (или нет) от сохранения своего здоровья без нарушения существующих социальных норм. Таким образом, постулируется восприятие своего здоровья как сугубо личного дела [2]. Второй подход концептуализирует ответственность за здоровье в качестве обязанности перед обществом. При этом отношение к здоровью может выглядеть как: 1) самообязанность человека, которая пока отсутствует в нашем обществе; 2) следствие определённого соглашения на основе требований к здоровью, например, при приёме на работу; 3) результат определённых обязанностей, осуществление которых требует поддержания здоровья, например, в рамках семьи; 4) требование определённых действий по причине общих социальных обстоятельств, например, форс-мажорных.

Приведённый перечень вариантов иллюстрирует многозначность понятия «ответственность за здоровье» и востребованность его в разнообразных жизненных коллизиях индивидуальной и общественной жизни. В нашей стране процесс осознания важности этого феномена находится в стадии трансформации, что обуславливает целесообразность исследования его особенностей и перспектив развития.

¹ Аналитический обзор СМИ и соцмедиа по теме «4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации в контексте заботы о здоровье». Анализ сообщений СМИ и социальных медиа в период с 1 июля по 31 декабря 2018 г. // ФОМ : [сайт]. URL: <https://media.fom.ru/target/static/Obzor-4P-meditsina-kak-novaya-model-zdravookhraneni-a-v-RF.pdf> (дата обращения: 11.03.2023). <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravookhran-2021.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» // Гарант.Ру : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/> (дата обращения: 15.02.2023).

Целью исследования является определение значимости феномена «ответственности за здоровье», взаимосвязи его с поведенческими практиками и возможности продвижения в сегодняшней реальности.

Методологическое обоснование «ответственности за здоровье»

Понятие «ответственность за здоровье» в настоящее время на законодательном уровне не фигурирует, нет его и в Конституции РФ. Обязанность заботиться о здоровье закреплена только в ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011, где отмечается, что «Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья», но степень ответственности этой заботы не раскрыта. По мнению заместителя Министра здравоохранения Российской Федерации Салагая О. О., «с учетом принципиального изменения характера заболеваемости и причин смерти, доминирования заболеваний, причиной которых является поведение самого человека, парадигма, в которой основная обязанность заботиться о здоровье гражданина лежит исключительно на государстве, предпринимающем необходимые действия по сокращению распространенности инфекционных заболеваний, развитию медицинских мощностей, смещается в сторону необходимости более глубокого, полного формирования механизмов ответственности гражданина за свое здоровье... Это вряд ли возможно без создания соответствующих этой задаче правовых оснований в законодательстве Российской Федерации» [3, с. 102]. Таким образом, на сегодняшний день здоровье индивида – это пока зона его личных суждений.

Необходимо уточнить, что под «ответственностью за здоровье» индивида традиционно понимается набор действий, способствующих или мешающих улучшению здоровья: правильное питание, регулярная физическая активность, отсутствие/отказ от курения, отсутствие/отказ от алкоголя, прохождение диспансеризации, отсутствие избыточной массы тела, соблюдение санитарно-гигиенических правил. Спектр этих поведенческих актов является объектом пристального внимания учёных [4; 5; 6].

Полемика о характере ответственности индивида и общества за здоровье ведётся уже не одно десятилетие. Существует концепция подхода, основанного на комплексе идей, связанных с социальной политикой, организационными правилами и социальными нормами, направленными на формирование осознанного отношения населения к здоровью и личной ответственности граждан за него. В последнее время на этой концепции акцентируется внимание в Европе и в США через политические и законодательные меры, направленные на вознаграждение (в противном случае наказания) отдельных лиц за выбор в пользу здоровья

и результаты в улучшении здоровья. В России также существует набор предложений по стимулированию различных форм ответственности за здоровье – поощрительных и карающих [7; 8; 9].

По результатам социологического исследования ответственности граждан за своё здоровье (2015 г.) сделан вывод о том, что среди наиболее приемлемых способов материального поощрения граждан, ответственно относящихся к своему здоровью, можно выделить: «снижение страхового взноса при страховании жизни; снижение страхового взноса при страховании от несчастных случаев и заболеваний; добавление двух дней к ежегодному отпуску; оплата больничного листа с коэффициентом 1,2; продажа лекарственных средств со скидкой 20%; преимущественное право при прочих равных условиях на получение путёвок в санатории и другие места лечения и отдыха; уменьшение отчислений на медицинскую помощь и/или предоставление преференции по другим налогам коллективам, состоящим на 50% и более из сотрудников, ответственно относящихся к сохранению и укреплению здоровья». Наибольшую поддержку среди обсуждаемых мер карающей направленности вызвало предложение не принимать в школы и другие учебные заведения, спортивные команды всех уровней граждан, потребляющих табак [10].

Не отрицая важности изучения различных самосохранительных практик, нельзя не учитывать значение мотивации, которая непосредственно обуславливает принятие решения об осуществлении тех или иных действий в отношении здоровья. Однако сложность состоит в том, что в основе самосохранительного поведения зачастую лежат конфликтные мотивы. И корреляция между различными позитивными действиями с позиций здоровья может быть совсем незначительной, в то время как определённые поведенческие паттерны (например, алкоголь, курение, наркотики) оказываются взаимосвязанными в значительной степени [11]. Несмотря на многократные попытки найти легко идентифицируемую позитивную ориентацию на здоровье, которая бы стабильно обеспечивала поддержание здоровья, пока этого сделать не удалось. Основная причина в том, что большинство видов поведения в сфере здоровья вызвано мотивами, которые не имеют непосредственного отношения к здоровью и в значительной степени трансформируются в индивидуальные паттерны и институциональную жизнь сообществ. Как правило, поведение является в большей степени следствием воздействия культуры и социальной структуры общества, а не личностных мотивов и убеждений [4]. Конечно, личностная мотивация воздействует на поведение индивида, но подобные схемы поведения оказываются менее устойчивыми, чем те, которые сформированы

под воздействием социальных норм и традиций. В качестве примера можно привести увлечение населения различных регионов России таким непривычным видом досуга, как скандинавская ходьба. Или, например, сокращение доли курящих в результате запрета на курение в общественных местах. Подобные меры социальной политики профилактического характера оказываются весьма эффективными для различных категорий населения.

Тем не менее, приведённые доводы не уменьшают значимости мотивов при формировании ответственности за здоровье. Перечень этих мотивов включает:

- 1) мотив самосохранения, который предполагает отсутствие у индивида опасных для его здоровья или жизни действий;
- 2) мотив подчинения социально-культурным нормам, существующим в обществе – эстетического, гигиенического, правового и др. характера;
- 3) инвестиционный мотив, связанный с желанием быть конкурентоспособным в различных сферах жизни;
- 4) мотив вынужденной заботы о здоровье, продиктованный его состоянием;
- 5) мотив как проявление заботы о других,
- 6) мотив возможности маневрировать как нежелание зависеть от здоровья в ситуациях карьерных, семейных, территориальных перемен;
- 7) мотив стремления к комфортности физического или психологического свойства [12]. Руководствуясь тем или иным мотивом, индивид формирует собственную ответственность за здоровье. Проблема взаимосвязи мотивации со степенью ответственности за здоровье и формами заботы (или незаботы) о нём пока недостаточно изучена, тогда как данное направление исследований может стать основой для разработки важных управленческих решений по формированию необходимых моделей поведения различных категорий населения в сфере здоровья.

Локус контроля как инструмент исследования

В качестве одного из возможных инструментов изучения данной проблемы мы используем психологическое понятие «локус контроля» и с его помощью рассмотрим материалы исследования «Забота о здоровье» – базовое исследование (ЗоЗ-бис) Фонда «Общественное мнение» (2019). Оно было направлено на изучение специфики заботы о здоровье россиян как важного этапа на пути к достижению более высоких значений показателей общественного здоровья. По репрезентативной обще-

российской выборке опрашивалось взрослое население РФ старше 18 лет в 84 субъектах РФ (N=3081)¹.

Термин «локус контроля» (в переводе с французского *locus* – местоположение, а *contrôle* – проверка) характеризует свойство личности, при котором человек воспринимает свои победы и поражения как результат влияния внешних или внутренних факторов, то есть причину всего происходящего ищет или в окружающем мире, или в своем внутреннем. Термин введен в науку Дж. Роттером в 1954 г. Синонимом термина является когнитивная ориентация, которая показывает, управляет индивид своей собственной жизнью или полагается преимущественно на обстоятельства. Тенденция приписывать результаты деятельности внешним факторам называется внешним локусом контроля, или экстернальным. Стремление связывать результаты деятельности с внутренним фактором является, соответственно, внутренним локусом контроля, или интернальным. Многочисленные исследования показали, что у индивида не бывает исключительно внутреннего или внешнего локуса контроля. Тем не менее, большинство людей предпочитает один из видов контроля и живёт в соответствии с этим выбором. По мнению Дж. Роттера, на развитие локуса контроля влияет несколько факторов: особенности личности человека, воспитание, исторические обстоятельства, общество. Локус контроля является, с одной стороны, врождённым компонентом личности, с другой – многократно подтверждено влияние воспитания, особенно полученного в детстве. Поощрение самостоятельности ребенка, объяснение связи между действиями и их последствиями, развивает внутренний локус контроля. Исторические обстоятельства и социальные условия вносят свой вклад в формирование вида локуса контроля. Определение своего локуса контроля и осознание отношения к происходящему является действенным инструментом для саморазвития индивида².

Для анализа феномена «ответственности за здоровье» в формате базового используем вопрос анкеты «Как Вы считаете, от чего в большей степени зависит здоровье человека: от его собственного поведения, усилий или от обстоятельств, на которые он повлиять не может?» с выбором одного из предложенных вариантов ответа: безусловно от его поведения; скорее от его поведения; скорее от обстоятельств, на которые он повлиять не может; безусловно от обстоятельств, на которые он повлиять не может; затрудняюсь ответить.

¹ Забота о здоровье – базовое исследование (ЗОЗ-бис). Аналитический отчёт по результатам репрезентативного общероссийского телефонного опроса населения РФ. 2019 // ФОМ : [сайт]. URL: <https://media.fom.ru/target/static/zabota-o-zdorovje-bazovoe-issledovanie-2019.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

² Локус контроля: внешний и внутренний, тест // Портал «Мотивация жизни» : [сайт]. URL: <https://lifemotivation.online/razvitie-lichnosti/samopoznanie/lokus-kontrolya> (дата обращения: 21.03.2023).

Используем первый и четвертый варианты ответов – «безусловно от поведения человека» и «безусловно от обстоятельств, на которые он повлиять не может» – как показатели внутреннего и внешнего локуса контроля (ЛК). Эти варианты, применительно к ответственности о здоровье, означают выбор активных действий в этом аспекте или их полное отсутствие. Условно обозначим респондентов, выбравших эти варианты ответов как «самостоятельных» (внутренний ЛК) и «зависимых» (внешний ЛК). Доли респондентов, выбравших данные варианты ответов, составляют 31 и 20% от всего массива данных. Сравним эти группы по ряду показателей (см. рис. 1).

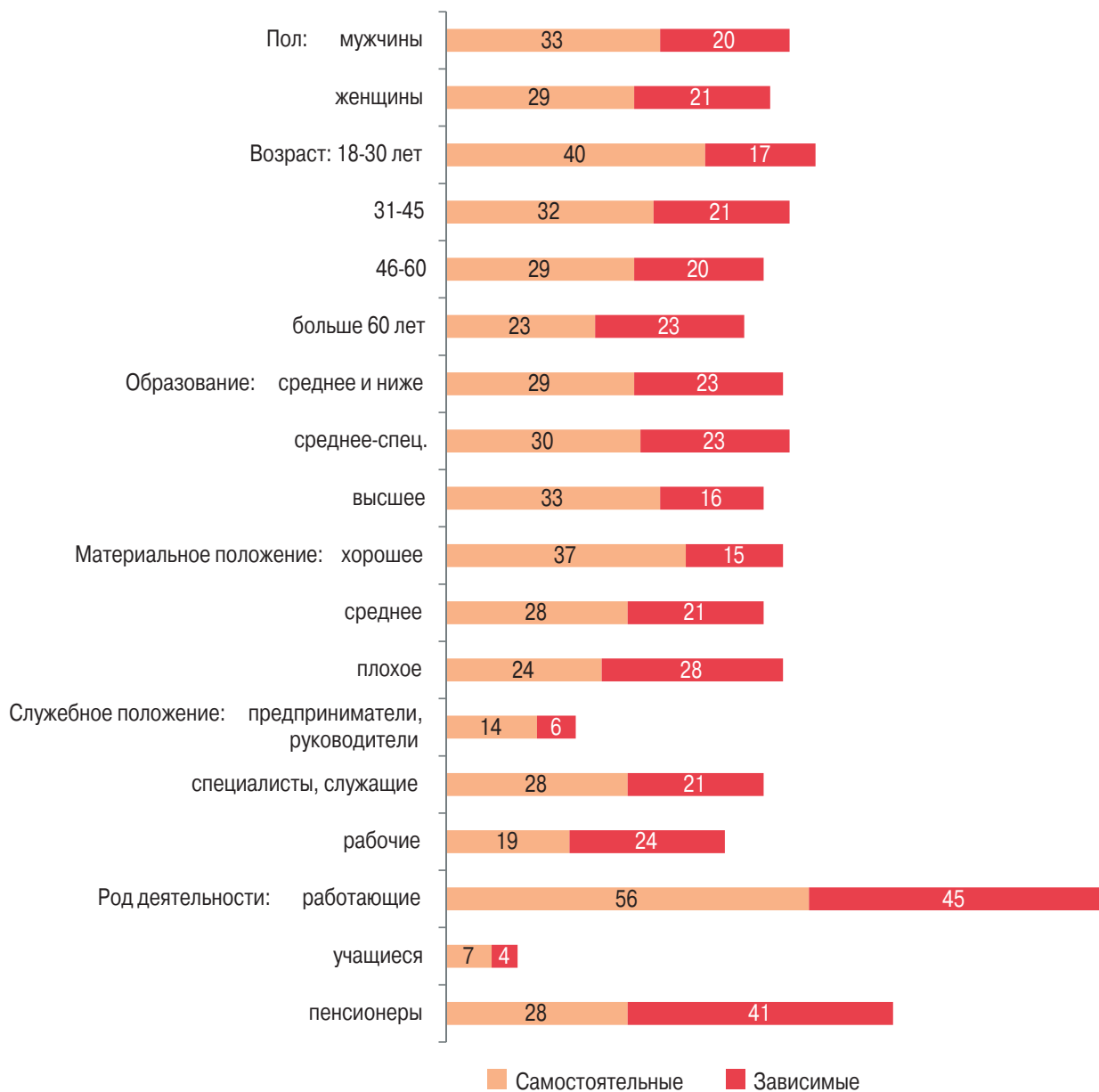

Рис. 1. Социально-демографические характеристики групп «самостоятельных» и «зависимых»

Сопоставление по гендерному признаку свидетельствует о незначительных различиях. Доля «самостоятельных» среди мужчин – 33%, среди женщин – 29%, «зависимых» – 20 и 21% соответственно. Возраст влияет таким образом, что доля «самостоятельных» уменьшается с 40% у молодых (18–30 лет) до 23% у пожилых (больше 60 лет). У «зависимых» обратная тенденция – минимальное число у молодых (17%) и максимальное – у пожилых (23%). По образованию – доля «самостоятельных» возрастает по мере повышения образовательного уровня от 29% (среднее общее) до 33% (высшее). Доля «зависимых» уменьшается от 23% (среднее общее) до 16% (высшее). То есть, чем моложе респонденты и чем выше у них образовательный уровень, тем больше они осознают ответственность за здоровье, значимость собственной роли в заботе о нём.

По параметру «материальное положение» доля «самостоятельных» уменьшается по мере снижения материального уровня с 37% (хорошее материальное положение) до 24% (плохое материальное положение). Доля «зависимых» возрастает в тех же пропорциях от 15% (хорошее материальное положение) до 28% (плохое материальное положение). Таким образом, чем лучше материальное положение, тем больше доля «самостоятельных» респондентов, отмечающих этот вариант. Статус служебного положения проявляется в том, что среди «самостоятельных» существенно больше предпринимателей и руководителей разного уровня по сравнению с «зависимыми» (14 против 6%). Также больше в группе «самостоятельных» доля специалистов и служащих (28%) против 21% у «зависимых». Среди последних выше только доля рабочих (24%) в сравнении с 19% у «самостоятельных». По роду деятельности среди «самостоятельных» больше работающих (56% в сравнении с 45%), учащихся (7% в сравнении с 4%), и меньше неработающих пенсионеров (20 и 32%). Чем выше служебное положение, чем очевиднее выражена трудовая и учебная активность, тем больше доля «самостоятельных» с внутренним локусом контроля.

Доход в предыдущем месяце у «самостоятельных» респондентов составлял в среднем 30 тыс., у «зависимых» – 24 тыс. Оценка дохода в поведенческом аспекте обнаруживает, что «трудности с покупкой еды, одежды и обуви» свойственны 19% «самостоятельных» и 35% «зависимых», а «автомобиль могут себе купить» соответственно 18 и 10%. Материальное положение «самостоятельных» при наличии различных уровней благополучия в целом значительно лучше, чем у «зависимых» с внешним ЛК.

Тип поселения сказывается таким образом, что города-миллионники и приближающиеся к ним по численности (от 250 тыс. до 1 млн) в наибольшей степени «вливают» на число «самостоятельных» горожан (по 35%). По мере уменьшения численности населения сокращается доля «самостоятельных» (до 27% на селе). Что касается «зависимых», то

их доля 23% на селе максимальная, тогда как в городах-миллионниках составляет 18–19%. Уровень социально-бытового и культурного благополучия, возрастающего по мере увеличения численности населённого пункта вплоть до крупного города, положительным образом сказывается на росте доли населения с внутренним ЛК.

Сравнительная характеристика самооценок и поведенческих практик

Один из наиболее значимых показателей при изучении здоровья – это его самооценка. Данный интегральный параметр включает не только оценку физического состояния человека, но и его психологическое благополучие, возможность выполнения социальных функций и ролей. В ряде исследований зафиксирована высокая степень соответствия самооценок и объективных характеристик здоровья – при сравнении самооценок здоровья и информации из медицинских карт совпадение установлено в 70–80% случаев [13, с. 94; 14, с. 342]. Ценность «самооценки здоровья» состоит также в том, что она косвенным образом характеризует респондентов, которые не обращаются к врачам, хотя имеют отклонения в здоровье. Тем самым возникает возможность формировать потенциальные группы риска и прогнозировать тенденции состояния здоровья. Таким образом, многоплановость «самооценки здоровья» как мотивационной детерминанты поведения в связи с факторами, влияющими на здоровье, заслуживает внимания и анализа. Недаром в исследованиях, связанных со здоровьем, данный показатель используется как ключевой [15]^{1, 2}.

Возвращаясь к исследованию ответственности за здоровье в двух рассматриваемых группах – «самостоятельных» и «зависимых», – отмечаем, что среди «самостоятельных» «хорошим» назвали здоровье 44% в сравнении с 32% у «зависимых». «Плохое» здоровье соответственно у 6% «самостоятельных» и 17% «зависимых».

Следующий важный показатель – «удовлетворённость жизнью в целом» – как интегральный психосоциальный индикатор включает и самооценку здоровья, и оценку различных параметров жизни (характера питания, жилищных условий, медицинского обслуживания, материального благополучия и т. п.). Сравнение этого показателя с «самооценкой здоровья» обнаруживает определённую идентичность ответов в обеих

¹ Здоровый образ жизни и как его придерживаться // ВЦИОМ : [сайт]. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 20.02.2023).

² Россияне о состоянии своего здоровья // Левада-Центр : [сайт]. * 2011. URL: levada.ru/2011/02/03/rossiyane-o-sostoyanii-svoego-zdorovya/ (дата обращения: 20.02.2023). * В 2016 году решением Минюста Левада-Центр признан иностранным агентом.

группах. Но доля «неудовлетворенных жизнью» почти вдвое превышает долю указавших на «плохое» здоровье: 12 и 6% у «самостоятельных», и 29 и 17% – у «зависимых». Для того чтобы понять, что стоит за этими оценками, рассмотрим поведенческие практики индивидов по заботе о своём здоровье и их корреляцию с ответственностью за здоровье в двух её ипостасях внутреннего и внешнего локус контроля. Один из вопросов анкеты касался степени заботы о своём здоровье. Оказалось, что 46% «самостоятельных» считают, что «делают все, от них зависящее», а среди «зависимых» таких 42%, тогда как доля тех, кто «практически не следит» за здоровьем среди «самостоятельных» составила 17%, а среди «зависимых» – 23%, что подтверждает осознанность поведения представителями обеих групп.

Среди причин, мешающих заботе о здоровье, у «самостоятельных» респондентов лидирует вариант «не хватает времени» (51%), далее – «деньги» (42%), сила воли (20%). У «зависимых» – значимость денег в 1,4 раза сильнее (59%), а сила воли в 2 раза слабее, чем в первой группе (11%).

Представляет интерес восприятие представителями двух групп ЛК средовых факторов, оказывающих негативное влияние на здоровье человека. При одинаковом рейтинге этих факторов – качество воздуха (31% внутренний ЛК и 40% внешний ЛК), качество воды (30 и 36%), качество питания (26 и 35%) и т. д. очевидно лидерство представителей группы внешнего ЛК, которые более склонны «винить» окружающую действительность в воздействии на здоровье. (см. рис. 2). Анализ основных поведенческих актов респондентов, связанных со здоровьем и имевших место в их жизни в последние 1–2 года, показывает, что контролируют свой вес, питание, сон, потребление витаминов, жидкости и т. п. в значительной

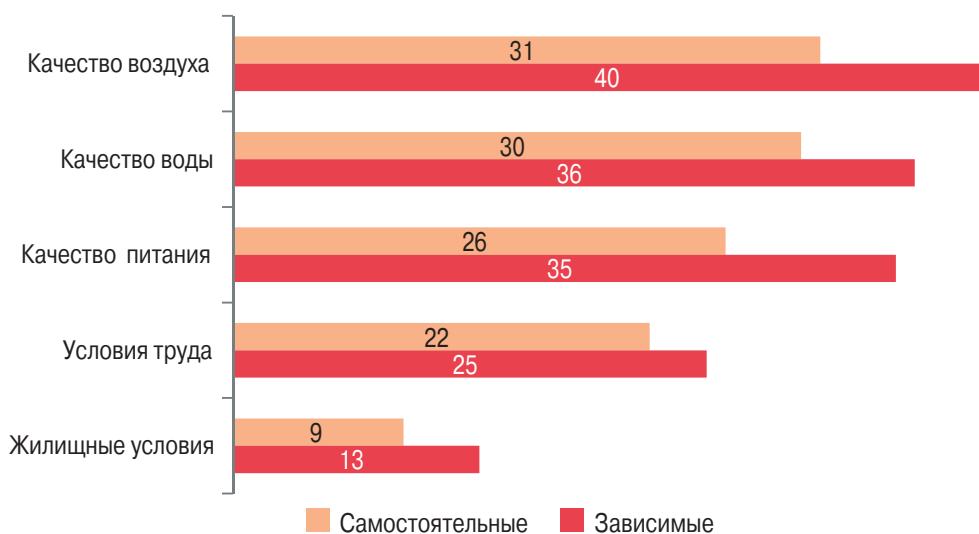

Рис. 2. Факторы среды, негативно влияющие на здоровье, %

степени респонденты в обеих группах. Но по всем видам заботы о здоровье, кроме ограничения соли и сахара, с небольшим перевесом доминируют представители группы «самостоятельных» (см. рис. 3).

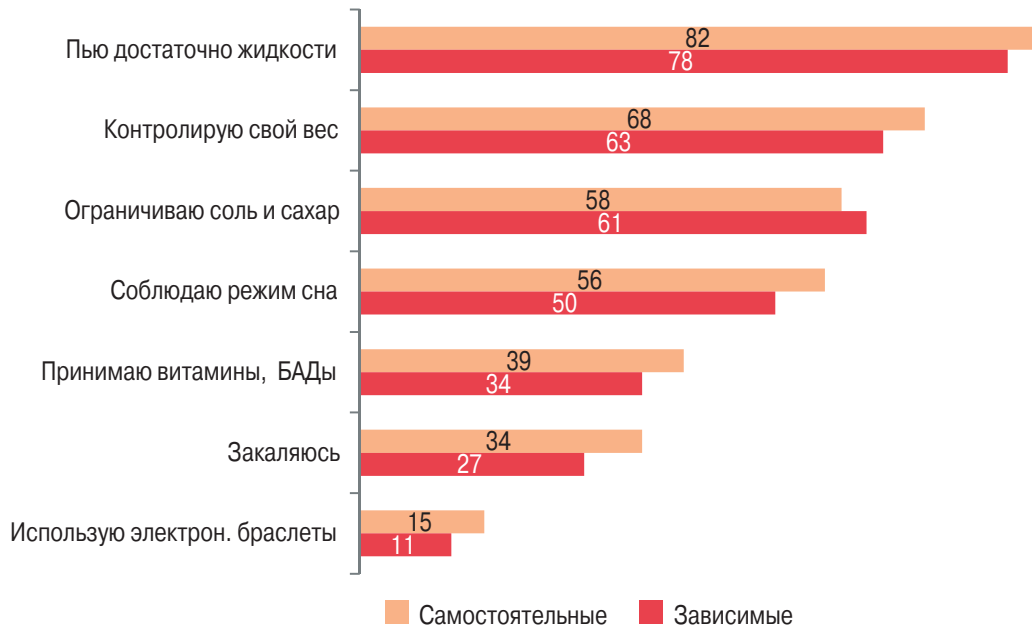

Рис. 3. Варианты позитивного поведения в сфере здоровья, %

Как это ни противоречит их основной ориентации на заботу о здоровье, «самостоятельные» первенствуют и по вредным привычкам. Доля курящих у них несколько выше, чем у «зависимых» (31 и 28%), а тех, «кто никогда не курил» – меньше (42 и 50%). «Самостоятельные» также активнее употребляют алкоголь и в еженедельном формате (15 и 10%), и в ежемесячном (38 и 29%). Среди них меньше доля ответивших «никогда не пил» (12 и 20%). Возможно, эта склонность к вредным привычкам находится у них под контролем и, судя по приведённым выше данным, не оказывает решающего отрицательного влияния на отношение к собственному здоровью, его состояние и поведенческие практики.

Возьмём, например, физическую активность в последние 1–2 года. Она характерна для респондентов обеих групп, но с разной степенью интенсивности: пешие прогулки популярны у 80 и 75% в группах внутреннего и внешнего ЛК, полезный физический труд – у 79 и 75%, утренняя зарядка – у 59 и 46%, и т. д. Очевидна большая вовлеченность во все виды физической активности представителей внутреннего локуса контроля («самостоятельных») (см. рис. 4).

Забота о здоровье у россиян, как известно, ассоциируется, прежде всего, со здравоохранением, которое исторически с советских времён было ответственно за здоровье граждан и формировало патерналистский

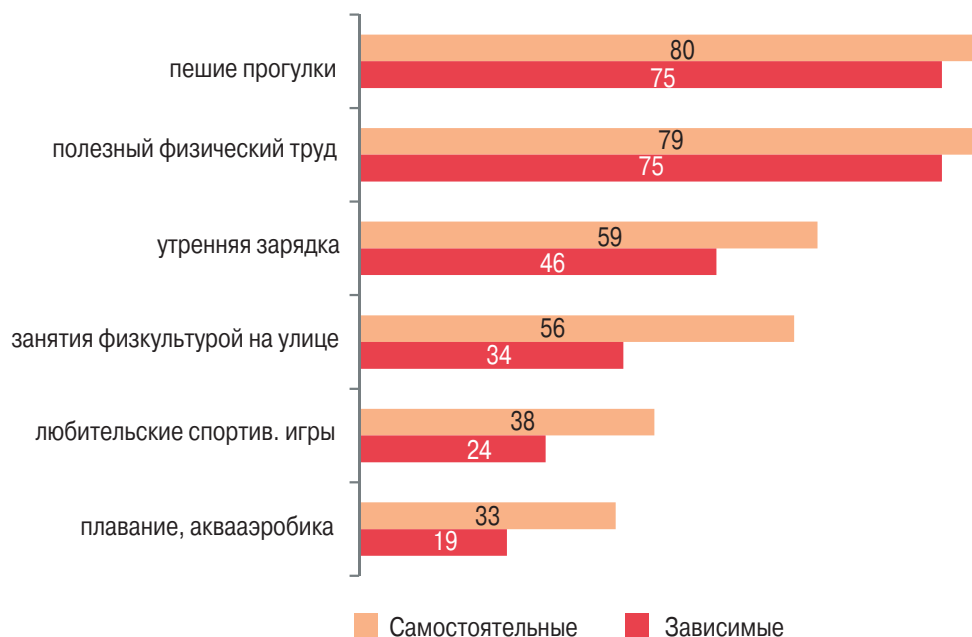

Рис. 4. Виды физической активности в заботе о здоровье, %

характер отношения к здоровью. В исследовании 2019 г. наблюдается активное взаимодействие респондентов со сферой здравоохранения: они «строго выполняют рекомендации врачей» (75 и 67% ответов у «самостоятельных» и «зависимых»), «проходят диспансеризацию» (60 и 56% соответственно), «делают прививки по рекомендации врачей» (58 и 47%) и т. п. Но обладатели внутреннего ЛК, как и во всех предыдущих действиях по заботе о здоровье, более динамичны (см. рис. 5). И это происходит несмотря на то, что респонденты группы «зависимых» в большей степени поражены тяжелыми хроническими заболеваниями (12% у «самостоятельных» и 26% у «зависимых»).

«Ни разу не болели в течение года» 33% «самостоятельных» и 27% «зависимых», а «постоянно болели» 4 и 15% соответственно. Следовательно, даже наличие реального заболевания не стимулирует людей к большей ответственности за здоровье.

Все рассмотренные особенности самосохранительного поведения являются следствием того или иного вида мотивов, которые, как отмечалось выше, находятся в сложном взаимодействии с поведенческими актами. Важно представлять, тем не менее, иерархию основных мотивов в заботе о здоровье. При сравнении ответов респондентов двух групп наибольшую значимость по числу выборов имеют мотивы «дольше оставаться здоровым» (86% у «самостоятельных» и 77% у «зависимых»), «чтобы здоровье улучшалось» (84 и 79%), «быть в хорошей физической форме» (81 и 67%).

Рис. 5. Формы заботы о здоровье медицинской направленности, %

В последние годы одним из элементов политики формирования здорового образа жизни (ЗОЖ) стало привлечение в качестве образца для подражания известных персон, пропагандирующих ЗОЖ. Данный мотив, судя по ответам представителей обеих групп (31 и 18%) пока не обладает важным мотивационным стимулом. Большую значимость в данной ретроспективе имеют мотивы «я сам приучил себя заботиться о здоровье» (71 и 61%) и «меня приучили с детства заботиться о здоровье» (55 и 52%). Единственный мотив, который оказался более значимым для «зависимых», это – «состояние здоровья требует постоянного внимания» (46 и 56%). Таким образом, при содержательном единстве мотивов заботы о здоровье очевидна большая интенсивность выборов у обладателей внутреннего locus контроля (см. рис. 6).

Важную роль в формировании ответственности за здоровье и необходимой заботы о нём играют средства массовой информации (СМИ) и Интернет. О том, что заботиться о здоровье «побуждает информация в СМИ и Интернете» считают 24 и 19% представителей групп внутреннего ЛК и внешнего ЛК. И в обеих группах одинаково оценивается степень интересности информации для желающих заниматься своим здоровьем. «Очень интересной» назвали информацию по 49% респондентов в обеих группах, они столь же единодушны в негативной («совсем неинтересна») оценке информации (22 и 21%). При этом в последний месяц «искали информацию о здоровье в социальных сетях в Интернете» 36 и 28% респондентов обеих групп – это первый по значимости канал информации.

Рис. 6. Основные мотивы заботы о здоровье, %

Далее для «самостоятельных» важны «разговоры о здоровье с родственниками, друзьями» (17%), теле- и радиопередачи (11%), газеты, журналы (9%). Для «зависимых» на втором месте теле- и радиопередачи (16%), затем «разговоры о здоровье с родственниками, друзьями» (14%) и газеты, журналы (13%), которые более значимы для них, чем для «самостоятельных». О предпочтении тех или иных социальных сетей можно судить по тому, к каким сетям обращались респонденты в последний перед опросом день. «Самостоятельные» заходили в ВКонтакте (41%), Инстаграм (25%), Одноклассники (24%). «Зависимые» – в ВКонтакте (31%), Одноклассники (24%), Инстаграм (19%). Очевидна идентичная ориентация обеих групп на виды социальных сетей с несколько большей активностью «самостоятельных».

Обсуждение

Рассмотрение показателя «ответственности за здоровье» у представителей двух групп с разным локусом контроля обнаруживает более высокие самооценки здоровья у «самостоятельных». Даже сопоставление с аналогичными показателями по массиву в целом (36% – «хорошее» здоровье, 50% «удовлетворительное», 12% «плохое») свидетельствует о более высоких позитивных значениях у «самостоятельных» (44, 47 и 6%).

Кроме того, во всех поведенческих актах, связанных со здоровьем, в последние 1–2 года (соблюдение режима сна, контроль веса, употребле-

ние витаминов, БАДов, ограничение соли, сахара, вредных продуктов, и т. п.) неизменно главенствуют «самостоятельные» с небольшим количественным перевесом. Это же относится и к физической активности представителей группы «самостоятельных».

Иной расклад характерен в отношении респондентов к средовым факторам. Хотя рейтинг факторов совпадает в обеих группах (качество воды, воздуха, питания, условий труда), по всем параметрам впервые лидирует группа «зависимых». Таким образом, подтвердился внешний локус контроля, которому соответствует утверждение о том, что, «безусловно, всё зависит от обстоятельств, на которые человек повлиять не может».

Можно было бы ожидать большей активности «зависимых» при взаимодействии со средой здравоохранения, поскольку среди них доля имеющих тяжелые хронические заболевания вдвое выше и постоянно болеющих в 3 раза больше, чем у «самостоятельных». Хотя представители обеих групп активно пользуются услугами сферы здравоохранения, но «самостоятельные» более активны во всех этих действиях.

Единственный негативный параметр в сфере отношения к здоровью, по которому первенство принадлежит «самостоятельным», это, как ни странно, наличие вредных привычек (курение, употребление алкоголя).

Что касается мотивации заботы о здоровье, то основное различие наблюдается в ведущем мотиве – у «самостоятельных» это «дольше оставаться здоровым», а у «зависимых» – «чтобы здоровье улучшилось». Первенство «зависимые» имеют только в одном мотиве – «здоровье требует постоянного внимания» (56%).

Важным моментом формирования паттернов поведения в сфере здоровья является соответствующая информация, которой в равной степени интересуются («очень интересна» по 49%) представители обеих групп. Они также единодушны в приоритетах по поводу каналов информации – на первом месте Интернет и социальные сети (ВКонтакте, Инстаграм, Одноклассники) при несколько большей активности «самостоятельных».

Завершить сравнение двух групп с разным локусом контроля важно сопоставлением их социально-демографических и социально-экономических характеристик. Чем моложе респонденты и чем выше у них образовательный уровень, тем больше они осознают ответственность за здоровье, значимость собственной роли в заботе о нём. Материальное положение «самостоятельных» при наличии различных уровней благополучия в целом значительно лучше, чем у «зависимых» с внешним ЛК. Служебное положение также однонаправлено связано со степенью ответственности за здоровье – чем оно выше, успешнее, тем в большей

степени это обусловлено внутренним локусом контроля. Та же тенденция характерна для показателя включённости в трудовую и учебную активность. Уровень социально-бытового и культурного благополучия, возрастающего по мере увеличения численности населённого пункта вплоть до крупного города, положительным образом сказывается на росте доли респондентов с внутренним локусом контроля.

Таким образом, жизненная позиция человека по отношению к здоровью (здоровье зависит «безусловно от поведения человека» или «безусловно от обстоятельств, на которые он повлиять не может») коррелирует не только с самооценкой здоровья, удовлетворённостью жизнью, но и с другими социально-демографическими параметрами. Эта психологическая ориентация в виде локуса контроля, трансформируясь в социальное явление, может и должна рассматриваться более широко – как возможный способ воздействия не только на здоровье, но и на все аспекты жизни человека.

Формирование осознанного отношения граждан к здоровью в настоящее время ведётся в рамках приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни», паспорт которого утверждён в 2017 г. Кроме того, в 2020 г. принята «Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года»^{1, 2}. Таким образом, поставлена задача повышения общей грамотности в области здоровья – это необходимый первый этап долгого процесса формирования потребности в заботе о здоровье и соответствующей мотивации для этого. Немногочисленные региональные исследования свидетельствуют о низком уровне грамотности российского населения в вопросах здоровья [16; 17].

В Европейском регионе исследования по изучению этой проблемы ведутся уже более 12 лет. В России подобное исследование проведено впервые в 2019–2021 гг. в рамках Международного сравнительного популяционного исследования HLS19 (ВОЗ), в котором приняли участие 17 стран, включая РФ. В Новосибирской области, Республике Карелия и Республике Татарстан методом личного интервью в домохозяйствах опрошено 5660 респондентов. Поведение в отношении здоровья изучалось по четырём параметрам: употребление алкоголя, курение, употребление овощей и фруктов, физическая активность. Оценка состояния

¹ Утверждён паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни» // Правительство России : [сайт]. 7 августа 2017 г. URL: <http://government.ru/projects/selection/641/28745/> (дата обращения: 04.03.2023).

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» // ГАРАНТ.РУ : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/73521912/> (дата обращения: 17.02.2023).

здоровья осуществлялась по таким показателям, как самооценка здоровья, наличие хронических заболеваний и ограничений в повседневной жизни, вызванных заболеваниями, а также индекс массы тела [18]. Полученные результаты показали высокую долю населения с ограниченным уровнем грамотности в области здоровья (38,9%) и установили значимую ассоциацию уровня грамотности с возрастом, социально-экономическим положением и уровнем образования, аналогично большинству стран, где проводилось это исследование. Сделан вывод о том, что грамотность в вопросах здоровья является измеряемой детерминантой здоровья и важной предпосылкой здорового поведения и состояния здоровья человека [19].

Заключение

Полученные выводы о значимости фактора грамотности в сфере здоровья ассоциируются со сделанным нами выше заключением о важности ответственности индивида за своё здоровье, выраженной в двух паттернах поведения – внутреннем и внешнем локус контроле.

По сути понятия «грамотность в здоровье» и «ответственность за здоровье» характеризуются примерно одинаковыми показателями (повседневные формы заботы о здоровье и формы медицинской направленности, физическая активность, вредные привычки и т. п.) и аналогичными выводами о целесообразности усиления роли этих понятий в повседневной жизни россиян. Для того, чтобы обеспечить реализацию в жизни паттернов поведения позитивной направленности в сфере здоровья, сформировать необходимую для этого мотивацию, целесообразно начинать эту работу с детства в общеобразовательной школе. Дискуссия об этом ведется уже не одно десятилетие, разработаны учебники для всех уровней обучения¹ [20]. В 2019 г. Министерство здравоохранения подготовило учебник по охране здоровья для школьников, по которому дети должны были начать учиться в 2020 г.² Этого не случилось. Специалисты продолжают настаивать на том, чтобы:

- ввести в школьную образовательную программу предмет «Здоровье»;
- готовить в вузах профильных педагогов для ведения предмета «Здоровье»;
- обеспечить финансирование пропаганды здорового образа жизни средствами массовой информации, включая цифровую сферу;

¹ Здоровье. Учебно-методическое пособие для учителей 1–11 классов / Под ред. В. Н. Касаткина, Л. А. Щеплягиной. М., 2001. 435 с.

² В школах появятся учебники по здоровью // Образование в России : [сайт]. 05.09.2019. URL: <https://russiaedu.ru/news/v-shkolakh-poiaviatsia-uchebniki-po-zdoroviu> (дата обращения: 21.03.2023).

- ввести в отчетности образовательных и медицинских организаций показатели по формированию здорового образа жизни населения;
- в учебниках «Основы безопасности жизнедеятельности» для 5–11 классов предусмотреть рассмотрение вопроса об оздоровительных практиках;
- в средних и высших учебных заведениях ввести на факультативной основе курсы по оздоровительным практикам;
- организовать для всех желающих онлайн-обучение по оздоровительным практикам;
- создать в крупных и средних городах центры освоения и использования оздоровительных практик, общероссийский информационный портал по оздоровительным практикам [21; 22, с. 75].

Предложенные меры целесообразно дополнить использованием различных средств массовой информации, Интернета, лекциями, дискуссиями, моделирующими играми, компьютерными технологиями, аудиовизуальными источниками, а также их комбинациями. Важно также поощрять граждан, которые ответственно относятся к своему здоровью, являются приверженцами ЗОЖ, выполняют рекомендации врачей, о чём говорилось выше. Даже существуют три способа исправления локуса контроля для желающих¹.

В заключении необходимо отметить, что представленные предложения полностью соответствуют парадигме модели 4П-здравоохранения, одним из принципов которой является партисипативность, означающая активное включение человека в процесс укрепления, поддержания здоровья и принятие ответственности за него.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crawford R. Healthism and the Medicalization of Everyday Life // International Journal of Health Services. 1980. № 10 (3). P. 365–388. DOI [10.2190/3H2H-3XJN-3KAY-G9NY](https://doi.org/10.2190/3H2H-3XJN-3KAY-G9NY).
2. Encyclopedia of Bioethics / G. Post Stephen editor in chief ; 3rd ed. ; Vol. 2 (D–H). N.Y. : Free Press, 2004. ISBN 0-02-865776-4.
3. Салагай О. О., Сошкина К. В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 94–104. DOI [10.12737/jrl.2020.097](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097). EDN [QJMRH](https://elibrary.ru/qjmrh).
4. Mechanic D. The Promoting Health // Society. 1990, № 27 (2). P. 16–22. DOI [10.1007/BF02695480](https://doi.org/10.1007/BF02695480).
5. Сахарова Г. М., Антонова Н. С., Салагай О. О. Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака в Российской Федерации: GATS 2009 и GATS 2016 // Наркология. 2017. Т. 16, № 7 (187). С. 8–12. EDN [ZHEQYD](https://elibrary.ru/zheqyd).

¹ Козлова Е. Идеальный локус контроля: как поправить и больше не терять. URL: <https://katherinakozlova.ru/stati/lokus-kontrolya-kak-popraviti-i-bolshe-ne-teryat> (дата обращения: 22.03.2023).

6. Алкоголь и смертность от болезней системы кровообращения / Д. Леон, В. Школьников, М. Макки, Н. Кирьянов, Е. Андреев // Демоскоп Weekly. 2011. № 461-462. С. 1–17. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/demoscope0461.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).
7. Ответственность граждан за своё здоровье (исследование в фокус-группе). Часть 1 / Е. В. Усова, М. В. Попович, А. В. Маньшина, О. М. Драпкина // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24, № 1. С. 35–43. DOI [10.17116/profmed20212401135](https://doi.org/10.17116/profmed20212401135). EDN [ZYXINF](https://www.edn.ru/zyxinf/).
8. *Licina D.* Negative health behavior, a personal responsibility or not? // U.S. Army Medical Department Journal. 2012. № 14 (8). P. 14–19.
9. *Leichter H. M.* “Evil Habits” and “Personal Choices”: Assigning Responsibility for Health in the 20th Century // Milbank Quarterly. 2003. № 81 (4). P. 603–626. DOI [10.1046/j.0887-378X.2003.00296.x](https://doi.org/10.1046/j.0887-378X.2003.00296.x).
10. Ответственность граждан за своё здоровье (исследование в фокус-группе). Часть 2 / Е. В. Усова, М. В. Попович, А. В. Маньшина, О. М. Драпкина // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24, № 2. С. 24–29. DOI [10.17116/profmed20212402124](https://doi.org/10.17116/profmed20212402124). EDN [AUUZG](https://www.edn.ru/auuzg/).
11. *Mechanic D.* The Stability of Health and Illness Behavior: Results from a Sixteen-Year Follow-Up // American Journal of Public Health. 1979. Vol. 69, № 11. P. 1142–1145. DOI [10.2105/AJPH.69.11.1142](https://doi.org/10.2105/AJPH.69.11.1142).
12. *Чудинова Л. Е.* Формирование мотивации на здоровый образ жизни // Образование. Карьера. Общество. 2013. № 3 (39). С. 35–36. EDN [QH XVST](https://www.edn.ru/qhxvst/).
13. *Максимова Т. М.* Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М. : ПЕР СЭ, 2002. 192 с. ISBN 5-9292-0060-2.
14. *Русинова Н. Л., Браун Дж., Панова Л. В.* Социальные неравенства в здоровье петербуржцев в первом постсоветском десятилетии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003, Т. 6, Спецвыпуск: «Санкт-Петербург в зеркале социологии». С. 331–368. EDN [ZTVLNF](https://www.edn.ru/ztvlnf/).
15. *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81. DOI [10.31857/S013216250009116-0](https://doi.org/10.31857/S013216250009116-0). EDN [MLJZHL](https://www.edn.ru/mljzhl/).
16. Формирование грамотности в вопросах здоровья. Доказательные рекомендации (обзор) / К. Р. Амлаев, С. М. Койчуева, З. Д. Махов, А. А. Койчуев // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15, № 6. С. 25–28. EDN [PUXIPD](https://www.edn.ru/puxipd/).
17. *Койчуев А. А.* Медицинская грамотность молодёжи: результаты исследования // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3 (75). С. 92–94. EDN [RDHSDL](https://www.edn.ru/rdhsdl/).
18. Кросс-секционное исследование по оценке грамотности в вопросах здоровья населения старше 18 лет в отдельных регионах Российской Федерации: актуальность и дизайн / М. В. Лопатина, М. В. Попович, М. Л. Фомичева [и др.] // Экология человека. 2022. № 2. С. 89–98. DOI [10.17816/humeco65198](https://doi.org/10.17816/humeco65198). EDN [TAQUFK](https://www.edn.ru/taqufk/).
19. Детерминанты грамотности в вопросах здоровья: результаты первого популяционного исследования в Российской Федерации / М. В. Лопатина, М. В. Попович, А. В. Концевая, О. М. Драпкина // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24, № 12. С. 57–64. DOI [10.17116/profmed20212412157](https://doi.org/10.17116/profmed20212412157). EDN [FWFDSJ](https://www.edn.ru/fwfdsj/).
20. *Мазур Л. И., Пыркова С. А.* Первые шаги в создании Национальной программы «Здоровье школьников» ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России // Современная модель медицинского обеспечения детей в образовательных организациях. Сборник статей VI Национального конгресса по школьной и университетской медицине с международным участием (Екатеринбург, 9–10 ок-

- тября 2018 г.) / Отв. ред. В. Р. Кучма, О. П. Ковтун. Екатеринбург : УГМУ. 2018. Вып. 6. С. 122–123.
21. *Иванов О. И.* На пути к повышению качества потенциала здоровья россиян // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2020. Т. 64, № 2. С. 105–110. DOI [10.46563/0044-197X-2020-64-2-105-110](https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-2-105-110). EDN [OYXUQU](https://www.edn.ru/0YXUQU).
22. *Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: [монография]* / И. В. Журавлёва, Л. Ю. Иванова, Г. А. Ивахненко [и др.] ; отв. ред. И. В. Журавлёва ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 307 с. ISBN 978-5-89697-356-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021). EDN [FICNUD](https://www.edn.ru/FICNUD).

Сведения об авторах

И. В. Журавлёва

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [75783](https://elibrary.ru/author_index.action?id=75783)

Е. С. Петренко

кандидат философских наук,
директор по науке
AuthorID РИНЦ: [498987](https://elibrary.ru/author_index.action?id=498987)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.5)

INDIVIDUAL RESPONSIBILITY FOR HEALTH: PATTERNS OF BEHAVIOR

Irina Vladimirovna Zhuravleva¹

Elena Serafimovna Petrenko²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
zhuriv@mail.ru,

ORCID [0000-0002-7758-3940](https://orcid.org/0000-0002-7758-3940)

² Public Opinion Foundation,
Moscow, Russia,
petrenko@fom.ru,

ORCID [0009-0002-3666-803X](https://orcid.org/0009-0002-3666-803X)

For citation: Zhuravleva I. V., Petrenko E. S. Individual responsibility for health: patterns of behavior. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):80–103. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.5).

Abstract. The article discusses the ambiguity of the phenomenon of “responsibility for health” and its relevance in modern life as an important potential for improving the health of the population. Its significance is due to the approved “Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-infectious diseases for the period until 2025.” The structure of the multicomponent phenomenon of “responsibility for health” is being considered based on the materials of the study “Care for health” by Public Opinion Fund (2019) using the locus of control as a psychological tool that made it possible to detect fundamental differences between the positions of individuals who maintain a responsible attitude to health and those who have the opposite point of view. Behavioural practices related to health care, types of motivation, basic environmental and informational factors are considered. It is concluded that a person’s life position in relation to health correlates not only with self-assessment of health, life satisfaction, but also with the level of education, financial and official position, and even place of residence. This psychological orientation affects not only health, but all aspects of human life. Taking into account the important role of the individual in the formation of his attitude to health, it is necessary to create conditions for the implementation of patterns of behaviour of a positive orientation on the basis of the required motivation. A number of social measures are proposed for the active inclusion of the individual in the process of strengthening, maintaining health and taking responsibility for it.

Keywords: responsibility for health, behavioural practices, motivation, patterns of behaviour, healthy lifestyle

Acknowledgments: The authors express their gratitude to the President of the Public Opinion Fund A. A. Oslon for providing the data of the empirical study for the project “Care for Health”.

REFERENCES

1. Crawford R. Healthism and the Medicalization of Everyday Life. *International Journal of Health Services*. 1980;10(3):365–388. DOI [10.2190/3H2H-3XJN-3KAY-G9NY](https://doi.org/10.2190/3H2H-3XJN-3KAY-G9NY).
2. Encyclopedia of Bioethics. Stephen G. Post, editor in chief ; 3rd ed. ; Vol. 2 (D–H). New York : Free Press; 2004. ISBN 0-02-865776-4.
3. Salagai O. O., Soshkina K. V. The concept of personal responsibility for the preservation of health: the legal aspect. *Zhurnal rossijskogo prava=Journal of Russian Law*. 2020;(8):94–104. (In Russ.). DOI [10.12737/jrl.2020.097](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097).
4. Mechanic D. The Promoting Health. *Society*. 1990;27(2):16–22. DOI [10.1007/BF02695480](https://doi.org/10.1007/BF02695480).
5. Sakharova G. M., Antonova N. S., Salagai O. O. Global Adult Population Survey on Tobacco Consumption in the Russian Federation: GATS 2009 and GATS 2016. *Narcology=Narkologiya*. 2017;16(7):8–12. (In Russ.).
6. Leon D., Shkol'nikov V., Makki M., Kir'yanov N., Andreev E. Alcohol and mortality from diseases of the circulatory system. *Demoskop Weekly=Demoskop Vikli*. 2011;461-462:1–17 (In Russ.). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/demoscope0461.pdf> (accessed: 21.03.2023).
7. Usova E. V., Popovich M. V., Manshina A. V., Drapkina O. M. Citizens' responsibility for their health (focus group study). Part 1. *Preventive medicine=Profilakticheskaya medicina*. 2021;24(1):35–43. (In Russ.). DOI [10.17116/profmed20212401135](https://doi.org/10.17116/profmed20212401135).
8. Licina D. Negative health behavior, a personal responsibility or not? *U.S. Army Medical Department Journal*. 2012;14(8):14–19.
9. Leichter H. M. “Evil Habits” and “Personal Choices”: Assigning Responsibility for Health in the 20th Century. *Milbank Quarterly*. 2003;81(4):603–626. DOI [10.1046/j.0887-378X.2003.00296.x](https://doi.org/10.1046/j.0887-378X.2003.00296.x).
10. Usova E. V., Popovich M. V., Manshina A. V., Drapkina O. M. Citizens' responsibility for their health (focus group study). Part 2. *Preventive medicine=Profilakticheskaya medicina*. 2021;24(2):24–29. (In Russ.). DOI [10.17116/profmed20212402124](https://doi.org/10.17116/profmed20212402124).
11. Mechanic D. The Stability of Health and Illness Behavior: Results from a Sixteen-Year Follow-Up. *American Journal of Public Health*. 1979;69:1142–1145. DOI [10.2105/AJPH.69.11.1142](https://doi.org/10.2105/AJPH.69.11.1142).
12. Chudinova L. E. Formation of motivation for a healthy lifestyle. *Education. Career. Society=Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 2013;3(39):35–36. (In Russ.).
13. Maksimova T. M. Current state, trends and prospective assessments of public health. Moscow: PER SE. 2002; 192 p. (In Russ.). ISBN 5-9292-0060-2.
14. Rusinova N. L., Braun Dzh., Panova L. V. Social inequalities in the health of Petersburgers in the first post-Soviet decade. Special Issue. St. Petersburg in the mirror of sociology. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003;(6):331–368. (In Russ.).
15. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of self-assessments of the health of Russians: current trends of the post-Soviet period. *Sociological research=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(4):70–81. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009116-0](https://doi.org/10.31857/S013216250009116-0).
16. Amlaev K. R., Koichueva S. M., Makhov Z. D., Koichuev A. A. Formation of health literacy. Evidence-based recommendations (review). *Profilakticheskaya meditsina=Preventive medicine*. 2012;(6):25–28. (In Russ.).

17. Koichuev A. A. Medical literacy of young people: the results of the study. *Nauchnaya mysl' Kavkaza=Scientific thought of the Caucasus*. 2013;(3):92–94. (In Russ.).
18. Lopatina M. V., Popovich M. V., Fomicheva M. L. [et al.]. Cross-sectional study on the assessment of literacy in health issues of the population over 18 years of age in certain regions of the Russian Federation: relevance and design. *Human ecology=E`kologiya cheloveka*. 2022;29(2):89–98. (In Russ.). DOI [10.17816/humeco65198](https://doi.org/10.17816/humeco65198).
19. Lopatina M. V., Popovich M. V., Kontsevaya A. V., Drapkina O. M. Determinants of health literacy: results of the first population study in the Russian Federation. *Profilakticheskaya meditsina=Preventive Medicine*. 2021;24(12):57–64. (In Russ.). DOI [10.17116/profmed20212412157](https://doi.org/10.17116/profmed20212412157).
20. Mazur L. I., Pyrkova S. A. The first steps in the creation of the National program “Health of schoolchildren” of the Samara State Medical University of the Ministry of Health of Russia. In: The modern model of medical care for children in educational institutions. Collection of articles of the VI National Congress on School and University Medicine with international participation (Yekaterinburg, October 9–10, 2018). Ed. V. R. Kuchma, O. P. Kovtun. Ekaterinburg: UGMU. 2018; Vy`pusk 6: p. 122–123. (In Russ.).
21. Ivanov O. I. On the way to improving the quality of the health potential of Russians. *Healthcare of the Russian Federation=Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*. 2020;64(2):105–110. (In Russ.). DOI [10.46563/0044-197X-2020-64-2-105-110](https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-2-105-110).
22. Zhuravleva I. V., Ivanova L. Yu., Ivakhnenko G. A. [et al.]. Adolescent health and the environment: changes over 20 years. Ed. by I. V. Zhuravleva. Moscow : FCTAS RAS; 2021. 307 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021).

Information about the Authors

I. V. Zhuravleva

Doctor of Sociology,

Main researcher

Scopus AuthorID: [7006032948](https://orcid.org/7006032948)

E. S. Petrenko

Candidate of Philosophy,

Science Director

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

Олег Александрович Кажанов

Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия,
kazhanov@bk.ru,
ORCID [0009-0008-1107-3391](https://orcid.org/0009-0008-1107-3391)

Для цитирования: Кажанов О. А. Предыстория электоральной социологии в дореволюционной России: опыт междисциплинарного анализа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 12, № 2. С. 104–123. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.6). EDN [KLBWPV](https://edn.klbpv.ru).

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения электорально-социологических исследований в дореволюционной России конца XIX-начала XX вв. Используя междисциплинарный подход, автор делает попытку связать зарождение научного интереса к осмыслению феномена электорального поведения с изучением института выборов в смежных научных дисциплинах – правоведении и политологии. Делается вывод о том, что практика такого рода исследований подводила представителей этих наук к постановке проблемы электорального выбора, которую в рамках традиционных методологических направлений решить было достаточно затруднительно. Обращение к социологическим подходам теоретического и эмпирического уровней позволило продвинуться в изучении электоральной проблематики и привело исследователей к мысли о выделении её части в сферу специальных научных исследований. Анализируются основные этапы становления электорально-социологических исследований: от появления первых попыток изучения электорального поведения с целью решения правовых и политологических проблем в аспекте осмысления института выборов до возникновения идеи о создании специальной социологической дисциплины, в рамках которой должен рассматриваться феномен электорального выбора. Выделяются эвристические догадки учёных дореволюционной России, предвосхитившие ряд исследовательских направлений в электоральной социологии XX в. Анализируются методы эмпирических электоральных исследований, которые впервые апробировались в практике научно-социологической работы. Отмечается, что ни уровень развития института выборов, ни уровень научной методологии и методики социологических исследований в дореволюционной России не способствовали формированию специальной научной дисциплины – электоральной социологии, а последующие политические события в стране остановили этот процесс на длительное историческое время.

Ключевые слова: отечественная электоральная социология, предыстория электоральной социологии в дореволюционной России, междисциплинарный подход, становление электорально-социологических исследований

Введение

Русская дореволюционная социологическая мысль является важным объектом историко-социологических изысканий. Интерес учёных связан с тем фактом, что её развитие проходило на уровне мировой науки об обществе того времени, а в некоторых моментах, как считает известный российский исследователь А. Н. Медушевский, и опережало этот уровень [1, с. 291].

Несмотря на объём и глубину накопленных в настоящее время знаний, вряд ли можно утверждать, что указанный исторический период изучен полностью. Существуют «белые пятна» в истории русской дореволюционной социологии, которые требуют к себе пристального внимания учёных.

К их числу можно и отнести проблему возникновения электорально-социологических исследований в дореволюционной России.

Актуальность обращения к этой теме связана с тем, что вопрос об исторических корнях современных исследований подобного рода, институализация которых ещё не завершена, остаётся открытым. Для ряда исследователей, своеобразной временной точкой отсчёта в этом процессе стал рубеж 80–90-х гг. XX в. Именно в это время началась демократизация избирательных кампаний и стали появляться первые серьёзные научные разработки по электоральной проблематике таких учёных, как Б. А. Грушин, А. Г. Здравомыслов, И. М. Клямкин, Ж. Т. Тощенко и др. Считается, что ранее просто не существовало условий для формирования объекта такого рода исследований в связи с недемократическим характером института выборов в предыдущие исторические периоды. Электоральное поведение россиян, по мнению В. Фёдорова, появилось как феномен на заре перестройки [3, с. 153]. Ряд исследователей (Н. В. Гришин, Ю. Н. Савинков) отмечают тот факт, что попытки изучения феномена электорального поведения в нашей стране предпринимались задолго до перестроечного и постперестроечного периодов [2, с. 145].

Таким образом, обращение к предыстории электоральной социологии в дореволюционной России позволяет внести определённый вклад в решение этого вопроса, тем более что серьёзные научные исследования нам неизвестны.

Доводы сторонников идеи отсутствия объектно-предметной базы для возникновения отечественных электорально-социологических исследований в рассматриваемый исторический период малоубедительны.

Как показывает анализ источников, интерес русских исследователей распространялся не только на отечественную электоральную практику, но касался избирательных кампаний, проводившихся за рубежом, в первую очередь, в странах, где вводилось всеобщее избирательное право, демократизировался институт выборов, а, соответственно, развивался феномен электорального поведения [Например, см. 4; 5; 6]. Кроме того, несмотря на недемократичность российской электоральной практики как на уровне формирования органов местного самоуправления, так и на уровне высших представительных органов государственной власти, в стране постепенно накапливался опыт участия населения в выборах, складывались первые устойчивые элементы электорального выбора различных групп избирателей. Всё это не могло не привлекать внимания русских исследователей, стремившихся понять особенности электорального выбора в России [7].

Специфика зарождения отечественных электорально-социологических исследований, на наш взгляд, связана с тем, что проблематика избирательных кампаний привлекала внимание обществоведов различных дисциплинарных направлений. Институт выборов, как отмечает известный политический социолог М. Желтов, традиционно являлся объектом исследования представителей юридических и политических наук. И если первые анализировали нормы объективного избирательного права и особенности проведения выборов, то вторым был присущ интерес к тому, как партии участвуют в избирательных кампаниях и как порядок формирования органов власти влияет на организацию партийной системы [8, с. 5–6].

В то же время, как отмечает современный электоральный социолог Ю. Н. Савинков, «классические» научные подходы нередко уступали место социологической методологии в отечественных дореволюционных исследованиях института выборов. Другими словами, русские правоведа и политические мыслители переходили к попыткам анализа электорального поведения и активности избирателей с применением статистических данных [9, с. 6].

Для того, чтобы понять причины такого рода методологических «мутаций» в логике научных изысканий отечественных дореволюционных мыслителей, необходимо обратиться к феномену междисциплинарности в истории науки.

Междисциплинарность, по мнению Х. Якобса, – это вид знания и подход к курсу обучения, которые сознательно включают методологию и язык более чем одной дисциплины для рассмотрения центральной темы, проблемы, события, факта, опыта [10, с. 152]. Использование инструментов смежных наук в научном поиске позволяет учёным уточнять, расши-

рять или развивать сложившиеся в данной дисциплине методологические подходы к анализу объекта исследования. Заимствования из других наук дают возможность оценить границы познавательных возможностей используемых методов и знаний в рамках конкретной области познания, выявить все плюсы и минусы их использования для решения поставленной проблемы. Наконец, в процессе взаимовлияния наук часть их проблемного поля может обособляться в рамках нового дисциплинарного направления со своими объектно-субъектными связями, методами исследования. Возникновение новых «пограничных» отраслей познания расширяет и усложняет структуру науки, создавая новые возможности осмысления разнообразных проявлений объективной реальности.

Использование «алгоритма» междисциплинарности в рамках интересующей нас проблематики позволит понять логику трансформации методологических подходов к изучению института выборов в русском дореволюционном общественном сознании, результатом которого стало возникновение электорально-социологических исследований.

Ограниченность традиционных политико-правовых подходов в электоральных исследованиях

Анализ источниковой базы показывает, что первые попытки сделать объектом изучения электоральное поведение пришлось в нашей стране на рубеж XIX–XX вв. [4; 6; 11; 12, с. 28–38]. Прав А. Н. Медушевский, рассматривающий это историческое время как важный качественный этап в истории человечества, имея в виду изменения в политической жизни общества. Это выразилось в резко возросшем участии народных масс в политическом процессе, что делало их волеизъявление важнейшим способом легитимации власти, трансформировало политические партии в массовые организации, борющиеся за влияние на избирателей, усилило возможности манипулятивного воздействия заинтересованных структур на общественное сознание [13, с. 6].

Все эти политические трансформации, характерные в первую очередь для стран Запада (Великобритании, Франции, Германии и т. д.), не могли не сказаться на развитии «классических» обществоведческих дисциплин, изучавших институт выборов. Возникновение научной проблематики, отражавшей новые общественные реалии, требовало пересмотра сложившихся ранее политико-правовых концепций и теорий. Традиционные подходы становились малопродуктивными, ориентируя учёных на синтез знаний, накопленных в других науках, заимствование апробированных в них методов для анализа социальных явлений и процессов. Выражаясь словами современного социолога А. Н. Малинкина, стала

складываться идеально-типическая ситуация востребованности междисциплинарного подхода в научных исследованиях [14, с. 106].

Рассмотрим более подробно процесс трансформации научных подходов дореволюционных отечественных правоведов и политических мыслителей, изучавших институт выборов.

Активное развитие института свободных демократических выборов в странах Западной Европы и Северной Америки стимулировало интерес правоведов к разработке и законодательному оформлению принципов и правил проведения избирательных кампаний. XIX в. – время создания различных проектов избирательных систем, которых к началу XX в. насчитывалось более полутора сотен [15, с. 142].

Основная цель такого «электорального проектирования» состояла в создании универсальной модели, способной полно и объективно зафиксировать народное волеизъявление в процессе голосования. Как показывала практика, ни одна из предложенных моделей не позволяла реализовать поставленную цель, так как в основе их разработки лежали как умозрительные представления о структуре электората и о факторах мотивации повеления избирателей, так и прагматические задачи теоретического обоснования лишения права голосовать представителей определённых конкурирующих групп населения. Корпус избирателей рассматривался как сумма приблизительно одинаковых единиц, поведение которых определялось единством и неизменностью человеческой природы и соответствовало идеальной модели «политического человека» (т. е. гражданина, выступающего в системе политических отношений) [Подробнее см.: 16, с. 218].

На рубеже XIX–XX вв. в отечественном государственном праве такой метафизический подход стал подвергаться критике. Не оправдало надежд и введение всеобщего избирательного права в ряде стран Запада во второй половине XIX в. Вот что писал по этому поводу известный русский публицист того времени Л. З. Слонимский: «Бывали замечательные представительные собрания при плохой и устарелой системе выборов, и наоборот, – очень неудачные парламенты при всеобщем равном прямом и тайном голосовании; последняя избирательная система, самая лучшая и справедливая в теории, не гарантирует ни правильности выборов, ни разумности их результатов ...» [17, с. 739]. Понять неоднозначность последствий применения избирательного права на практике могла переориентация исследователей с изучения «юридических фикций и отвлечений» на анализ социальных условий, в которых применялась та или иная модель, о чём ещё в начале 70-х гг. XIX в. писал русский правовед А. Д. Градовский [18, с. 10].

Та же проблема возникла и в формирующейся в это время политической науке, в которой одним из важных объектов исследования стали по-

литические партии. Стимулом научного интереса явилось развитие института свободных демократических выборов, сопровождавшееся в ряде западных стран, расширением числа граждан, обладавших избирательным правом. Посредниками между электоратом и их представителями у власти становятся политические партии как «деятельные орудия политической жизни», которые призваны выполнять важную функцию – формирование общественного мнения у «беспристрастной массы» [20, с. 465, 524].

Борьба за голоса избирателей резко обострилась, приведя к существенным организационным трансформациям этих политических организаций. Произошедшие изменения нашли своё отражение в политологических исследованиях. Главенствующий ранее в обществоведческих дисциплинах (философии, истории, юриспруденции и т. д.) нормативистский подход, рассматривавший чувственно-эмоциональный фактор как основу формирования партийных объединений, уступил место институциональному подходу, делавшему акцент на изучении таких аспектов партийного бытия, как происхождение, функции, участие в выборах, внутренняя организация, межпартийное взаимодействие, связь с другими политическими организациями [29, с. 159–160].

Объективность и научность новой методологии способствовали зарождению современной партологии, но не всегда позволяли найти решение практических проблем, с которыми сталкивались политические партии как субъекты избирательного процесса. Почему, например, более сильные политические партии, обладавшие большим численным составом, развитой сетью первичных организаций, материальными и финансовыми ресурсами, наработанным имиджем и т. д., могли уступить электоральную победу на выборах более слабым конкурентам, несмотря на все преимущества, которыми они обладали? [21, с. 164]. Действительно ли общественно-политические организации, участвующие в избирательных кампаниях, осуществляли функцию формирования общественного мнения? Лежал ли в основе их побед и поражений идеологический фактор или действовали другие причины? [13, с. 542; 22, с. 151–152].

Непредсказуемость свободных демократических выборов оставалась малопонятной до тех пор, пока в качестве объекта научных исследований выступали партийные организации, а не внешняя социально-политическая среда, в которой они действовали.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. отечественная политико-правовая мысль, изучавшая институт выборов, столкнулась с проблемой расширения объектно-предметной основы научных исследований, используемых методологических подходов.

Социологизация электоральных политико-правовых исследований

В рамках изучения новой научной проблематики внимание учёных-обществоведов всё больше привлекал феномен электорального поведения. Он стал рассматриваться как фактор, во многом определявший специфику функционирования избирательного права и политических партий в избирательном процессе.

Столкнувшись с проблемой изучения поведения избирателей, представители юридических и политических наук начали обращаться за помощью к смежным общественным дисциплинам [23; 24; 25], в том числе и к электорально-социологическим исследованиям.

Социологический подход переориентировал часть русских обществоведов на изучение феномена поведения избирателей как разновидности социально-политического поведения. Электорат стал рассматриваться в виде сложной социально структурированной совокупности лиц, обладающих правом голоса. Властно значимые социально-групповые интересы дифференцировали и интегрировали потенциальных и реальных участников избирательного процесса, рождая как компромиссные, так и конфликтные взаимоотношения. Разнообразные поступки и действия избирателей и их групп, определявшие ход и результаты выборной кампании, их направленность и последовательность, попадали в центр научного внимания.

Электорально-социологические исследования расширяли знаниевый потенциал «классических» обществоведческих дисциплин, изучавших институт выборов. Среди правоведов возникали идеи о том, что в основе разработки моделей избирательных систем лежали идеи создателей о социальной однородности и неоднородности электората [26, с. 290–293], а эффективность деятельности выборного законодательства во многом определялась уровнем политического сознания избирателей [4]. Формировалось представление о том, что институт избирательного права не в состоянии реализовать идею политического волеизъявления народа на выборах [27], крепло убеждение в том, что выборные законы – орудие, используемое различными социальными слоями общества в борьбе за государственную власть [28, с. 567–569]. Отдельные русские парттологи считали объективным критерием отличия политической партии от клики или камарильи в условиях политического представительства складывание электорального ядра [29, с. 7].

Электорально-социологические исследования в дореволюционной России, к которым обращались представители различных отраслей общественнознания, играли не только вспомогательную роль в становлении научного понимания особенностей политико-правовых оснований ин-

ститута выборов, но и подводили внимание учёных к феномену поведения различных типологических групп избирателей как самостоятельной проблеме междисциплинарных исследований [9, с. 6].

Так, представители политических консервативных ориентаций (Э. Берендтс, К. Головин, К. Победоносцев, Л. Тихомиров и др. [30; 23; 12; 31; 32]) в своих работах использовали идеи органицизма. Они рассматривали общество как единую целостность, составной частью которой являлась государственная власть, тесно связанная с реализацией общенациональных интересов. Последние способны формироваться лишь в условиях объединения личных в социально-групповые интересы с возникновением потребности в их согласовании и защите.

Институт народного представительства трактовался как законосовещательный орган при Верховной (монархической) власти, имевший своей целью ознакомить политико-управленческие структуры с насущными проблемами, волнующими представителей различных социальных групп и слоёв общества. Его формирование должно было осуществляться на основе раздельного группового голосования избирателей. Исследователи исходили из фактора «детерминирующего статуса», выделяя одну основную социальную позицию, потребности и интересы в рамках которой оказывали доминирующее воздействие на выработку избирателем политических предпочтений, выбор того или иного варианта электорального поведения. Предлагалась сословная структура избирателей, электоральный выбор которых должны определять не изменчивые материальные интересы, а устойчивая корпоративная мораль, формирующая у голосующих «охранительные» политические ориентации. Не любые социальные группы могли стать полноправными участниками избирательного процесса, а лишь те, чья «...нравственно бытовая физиономия определяется их преданиями и историей» [34, с. 17].

С позиций экономического детерминизма социально-политические мыслители марксистского направления (П. Берлин, М. Соболев, И. Чернышев и др. [5; 34; 35; 36]) подходили и к вопросу о связях между социальной принадлежностью избирателей и их электоральным поведением. Избирательная и парламентская деятельность рассматривались как продолжение классовой борьбы в политико-правовой сфере. В этой борьбе экономически обусловленные группы людей стремятся выдать свой социальный интерес за общенациональный и, соответственно, реализовывать его в государственной политике через своих представителей. Политические компромиссы носят временный характер, позволяя большинству устанавливать своё политическое господство в обществе, вплоть до смены власти мирным путем. Политическим авангардом классовых групп, соединяющих их интересы с властью, выступают политические

партии. В условиях выборов классово-ориентированные избиратели будут отдавать свои голоса тем политическим организациям, чьи политические программы ориентированы на отстаивание их интересов в стенах народного представительства.

Абсолютизируя роль классового антагонизма в мотивации поведения избирателя, русские марксисты редуцировали процесс формирования электорального выбора, противопоставляя стратификационные статусные позиции индивида его принадлежности к другим социальным группам (демографическим, профессиональным, этническим, конфессиональным и т. д.). Соответственно, снижалось значение неклассовых интересов как фактора мотивации поведения избирателя. «Ошибка социал-демократических партий, – писал один из оппонентов, – заключается не в том, что они служат классовым интересам рабочих, а в том, что они не считаются с силой других исторических интересов, кроме классовых ...» [37, с. 15].

Представители конституционно-демократического направления в социально-политической мысли (М. Острогорский, А. Рыкачев и др. [13; 37; 25]) стремились преодолеть схематизм марксистской и консервативной точек зрения. Исходя из идей плюралистической социологии, эти электоральные исследователи выступали против замены индивида группой как в рамках теории экономического детерминизма, так и с помощью аналогии социального и биологического. Индивид существует в системе социальных групп, занимая не одну, а различные социальные позиции. Поэтому его электоральный выбор носит сложный и динамичный характер. Избирателя отличает приверженность конкретным партикулярным интересам (классовым, сословным, национальным, конфессиональным, локальным и т. д.), желание провести их через систему народного представительства.

Политическое управление, построенное по такому принципу, сводится, по мнению М. Острогорского, к организации «эгоизма» в государстве. Решение проблемы, считает он, связано с приведением интересов к идеям, «...которые, будучи освобождены от персонального элемента, т. е. узости и мелочности, одни способны установить справедливую гармонию между различными тенденциями» [13, с. 586–587]. Другими словами, выбор кандидата во многом зависит от сложившихся политических убеждений избирателя, т. е. системы взглядов на устройство общества и государства. Именно конкуренция политических идеологий должна определять исход голосования. Однако, достичь этого, по мнению М. Острогорского, достаточно сложно, так как мотивация поведения избирателя определяется воздействием противоречиво взаимосвязанных политических убеждений, частных и узкогрупповых интересов [13, с. 587].

Отдельные дореволюционные русские социологи постулировали мысль о том, что итоги голосования – это не обязательно результат действия объективных закономерностей, связанных со статусным положением избирателей. Феномен электорального поведения включает в себя и элемент стихийности, действия эмоционально-чувственных моментов. Так, по мнению, социолога-неокантианца П. Новгородцева, количественный анализ электоральной статистики («грубая мерка арифметического расчёта») малопродуктивен в изучении мотивации электорального выбора, так как не раскрывает внутренний процесс его формирования. «Определить те мотивы, которые побуждают отдельных избирателей подавать голос за известных кандидатов, – указывал исследователь, – невозможно уже потому, что эти мотивы остаются невысказанными, и потому каждое голосование, со своей внутренней стороны, является, в сущности, тайной и загадкой» [22, с. 152]. Качественный анализ феномена поведения избирателя должен включать в себя не только выявление закономерного, но и учитывать роль случайного, так как сделанный выбор может строиться не только на убеждении, но и иметь в своей основе быстро меняющиеся политические настроения. О значимости последних в электоральном выборе и о сложности их объяснения писал русский юрист и социолог В. Ивановский [21, с. 164–165].

Хотя большинство дореволюционных социолого-электоральных исследований носило практический характер, ряд российских исследователей в процессе анализа фактического материала выходили на определённые теоретические обобщения эвристического характера. Сделанные догадки предвосхищали отдельные направления научной проблематики будущей электоральной социологии. Отметим, на наш взгляд, наиболее интересные в этом плане выводы.

Так, на примере изучения парламентской избирательной кампании 1910 г. в Англии, русский публицист С. Раппопорт пришёл к выводу, что политическая борьба на выборах – аналог рыночной конкуренции со всеми плюсами и минусами последней. Взаимоотношения политических партий в предвыборной борьбе во многом напоминали исследователю деятельность американских трестов или синдикатов, которые честными или нечестными путями стремились увеличить число покупателей своей продукции. «Политические партии, – указывал С. Раппопорт, – это не армии, а конкурирующие между собой продавцы или производители. Не побить они хотят врага, а привлечь на свою сторону «покупателей» (имеются в виду избиратели – *О.К.*)» [38, с. 99].

Плюрализм партийно-политических сил в условиях демократических выборов – залог качественной избирательной кампании. Монополизм опасен для самой организации, добившейся такого положения на вы-

борах. «Истинные интересы политической партии, – пишет С. Раппорт, – имеющей целью господство и рост своих идеалов, даже связаны с существованием сильной оппозиции, без которой всякая партия теряет жизненность и привлекательность» [38, с. 100].

Актуальность выводов С. Раппорта подтверждает тот факт, что уже более полувека интерес к модели политического рынка испытывают исследователи электорального процесса. Ещё в 1962 г., как отмечает Д. Нежданов, немецкий социолог Ю. Хабермас в своей концепции описывал активность участников избирательной кампании как разновидность деятельности по продаже товаров и услуг [19, с. 6].

Особенности неформальных взаимоотношений политических элит и избирателей привлекли внимание П. Милюкова, анализировавшего избирательные кампании на рубеже XIX–XX вв. в Болгарии [6]. Не используя сам термин, исследователь фактически изучал феномен электоральных практик, исследование которых в современной электоральной социологии позволяет выделять различные институциональные модели выборов [40, с. 101–103]. Описывая повторяющиеся взаимодействия электоральных акторов, которые со временем могли меняться, П. Милюков фиксировал их относительную устойчивость. В её основе лежало согласование субъективных смыслов и взаимных ожиданий, превращение их в социальную норму. Это явление автор называл «не писаной конституцией», которая с развитием болгарского общества приобретала всё более цивилизованные черты [6, с. 57].

Объектом исследований русских учёных становился и феномен электорального абсентеизма, который они рассматривали как универсальное явление. На основе сравнительного анализа электоральной активности на выборах в различных странах подвергалось критике цензовое избирательное право, которое в большинстве случаев исходило из постулата о том, что «человек политический» рассматривает своё участие в голосовании как гражданский долг [41, с. 179–180; 42, с. 257–259]. Электорально-социологические исследования показывали неэффективность борьбы с электоральной девиацией посредством введения обязательного голосования [27]. Тем самым у научной общественности формировалась мысль о том, что участие в голосовании гражданина есть не обязанность, а право.

Электорально-социологические исследования в дореволюционной России не только вносили определённый вклад в теоретическое осмысление феномена электорального выбора, но и способствовали становлению эмпирического уровня научных исследований посредством разработки методических приёмов сбора и анализа фактической информации. Причём арсенал этих методов был достаточно разнообразен, включая в свой состав как количественные, так и качественные приёмы и способы ра-

боты, отбивавшиеся в зависимости от характера исследуемого объекта, поставленных задач и возможностей, которыми располагали лица, обращавшиеся к прикладным аспектам изучения электорального поведения.

Наибольший интерес у специалистов вызывали статистико-социологические методы электоральных исследований, которые позволяли, с одной стороны, фиксировать с помощью точных, математически выверенных подходов закономерно повторяющиеся явления в сфере поведения избирателей, а, с другой стороны, проводить социологический анализ причин происходящего. Достаточно популярным являлось использование метода работы с документами (анализ петиций, наказов, запросов, которые активно составлялись населением в период избирательных кампаний). Он включал в себя не только традиционный (смысловой) вариант работы с текстом, но и первые единичные попытки количественного (контент-анализ) подхода к изучению источника. Использование наблюдения позволяло фиксировать специфику социально-психологических настроений в период голосования, описывать коммуникационные связи «избиратель – кандидат – власть», складывавшиеся во время предвыборной агитации, выделять социальные типажы политически неоднородного электората. Фиксировались единичные случаи обращения к опросным методикам. Среди них: статистическое анкетирование народных избранников, позволившее собрать данные, косвенно говорящие о политических предпочтениях избирателей, рейтинговый замер популярности партий у населения в период избирательной кампании, своеобразный «экспресс-опрос» мнений деятелей земского движения о предоставлении женщинам избирательных прав, экспертные варианты анкетирования, позволявшие государственной власти разрабатывать стратегию и тактику своего поведения в период выборов избирательных кампаний. Хотя уровень научной разработанности этих методик был достаточно далек от состояния методического арсенала современной эмпирической электоральной социологии, в исследовательской практике того времени они играли важную роль, закладывая основы научной работы с фактическим материалом электорального плана [43, с. 174–238].

Идея дисциплинарной автономизации электорально-социологических исследований

Становление электорально-социологических исследований в дореволюционной России начала XX в., сопровождавшееся накоплением фактического материала, разработкой методик его сбора, обработки и анализа, появлением эвристических догадок в области теории поведения избирателей, носило диалектический характер. Количественный рост

получаемых знаний в области электоральной проблематики вёл к качественному «скачку» в научном понимании степени автономности такого рода исследований. Осмысление достигнутых результатов позволило отдельным исследователям сделать вывод о необходимости создания «пограничной» социологической научной дисциплины, в предметное поле которой должен быть включён ряд вопросов выборной проблематики, традиционно изучавшихся в рамках правовых и политических наук.

К числу таких учёных мы можем отнести партолога Павла Абрамовича Берлина (1878–1962), а также правоведа и социолога Виктора Викторовича Ивановского (1854–1926).

В одной из своих научных публикаций П. Берлин заявил о необходимости создания специальной научной дисциплины, которую он назвал «социология всеобщего голосования». Изучая социальный состав политических партий, исследователь делал акцент на анализе массы избирателей, поведение которой на выборах определяло успех или неудачу организации в борьбе за власть. Продуктивность такого рода научной работы П. Берлин связывал с анализом электоральной статистики. Причина состояла в том, что результаты избирательных кампаний на протяжении длительного временного периода отражали динамику социальных связей политической партии и были очень удобны для эмпирического анализа. Сравнительно-исторический метод их изучения позволял выделить «надёжные и точные социальные законы» политической жизни. Однако рассматривать электорально-социологические исследования лишь составной частью партологии было бы неправильно, так как детализация данных избирательной статистики позволяла выйти за узкие рамки изучения социального состава политических партий и рассматривать электорат как самостоятельного политического актора. Социология всеобщего голосования, как указывал П. Берлин, способна «воссоздать общую картину политического мировоззрения данного народа», «обнажать самые корни всей политической жизни страны», что позволяло рассматривать её как самостоятельную отрасль общественнознания, которой в недалёком будущем предстоял научный расцвет [5, с. 108–109].

В. Ивановский пришёл к выводу о том, что такая часть общественнознания, как государствоведение, исследующее в том числе и механизмы формирования органов государственной власти, должно представлять собой часть социологии, которую можно назвать политической социологией. Рассматривая государство как форму общественной жизни, учёный отмечал, что объектом исследования социолога-государствоведа, должны стать и вопросы государственного (а, соответственно, и избирательного) права, так как в изучаемых правовых нормах отражается реальная юридическая жизнь народа, действия конкретных общественных сил.

С позиций социологического метода, В. Ивановский рассматривал корпус избирателей как совокупность представителей различных социальных групп, обладающих неоднозначными, а нередко и альтернативными политическими интересами. Учёный в любой избирательной кампании видел механизм групповой борьбы за государственную власть. Характер и результаты этой борьбы во многом определяются применяемыми избирательными системами, результативность которых, в свою очередь, зависит от общественных условий (исторических условий, соотношения классовых сил, уровня развития политического сознания населения и т. д.) [21, с. 11–12, 51–52, 160, 171–184].

Выводы П. Берлина и В. Ивановского носили прогнозный характер, так как оба исследователя признавали как неразвитость теоретико-методологической базы социологии, так и методов эмпирических исследований, которые должны были лечь в основу новых отраслевых социологических дисциплин [5, с. 109; 21, с. 1].

Не способствовал становлению отечественной электоральной социологии и уровень развития института политических выборов, в первую очередь, в самой России. Однако и в дальнейшем этот процесс был «заморожен» политическими событиями в России (революционные потрясения 1917 г., установление советской власти с последующим переходом к тоталитарному политическому режиму), которые на длительное историческое время сделали невозможными научные политико-социологические исследования, в том числе в рамках электоральной проблематики. Лишь на рубеже 80–90-х гг. XX в. ситуация изменилась в благоприятную сторону, но накопленный отечественный опыт изучения поведения избирателя на выборах к этому времени был полностью забыт. Его место заняли зарубежные методологические и методические разработки, которые и легли в основу создания российской электоральной социологии.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что использование междисциплинарного подхода позволяет понять логику трансформации отечественной дореволюционной политико-правовой мысли, изучавшей институт выборов, в направлении социологизации научных исследований. Этот процесс начался на рубеже XIX–XX вв. и продолжался вплоть до 1917 г. Он включал в себя несколько взаимосвязанных этапов. Сначала в рамках «классических» обществоведческих дисциплин формируется научная проблематика, разрешить которую в рамках объектно-предметного поля данных наук становилось невозможно. Далее начинается активный поиск новых подходов к её разрешению в рамках других науч-

ных дисциплин, в том числе и социологии. Появляются первые попытки проведения социологического анализа выборной проблематики, в рамках которого правоведы и политические мыслители пытаются получить ответы на поставленные вопросы. В процессе этих исследований начинают выдвигаться эвристические идеи, предвосхищающие определённые направления последующих научных электорально-социологических изысканий. Наконец, возникают первые представления о необходимости выделения ряда вопросов выборной проблематики в рамках традиционных обществоведческих наук в отдельную научную дисциплину, расположенную на «стыке» социологии и этих обществоведческих дисциплин. Таким образом, можно констатировать тот факт, что предыстория современной отечественной электорально-социологической мысли, которая своими корнями уходит в дореволюционный период истории России, была тесно связана с политико-правовыми исследованиями института выборов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М. : Высшая школа, 1993. 316 с. ISBN 5-06-002469-5. EDN **PYIQDN**.
2. *Кажанов О. А.* Электоральная социология как наука в современной России: проблемы становления // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25–27 ноября 2021 года / Отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Спб. : Скифия-принт, 2021. С. 144–146. ISBN 98-5-00197-018-7. EDN **MZXIYL**.
3. *Федоров В. В.* Русский выбор: введение в теорию электорального поведения. М. : Праксис, 2010. 383 с. ISBN 978-5-901574-79-9.
4. *Бланк Р.* «Всеобщее голосование» во Франции. Итоги первого пятидесятилетия (1848–1898 гг.) // Вестник Европы. 1902. № 5. С. 154–182.
5. *Берлин П.* Роль деревни и города в политической жизни // Образование. 1907. № 1. С. 108–124.
6. *Милюков П.* Болгарская конституция // Русское богатство. 1904. № 10. С. 28–59.
7. *Кажанов О. А.* Социокультурный метод в изучении электорального поведения: ретроспективный анализ отечественного опыта // Научный диалог. История. Социология. Этнография. 2013. № 6 (18). С. 163–172. EDN **OMVPYW**.
8. *Желтов М. В.* Институты избирательного права и выборов: социальные функции и роль в политическом устройстве общества : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 23.00.02 / Желтов Максим Викторович ; Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2005. 44 с. EDN **ZNBDCF**.
9. *Савинков Ю. Н.* Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Савинков Юрий Николаевич ; Орлов. регион. акад. гос. службы. Орел, 2004. 27 с. EDN **NHVMXX**.
10. *Бушковская Е. А.* Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152–155. EDN **NBPDST**.
11. *Шрейдер Гр.* Муниципальные этюды // Русское богатство. 1896. № 11. С. 138–143.
12. *Победоносцев К. П.* Московский сборник / Изд. К. П. Победоносцева. Изд. 5-е доп. М. : Синодальная тип., 1901. 366 с.

13. *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М. : «Российская политическая энциклопедия», 1997. 640 с. ISBN 5-86004-077-6.
14. *Малинкин А. Н.* О междисциплинарности в социологии в свете проблемности её дисциплинарной идентичности // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 105–122. DOI [10.19181/socjour.2019.25.4.6821](https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6821). EDN [NWXPID](#).
15. *Подвинцев О. Б.* Псефология как наука о выборах // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 142–146. EDN [HSOFMD](#).
16. *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М. : Мысль, 1985. 384 с.
17. *Слонимский Л.* Народное представительство и правовой порядок // Вестник Европы. 1905. Кн. 10. С. 736–744.
18. *Градовский А. Д.* Политика, история и администрация. СПб. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1871. 526 с.
19. *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М. : Тип. Грачева и К°, 1866. 552 с.
20. *Спасский Е. Н.* Политические партии Запада и их исследование в западной политологической традиции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. 2008. Т. 4, № 1. С. 159–179. EDN [KVIKPP](#).
21. *Ивановский В. В.* Учебник государственного права. Казань : Типо-лит. Императорского Университета, 1908. 520 с.
22. *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. 393 с.
23. *Головин К. Ф.* Вне партий. Опыт политической психологии. СПб. : А. С. Суворин, 1905. 319 с.
24. *Дживилегов А.* Из истории избирательной фальсификации // Современный мир. 1907. № 3. С. 168–182.
25. *Котляревский С. К.* К философии избирательного права // Вопросы философии и психологии. 1905. Год XVI, Кн. V (80). С. 382–396.
26. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1892. 402 с.
27. *Блюменфельд Р.* Обязательное голосование // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 9. С. 111–148.
28. *Осипов И.* Избирательное право в Германской Империи и в отдельных её государствах // Вестник Европы. 1905. Кн. 6. С. 567–600.
29. *Берлин П.* Политические партии на Западе: их доктрины, организации, деятельность. СПб. : Дело, 1907. 268 с.
30. *Берендтс Э. Н.* О государстве: беседы с юнкерами Николаевского кавалерийского училища в 1906–1907 учебном году. Вып. 1. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 246 с.
31. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. Т. IV. Монархическая политика. М. : АО «Комплект», 1905. 317 с.
32. *Казанский П. Е.* Избирательные права граждан: (Публ. лекция, прочит. в Петербурге в янв. 1906 г.). Одесса : Тип. «Техник», 1910. 43 с.
33. *Башмаков А.* Органические недостатки нашей выборной системы. СПб. : Тип. СПб. градонач, 1907. 42 с.
34. *Соболев М. Н.* Экономические интересы и группировка политических партий в России. М. : Е. В. Кожевникова и Е. А. Коломийцева, 1906. 34 с.
35. *Чернышев И. В.* Всеобщее избирательное право: Теория и практика всеобщего избирательного права: Что может дать России всеобщее избирательное право. [Санкт-Петербург] : А. Е. Лосицкий, 1906. 180 с.
36. *Ленин В. И.* Итоги выборов // Полн. собр. соч. Т. 22. М. : Политиздат, 1968. С. 319–344.

37. Рыкачев А. Реальный базис и идеальные задачи политических партий. (О партийной борьбе и партийном разоружении) // Русская мысль. 1911. Декабрь. С. 34–53.
38. Раппопорт С. И. Письмо из Англии. Выборы и их результаты // Русская мысль. 1910. Март. С. 98–111.
39. Нежданов Д. В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра. Спб. : Питер, 2004. 160 с. ISBN 5-94723-692-3. EDN QOCGNX.
40. Панов П. В. Выборы в России: институциональная перспектива // Политические исследования. 2008. № 5. С. 99–112. EDN JUPXBV.
41. Ковалевский М. Кризис в конституциях // Вестник Европы. 1886. Кн. 5. С. 161–202.
42. Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских государств. СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. 540 с.
43. Кажанов О. А. Россияне на думских выборах: феномен электорального поведения в отечественной социально-политической аналитике начала XX века : монография. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. 258 с. ISBN 978-5-88018-565-8.

Сведения об авторе

О. А. Кажанов

кандидат философских наук, доцент,
доцент

AuthorID РИНЦ: [539614](#)

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.6](#)

PREHISTORY OF ELECTORAL SOCIOLOGY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: AN EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Oleg Aleksandrovich Kazhanov

Smolensk State University,
Smolensk, Russia,
kazhanov@bk.ru,

ORCID [0009-0008-1107-3391](#)

For citation: Kazhanov O. A. Prehistory of electoral sociology in pre-revolutionary Russia: an experience of interdisciplinary analysis. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2): 104–123. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.6](#).

Abstract. The article discusses the process of the emergence of socio-electoral research in pre-revolutionary Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. Using an interdisciplinary approach, the authors make an attempt to link the emergence of scientific interest in understanding the phenomenon of electoral behaviour with the study of the institution of elections in related scientific disciplines – jurisprudence and

political science. It is concluded that the practice of this kind of research led representatives of these sciences to formulate the problem of electoral choice, that was rather difficult to solve within the framework of traditional methodological directions. The appeal to sociological approaches of the theoretical and empirical levels made it possible to advance in the study of electoral issues and led researchers to the idea of separating its part into the area of special scientific research. The main stages of the formation of socio-electoral research are analysed: from the first attempts to study electoral behaviour in order to solve legal and political problems in the aspect of understanding the institution of elections to the emergence of the idea of creating a special sociological discipline, within which the phenomenon of electoral choice should be considered. The heuristic guesses of scientists of pre-revolutionary Russia are highlighted, that anticipated a number of research areas in the electoral sociology of the twentieth century. The methods of empirical electoral research, that were first tested in the practice of scientific and sociological work, are analysed. It is noted that neither the level of development of the institution of elections, nor the level of scientific methodology and methods of sociological research in pre-revolutionary Russia contributed to the formation of a special scientific discipline - electoral sociology, and subsequent political events in the country blocked this process for a long historical time.

Key words: domestic electoral sociology, prehistory of electoral sociology in pre-revolutionary Russia, interdisciplinary approach, development of electoral sociological research

REFERENCES

1. Medushevsky A. N. History of Russian sociology. Moscow: Vysshaja shkola; 1993. 316 p. (In Russ.). ISBN 5-06-002469-5.
2. Kazhanov O. A. Electoral sociology as a science in modern Russia: problems of formation. In: [Sociologist: education and professional trajectories: materials of the All-Russian Scientific Conference XV Kovalev Readings November 25–27, 2021. Ed.: N. G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov] Sociolog: obrazovanie i professional'nye traektorii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii HV Kovalevskie chtenija 25-27 nojabrja 2021 goda. St. Petersburg: Scythia-print; 2021. p. 144–146. (In Russ.). ISBN 98-5-00197-018-7.
3. Fedorov V. V. Russian choice: an introduction to the theory of electoral behavior. Moscow: Praxis; 2010. 383 p. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-79-9.
4. Blank R. “Universal suffrage” in France. Results of the first fiftieth anniversary (1848–1898). *Vestnik Evropy=Bulletin of Europe*. 1902;(5):154–182. (In Russ.).
5. Berlin P. The role of the village and the city in political life. *Obrazovanie=Education* 1907;(1):108–124. (In Russ.).
6. Milyukov P. Bulgarian Constitution. *Russkoe bogatstvo=Russian wealth*. 1904;(10):28–59. (In Russ.).
7. Kazhanov O. A. Socio-cultural method in the study of electoral behavior: retrospective analysis of domestic experience. *Nauchnyj dialog. Istoriya. Sociologiya. Etnografiya=Scientific dialogue. History. Sociology. Ethnography*. 2013;6(18):163–172.
8. Zheltov M. V. Institutions of electoral law and elections: social functions and role in the political structure of society: abstract of the dissertation. ... Doctor of Sociological Sciences: 23.00.02. Kemerovo : Kemerovskij gosuniversitet; 2005. 44 p. (In Russ.).

9. Savinkov Yu. N. Social factors of electoral behavior management in the region: abstract dis.... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.08. Orel: Orlovskaya akademiya gossluzhby; 2004. 27 p. (In Russ.).
10. Bushkovskaya E. A. The phenomenon of interdisciplinary studies in foreign studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Bulletin of Tomsk State University* 2010;(330):152–155. (In Russ.).
11. Schrader Gr. Municipal sketches. *Russkoe bogatstvo*=*Russian wealth* 1896;(11):138–143. (In Russ.).
12. Pobedonostsev K. P. Moscow collection. 5th edition, expanded. Moscow: Sinodal'ny`j tip; 1901. 366 p. (In Russ.).
13. Ostrogorsky M. Ya. Democracy and political parties. Moscow: “Russian Political Encyclopedia”; 1997. 640 p. (In Russ.). ISBN 5-86004-077-6.
14. Malinkin A. N. On interdisciplinarity in sociology in the light of the problematic nature of its disciplinary identity. *Sociologicheskij zhurnal*=*The Sociological journal*. 2019;25(4):105–122. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2019.25.4.6821](https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6821).
15. Podvintsev O. B. Psephology as a science of elections. *Polis. Politicheskie issledovaniya*=*Polis. Political studies*. 2005;(5):142–146. (In Russ.).
16. Burlatsky F. M., Galkin A. A. Modern Leviathan. Essays on the political sociology of capitalism. Moscow: My`sl; 1985. 384 p. (In Russ.).
17. Slonimsky L. People’s representation and legal order. *Vestnik Evropy*=*Bulletin of Europe*. 1905;(10):736–744. (In Russ.).
18. Gradovsky A. D. Politics, History and Administration. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavcza-tipografa M. O. Vol`fa; 1871. 526 p. (In Russ.).
19. Chicherin B. About the People’s Representation. Moscow: Tipografiya Gracheva I K; 1866. 552 p. (In Russ.).
20. Spassky E. N. Political parties of the West and their research in the Western political science tradition. *Politicheskaja jekspertiza: politeks*=*Political expertise: politex*. 2008;4(1):159–179. (In Russ.).
21. Ivanovskiy V. V. Textbook of State Law. Kazan’ : Tipo-lit. Imperatorskogo universiteta; 1908. 520 p. (In Russ.).
22. Novgorodtsev P. I. The crisis of modern legal consciousness. Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. KUshnerev i K.; 1909. 393 p. (In Russ.).
23. Golovin K. F. Outside the parties. The experience of political psychology. St. Petersburg: A. V. Suvorin; 1905. 319 p. (In Russ.).
24. Dzhivelegov A. From the history of electoral fraud. *Sovremennyj mir*=*Modern world* 1907;(3):168–182. (In Russ.).
25. Kotlyarevsky S. K. To the philosophy of electoral law. *Voprosy filosofii i psichologii*=*Questions of philosophy and psychology*. 1905;5(80):382–396. (In Russ.).
26. Korkunov N. M. Russian state law. Vol. 1. St. Petersburg; 1892. 402 p. (In Russ.).
27. Blumenfeld R. Compulsory voting. *Zhurnal Ministerstva justicii*=*Ministry of Justice Journal*. 1915;(9):111–148. (In Russ.).
28. Osipov I. Electoral law in the German Empire and in its individual states. *Vestnik Evropy*=*Bulletin of Europe*. 1905;(6):567–600. (In Russ.).
29. Berlin P. Political parties in the West: their doctrines, organizations, activities. St. Petersburg : Delo; 1907. 268 p. (In Russ.).
30. Berendts E. N. About the state: conversations with cadets of the Nikolaev Cavalry School in the 1906–1907 academic year. Is. 1. St. Petersburg; Tip. M. M. Stas-yulevicha; 1908. 246 p. (In Russ.).
31. Tikhomirov L. A. Monarchical statehood. Vol. IV. Monarchical politics. Moscow: AO “Komplekt”; 1905. 317 p. (In Russ.).

32. Kazansky P. E. Electoral rights of citizens: (Publ. lecture, proc. in St. Petersburg in January 1906). Odessa: Tipografiya "Texnik"; 1910. 43 p. (In Russ.).
33. Bashmakov A. Organic shortcomings of our electoral system. St. Petersburg: Tip. spb. gradonach; 1907. 42 p. (In Russ.).
34. Sobolev M. N. Economic interests and grouping of political parties in Russia. Moscow: U. V. Kozhevnikova i E. A. Kolomijceva; 1906. 34 p. (In Russ.).
35. Chernyshev I. V. Universal suffrage: Theory and practice of universal suffrage: What can give Russia universal suffrage? St. Petersburg : A. E. Losiczkiy; 1906. 180 p. (In Russ.).
36. Lenin V. I. Election results. In: Full sobr. Op. Vol. 22. Moscow: Politizdat; 1968. p. 319–344. (In Russ.).
37. Rykachev A. Real basis and ideal tasks of political parties. (On the party struggle and party disarmament.). *Russkaja mysl'*=*Russian thought*. 1911;(December):34–53. (In Russ.).
38. Rappoport S. I. Letter from England. Elections and their results. *Russkaja mysl'*=*Russian Thought*. 1910;(March):98–111. (In Russ.).
39. Nejdandov D. V. Political marketing: yesterday, today, tomorrow. St. Petersburg: Piter; 2004. 160 p. (In Russ.). ISBN 5-94723-692-3.
40. Panov P. Elections in Russia: institutional perspective. *Politicheskie issledovaniya*=*Political studies*. 2008;(5):99–112. (In Russ.).
41. Kovalevsky M. Crisis in constitutions. *Vestnik Evropy*=*Bulletin of Europe*. 1886;(5):161–202. (In Russ.).
42. Gradovsky A. D. State law of the most important European states. St. Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva; 1895. 540 p. (In Russ.).
43. Kazhanov O. A. Russians in the Duma elections: the phenomenon of electoral behavior in the domestic socio-political analytics of the early twentieth century: monograph. Smolensk: Izd-vo SmolGU; 2015. 258 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88018-565-8.

Information about the Author

O. A. Kazhanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor

ResearcherID: [HTN-7245-2023](https://orcid.org/0009-0001-7245-2023)

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 11.05.2023.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ВОЛОНТЁРСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анна Александровна Гречаная¹
Дмитрий Александрович Орлов²

^{1, 2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ njuta-gel@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-9430-8097](https://orcid.org/0000-0001-9430-8097)

² weno1997@bk.ru,

ORCID [0000-0001-6165-0654](https://orcid.org/0000-0001-6165-0654)

Для цитирования: Гречаная А. А., Орлов Д. А. Чрезвычайное волонтерство: современные проблемы и перспективы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 124–149. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.7). EDN LPWHZC.

Аннотация. В статье представлены результаты обзора исследований, проведенных в период с 2020 по 2022 гг. в области проблем чрезвычайного волонтерства. Целью обзора является определение актуальных направлений исследований, описание характеристик волонтеров-спасателей и особенностей работы добровольческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере общественной безопасности. Особое внимание было уделено применению новых цифровых и технических средств в работе волонтеров. Спасательное волонтерство является наиболее специализированным и требующим большого набора навыков направлением добровольческой деятельности, а также предполагает значительные риски для здоровья как физического, так и психологического. В связи с этим в заключении были определены основные барьеры для развития чрезвычайного волонтерства в России. Наиболее выраженной и часто поднимаемой темой остается проблема эффективного взаимодействия и грамотной коммуникации между добровольцами и сотрудниками государственных спасательных служб.

Ключевые слова: волонтерство, добровольцы, поисково-спасательное волонтерство, социальные и управленческие проблемы, цифровые технологии

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

Введение

Феномен волонтерства в социологической науке изучается со второй половины XX в. Исследовательский интерес к добровольческому движению носит не систематический, а скорее фрагментарный характер. Российскими и зарубежными учёными изучаются в частности и различные аспекты волонтерской деятельности. Причем внимание исследователей к данному явлению увеличивается вместе с ростом масштаба самого волонтерского движения во всем мире [1]. Одним из наиболее быстро развивающихся направлений волонтерского движения является чрезвычайное волонтерство (спасательное). Возросшее количество природных катастроф во всем мире и России и особенно пандемия COVID-19 стали мощными стимулами развития этого направления гражданской активности.

Участие добровольцев в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) – распространённая практика во всем мире, поддержка которой осуществляется и на государственном уровне. Так, во Франции, Великобритании и Германии добровольцы составляют большую часть сил, привлекаемых для ликвидации последствий ЧС. В городах Канады спасательные подразделения включают как профессионалов, так и добровольцев. Добровольные пожарные группы проходят специальное обучение, имеют стандартное оборудование и управляются непосредственно местными или региональными властями. В Италии добровольцам гражданской защиты предоставляется отпуск на срок до 30 дней для участия в ликвидации ЧС [2].

В России волонтерство является важной частью жизни и развития общества, в том числе и в вопросах ликвидации последствий ЧС. Волонтерские организации сотрудничают с МВД и Следственным комитетом в рамках поисковой деятельности, а также с МЧС в области защиты населения и территорий от ЧС, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах [3]. Необходимость развития спасательного волонтерства в РФ обусловлено участвовавшими природными катастрофами (по данным МЧС, рост числа ЧС в России связан в первую очередь с паводками и с лесными пожарами) и признанием официальными службами факта повышения эффективности поисково-спасательных операций за счет участия в них волонтеров. С точки зрения МЧС одной из приоритетных считается задача увеличения количества граждан, занимающихся добровольческой деятельностью или вовлечённых в работу добровольческих организаций, осуществляющих деятельность в области защиты населения и территорий от ЧС, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

Исследования чрезвычайного волонтерства в отечественной социологии появились не более 15 лет назад и остаются довольно редкими. Наиболее значительный вклад в изучение социологического аспекта этого феномена был сделан в рамках целевого исследовательского проекта «Волонтерство в ЧС как ответ на природные и техногенные вызовы в России», осуществлённого сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН, в рамках которого выявлено значительное количество социальных и демографических особенностей волонтеров-спасателей [4].

В то время как в целом типичными представителями волонтерской деятельности являются студенты преимущественно женского пола, не имеющие постоянной занятости и собственной семьи, чрезвычайные волонтеры в большинстве случаев это люди 30–49 лет, работающие в промышленной, строительной или IT сферах, с доходом выше среднего. Распределение среди волонтеров по полу схоже по структуре с соотношением мужчин и женщин в стране в целом – 44% мужчин и 56% женщин. Зачастую волонтеры-спасатели имеют детей и состоят в браке. Также можно отметить отличия мотивов и ценностных ориентаций волонтеров чрезвычайного направления [5]. Такие особенности обусловлены повышенной опасностью и строгой формализованностью спасательной деятельности, а также необходимостью материальных вложений в оборудование и обучение для эффективной работы.

При этом волонтерство в ЧС как предмет исследования не остаётся в границах социологического знания – перспективы его изучения гораздо шире: психология, право, педагогика, информатика, инженерия – учёные самых разных профилей признают актуальность исследования данного направления волонтерской деятельности. Тем не менее имеющийся разрозненный и несистематизированный массив исследований в разных науках не даёт целостного представления о чрезвычайном волонтерстве и не позволяет оценить существующие пробелы в знании о нём, а также выявить проблемы, с которыми сталкиваются волонтеры этого направления. Эти существенные пробелы в социологическом знании обусловили необходимость осуществления целевого обзорного анализа современных исследований постковидного периода (2020–2022 гг.), посвящённых спасательному волонтерству.

Дополнительно следует отметить, что в России сложилась уникальная специфика деятельности чрезвычайного волонтерства, обусловленная совокупностью ряда факторов: огромная площадь некартографированных участков местности, что затрудняет проведение спасательных работ; преобладание лесистой местности при низкой природоохранной культуре населения и, как следствие, частое возникновение неконтролируемых пожаров; большинство ЧС развивается в природной, а не город-

ской среде, не подверженной сейсмической активности; возникновение и развитие чрезвычайного волонтерства как стихийного гражданского участия (не более чем 15 лет назад), начинающего обретать поддержку государства через механизмы взаимодействия с профессиональными спасательными службами, а также финансовую (грантовую) и организационную помощь. В западных странах данное направление волонтерства привлекает интерес исследователей примерно с середины XX в., поэтому справедливо сказать об уже сформированном корпусе исследований и подходов с учетом местной специфики. В России же эта область исследований только зарождается. В связи с этим при разработке методологии и методов осуществления аналитического обзора было принято решение сосредоточиться на работах отечественных исследователей.

Наш обзор мы относим к типу *обзора предметного поля (scoping review)*. На «выходе» такой обзор дает возможность «не только определить границы конкретного проблемного поля и выявить тенденции в его исследовании, но и локализовать пробелы в существующем знании в его рамках» [6 с. 137].

Методология и методы

Обзор осуществлён на базе анализа результатов отечественных научных исследований за 2020–2022 гг., посвящённых изучению чрезвычайного волонтерства. Источниками данных выступили электронные научные библиотеки «Elibrary.ru», «КиберЛенинка», «ResearchGate», а также поисковая система по научным публикациям «Google scholar». Авторы не устанавливали ограничений по научным дисциплинам при поиске исследований, поскольку целью было определение тех аспектов феномена чрезвычайного волонтерства, которые в настоящее время изучаются и привлекают внимание исследователей. Такой подход позволяет выделить большую часть наиболее актуальных проблем развития данного направления.

Отбор публикаций производился авторами вручную, никакие инструменты автоматического сбора данных не были задействованы. Выбор публикаций осуществлялся по следующим ключевым словосочетаниям: «Волонтеры ЧС», «Волонтерство в ЧС», «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях», «Волонтеры в чрезвычайных ситуациях», «Поисково-спасательное волонтерство», «Поисково-спасательная деятельность», «Поисково-спасательная работа», «Спасательное волонтерство», «Пожарное волонтерство».

Критериями отбора публикаций выступили:

Научный характер публикаций. В анализ включались статьи, включенные в базу РИНЦ, а также материалы из сборников по итогам кон-

ференций и научно-практических семинаров. Статьи, репортажи и заметки информационных агентств, материалы интервью и другие научно-популярные материалы в ходе анализа не рассматривались.

Соответствие выходных данных публикации заданному периоду. В выборку вошли работы, опубликованные не ранее 2020 г. При этом допускалось, чтобы само исследование, результаты которого описаны в публикации, было проведено раньше.

Соответствие источника заявленной проблематике. Особое внимание уделялось содержанию публикации, поскольку результаты поиска содержали в себе большое количество работ, посвящённых волонтерству в целом, либо другим его направлениям, а не проблематике волонтерства в ЧС.

Выборка публикаций формировалась в два этапа: сначала первый исследователь проходил полный путь поиска, соблюдая все критерии отбора, затем второй исследователь полностью повторял путь первого с целью не допустить потери данных. В результате было отобрано 82 публикации. В первую очередь публикации были разделены на тематические группы: социологические и социально-психологические аспекты изучения чрезвычайного волонтерства; проблемы взаимодействия волонтеров с государственными спасательными службами; несовершенство правовой системы и законодательного регулирования чрезвычайного волонтерства; особенности образовательной подготовки волонтеров для участия в спасательной деятельности; роль новейших технических и цифровых технологий в процессе ликвидации ЧС.

На следующем этапе каждый из авторов анализировал полный текст публикации для оценки её актуальности, новизны и характера рассматриваемых проблем. В результате в обзор были включены 46 публикаций. Выделение смысловых блоков, группировка результатов исследований и их описание проводились авторами совместно для минимизации роли субъективной оценки и повышения качества анализа.

Результаты

В результате проведённого анализа были выделены три тематических кластера, в рамках которых исследователи рассматривают различные аспекты феномена чрезвычайного волонтерства. Первый составили исследования ценностей и мотиваций волонтеров, участвующих в ликвидации ЧС и поисковой деятельности. Во второй кластер вошли работы, посвящённые анализу взаимодействия волонтеров с официальными спасательными службами. Исследования данного кластера можно дополнительно разделить на три подгруппы: коммуникативные, правовые и образовательные – в зависимости от рассматриваемого аспекта взаимо-

действия. Третий кластер связан с технико-технологическими трансформациями, затронувшими деятельность чрезвычайного волонтерства. Его составили две подгруппы: исследования цифровизации волонтерского движения и внедрение инновационных технических средств. Особенностью данного блока стал анализ зарубежного опыта исследований и разработок, проведенный с целью демонстрации прогресса отечественных технологий. Выполненный обзор позволил описать специфику деятельности волонтерского движения спасательного направления и сформулировать ряд нерешенных в настоящее время проблем, препятствующих развитию актуального и востребованного в России гражданского движения – чрезвычайного волонтерства.

Обсуждение результатов

Ценности и мотивации волонтеров, работающих в условиях ЧС. Ценности волонтеров, задействованных в ЧС, отличаются от ценностей обычных волонтеров (Н. С. Воронина, А. А. Гречаная). У первых преобладает стремление к ощущению новизны, для них не характерны ценности гедонизма, достижения и традиций. При этом у волонтеров ЧС ценности универсализма, благожелательности и самостоятельности выражены не так сильно, как у волонтеров других направлений. В целом волонтеров ЧС можно описать как стремящихся выйти за рамки своего «Я» [12]¹.

П. В. Чипурная и Е. А. Кузнецова в исследовании 2021 г., посвященном ценностям волонтеров поисково-спасательных отрядов, отметили, что ценности профессиональных спасателей отличаются от ценностей поисково-спасательных волонтеров. Основными ценностями для волонтеров-спасателей являются самостоятельность (как мыслительная, так и выраженная в действии), благожелательность и забота об окружающих. У профессиональных спасателей благожелательность и забота об окружающих также стоит на первом месте, что говорит об общей природе их деятельности, выраженной в разных формах. При этом для профессионалов их репутация, конформизм и скромность гораздо важнее, чем для волонтеров. Для последних преобладающее значение имеют эмоциональная вовлеченность, желание помогать людям и приносить пользу обществу, а также ценность общения и принадлежности к коллективу. Авторы подчеркивают, что участие в поисково-спасательной деятельности – осознанное решение добровольцев, а их ценности устойчивы к внешним обстоятельствам [45].

Если говорить о мотивации волонтеров в целом, то стоит рассмотреть результаты исследования, проведенного в 2020–2021 гг. А. В. Меренковым

¹ Здесь и далее в квадратных скобках и курсивом указывается номер источника из Библиографического списка публикаций, на основе анализа которых выполнена обзорная статья.

и П. А. Хоровой. На основе данных 18 глубинных интервью и опроса 378 волонтеров из 25 субъектов РФ были сделаны следующие выводы: наиболее популярным направлением является событийное и культурное волонтерство, связанное с проведением мероприятий и праздников; волонтерство в сфере общественной безопасности оказалось одним из наименее привлекательных направлений, как и волонтерство в сфере гражданско-патриотического воспитания. В качестве мотиваций были выделены: стремление к безвозмездной помощи тем, кто оказался в сложной ситуации (отметили порядка 50% опрошенных), выполнение важной для общества работы (32%), желание помочь конкретным людям (14%), помощь в охране природы (10%). Помимо альтруистических ценностей, 23% опрошенных заниматься волонтерством мотивирует профессиональный рост и полезные контакты, порядка 13% стремятся реализовать свои умения, способности и знания. Данные позволяют считать, что перечисленные мотивы достаточно сильны, поскольку почти 80% опрошенных утверждают, что точно готовы продолжать добровольческую деятельность дальше [29].

А. А. Рогачева и О. В. Ковальчук в 2021 г. провели опрос, объектом которого стали участники поисково-спасательной группы «Лиза Алерт» (опрошено 100 человек). Результаты показали, что для волонтеров преимуществом участия в добровольческой деятельности являются возможность спасать людей (45%), интересные знакомства (22%), возможность раскрыться и проявить себя по-новому (11%), принадлежность к организации (8%), полезные контакты (5%) и борьба с одиночеством (5%). Наибольшую мотивацию для волонтеров в сфере общественной безопасности дают сильные эмоции при спасении жизни человеку. Однако, как и в других исследованиях, авторами отмечается, что волонтерство в данной сфере остаётся одним из менее развитых направлений [34].

О том, что в основе мотивации волонтеров-спасателей лежит желание помогать людям, также писала Н. С. Воронина. На основе анализа данных 45 интервью волонтеров, работающих в условиях ЧС, она выделила пять типов мотивации: альтруистический (потребность помогать людям и делать мир лучше), защитный (уход от личных проблем), личностный (самореализация и саморазвитие), социальный (потребность в одобрении и причастности к группе единомышленников), карьерный (желание стать спасателем). Наибольшее значение имеют личностные мотивы, а наименее значимы – карьерные [11].

Наличие и степень мотивации – важный фактор для продолжения работы волонтером, тем не менее её одной недостаточно. Выводы исследования Н. А. Фроловой обосновывают необходимость полноценной психологической подготовки, упражнений и тренингов, имитирующих критическую ситуацию. Опрос 432 волонтеров-спасателей методом

онлайн-анкетирования продемонстрировал связь (T-test) между участием в ликвидации ЧС (стихийных бедствий) и наличием психических расстройств ($p=0.05$), что позже выразалось в том, что каждый новый опыт работы в ЧС вызывал посттравматические синдромы у волонтеров в 85% случаев. Также автор ссылается на практику обязательной психологической подготовки в США – курсы «HAZWOPER» с тремя уровнями подготовки, каждый из которых нужно повторять ежегодно, а возможность перейти на новый уровень подтверждается аттестацией [41].

Г. В. Талалаева подчеркивает, что при длительном кризисе в общественной жизни, как, например, период пандемии COVID-19, экстремальное волонтерство может проявить деструктивные черты в поведении молодежи. Контакт с людьми, пострадавшими в ЧС, может вызвать у молодых волонтеров культурный шок, посттравматическое стрессовое расстройство, синдром выгорания или аномии и развитие рентных форм поведения в социуме [38].

О. С. Маторина и её коллеги отметили, что формирование волонтерских групп для участия в ликвидации ЧС должно производиться с учётом психологических особенностей добровольцев. Для этого рекомендуется проводить специальное тестирование, в которое должен входить анализ личностных особенностей, включая темперамент. Это необходимо не только для предотвращения психологических срывов, но и для повышения эффективности работы команды, путём грамотного подбора её членов и наставников [28].

Взаимодействие волонтеров-спасателей с государственными спасательными службами. В. А. Воронов пишет о необходимости применения социальных технологий для повышения эффективности волонтерской деятельности в условиях чрезвычайности. Автор выделяет важность грамотной организации такой деятельности. На основе анализа данных социологических исследований предлагается использовать следующее: кадровые технологии волонтерства, технологии корпоративного волонтерства, информационного воздействия, социального партнерства, социальный аудит, социальное проектирование, технологии цифрового волонтерства и краудсорсинг [13].

В ряде других исследований (А. Ю. Тараканов, И. В. Багажков, В. П. Гаврюшенко, Н. А. Сафронов) подчеркивается необходимость слаженной координации действий волонтеров и профессиональных спасателей для эффективного использования человеческих ресурсов во время работы с последствиями ЧС [39; 2; 16]. Проблемы и последующие риски, возникающие в процессе взаимодействия добровольцев с профессионалами, зачастую становятся причиной отказа спасательных служб от сотрудничества с гражданскими лицами, несмотря на ряд важнейших преиму-

ществ, которые может дать такая совместная деятельность, например, освобождение специалистов от работы с населением, подготовительные и уборочные мероприятия. Кроме того, волонтеры как представители местного сообщества могут обладать ценными социально-культурными и географическими знаниями [35]. При этом привлечение НКО к деятельности в области защиты населения и территорий от ЧС является одной из задач государственной политики в данной области.

В. П. Гаврюшенко, Н. В. Перегудова, Д. Ю. Тараканов также отмечают нежелание волонтерских организаций и отдельных групп добровольцев плотно сотрудничать с представителями МЧС, что подразумевает под собой отказы от выполнения приказов и самостоятельную деятельность в критически-сложных условиях [16]. Подобное поведение влечёт риски для жизни и здоровья самих волонтеров. Специалистами выделяются следующие типы потенциальных травм [15]: механические, электрические, термические, климатические, барометрические (утопление), химические, фиброгенные (микрочастицы), биологические и многие другие (в целом более 25 групп потенциальных опасностей).

А. А. Ценарева замечает, что подобные разногласия также могут приводить к неэффективности волонтерских групп в целом, отсутствие или недостаточная обеспеченность необходимым снаряжением и инструкциями о поведении в ЧС значительно сокращают пользу от участия добровольческих групп [44]. Специалистами (А. Ю. Тараканов, В. П. Гаврюшенко) выделяются следующие требования для любого волонтера, задействованного в ЧС: обязательная регистрация, знание рабочей зоны, наличие зоны сбора и отдыха, обеспечение инструментами, доступ к медицинской помощи и пройденный инструктаж [39, 16].

Выявленные проблемы решаются на уровне законодательства, которое в силу обширности волонтерской деятельности само становится предметом для изучения (О. Д. Ратникова). В 2020 г. МЧС России был разработан комплекс нормативно-правовых и организационно-методических документов для регулирования деятельности добровольческих организаций на всех её этапах [33]. Тем не менее Т. Е. Холодкова указывает на несовершенство законодательной базы, например, поднимается проблема отсутствия гарантии страхования жизни волонтеров, работающих в условиях ЧС [43]. Ю. В. Уханова, К. Е. Косыгина и Е. Г. Леонидова также в качестве правовых барьеров для развития волонтерской деятельности выделяют отсутствие простого и понятного механизма взаимодействия добровольцев с официальными спасательными службами, отсутствие налоговых льгот при оплате проезда и питания волонтеров, ограничения для НКО в доступе к помещениям и материально-техническим средствам, ограничения для участия волонтеров в региональных конкурсах субсидий для СОНКО,

низкий уровень информированности населения о возможностях участия в добровольческой деятельности, рассогласованность между различными уровнями власти в вопросах поддержки волонтерства, отсутствие регламентированных стандартов регулирования и поддержки волонтерской деятельности в муниципальных образованиях [40].

Гаврюшенко В. П. называет одним из путей решения проблем коммуникации МЧС с добровольческими организациями реализацию подготовительных образовательных программ для волонтеров. Требования к ним следующие: измеримость оценки знания, прикладной характер, применимость знаний на практике. Цель программ: помощь в профессиональном росте, приобретение нового опыта, расширение круга возможных для выполнения задач [14].

К методам обучения волонтеров В. Н. Брешина, И. В. Каторгина, Е. Е. Архипова и М. Г. Завидская относят целый спектр мероприятий: лекции, учебно-тренировочные мероприятия, соревнования, тренинги и слёты добровольцев, которые проводятся с участием органов МЧС России, МВД России, центров медицины катастроф, спасательных служб. В результате волонтеры получают аттестаты о пройденной подготовке. Данная система позволяет официальным органам объективнее оценивать уровень подготовки волонтера и вести базу добровольцев, что в свою очередь повышает качество и скорость отбора волонтеров для привлечения их к участию в поисково-спасательных мероприятиях или к работе по ликвидации последствий ЧС [7]. Важно понимать, что обучение может проходить и в игровой форме, особенно, если речь идет о молодежных организациях, тем не менее важно сохранять и системность обучения. В качестве одного из наиболее эффективных методов системного обучения В. В. Харин, О. В. Стрельцов, О. С. Маторина, О. Г. Меретукова и Е. Ю. Удавцова называют интеграцию института наставничества [27; 42]. Выделяется 7 видов наставничества:

Традиционное – в роли наставника сверстник, обладающий большим опытом. Его задача мотивировать подопечного к профессиональному развитию.

Партнерское – в роли наставника сверстник, обладающий большим опытом. Его задача – мотивационно-моральная поддержка подопечного.

Групповое – более опытная группа, поддерживает менее опытную группу волонтеров. Данный вид коммуникации помогает создать специфический микроклимат в обеих группах, способствующий вовлечению в рабочий процесс и росту профессионального интереса.

Flash-наставничество – разовые встречи с более опытными волонтерами, которые позволяют концентрированно поделиться опытом, навыками и знаниями.

Скоростное – создание сети коммуникаций между волонтерами, обладающими разным опытом, на основе общих интересов. Очень важна площадка для встреч, которая позволит максимально быстро выстроить социальные связи.

Реверсивное – наставником становится более молодой и менее опытный волонтер, его задача заключается в инновационном просвещении старшего. Взамен молодой наставник может получить не менее важные знания традиционного характера, подкрепленные опытом.

Виртуальное – онлайн-формат встреч с более опытными специалистами с целью получить ответы на возникшие вопросы. При этом за молодым волонтером не закреплен определенный наставник, система работает как быстрая онлайн-поддержка.

Тем не менее другие исследователи, например, Г. В. Талалаева, полагают, что даже предварительная подготовка добровольцев для участия в спасательной деятельности не может сделать поведение волонтеров, участвующих в ЧС, управляемым. А на основе социологического опроса участников II Всероссийского образовательного форума для волонтеров «Мы – будущее МЧС России» автором был сделан вывод о нецелесообразности применения подобного рода мероприятий для подготовки волонтеров к работе в условиях ЧС [38].

Роль технологического и цифрового прогресса в развитии чрезвычайного волонтерства. Предотвращение и ликвидация последствий ЧС и поисково-спасательные операции – сложный по своей структуре процесс, требующий грамотной координации и эффективного управления. И как любой сложно управляемый процесс, чрезвычайное волонтерство нуждается в максимальной оптимизации, в том числе за счет технологизации и цифровизации. Спасательные группы используют БПЛА (беспилотные летательные аппараты), дроны, специализированные инфракрасные и тепловизионные камеры. Параллельно появляются цифровые разработки разной степени сложности: от программ, упрощающих генерацию поисковых анкет, до систем поискового искусственного интеллекта и тренировочных симуляторов катастроф.

Поскольку сейчас в России становится актуальной политика импортозамещения, мы считаем необходимым описать не только российские разработки в области цифровизации и технологизации волонтерства, но и зарубежные, что позволит оценить нынешний уровень российских разработок и понять, какие инновации могут быть актуальны для внедрения в российскую практику.

Одним из наиболее популярных способов применения новых технологий в области спасательных работ стало внедрение всевозможных БПЛА, в том числе дронов. Данное направление постоянно развивается с начала

2000-х гг., когда беспилотники постепенно начали выполнять не только военные, но и гуманитарные и гражданские функции. Актуальность применения подобной технологии для волонтеров, работающих в условиях ЧС, заключается в широком спектре возможностей их использования:

Экономия ресурсов. В данном обзоре уже не раз поднимался вопрос ресурсного обеспечения волонтерства. Борьба с ЧС – дорогой и сложно реализуемый процесс, а БПЛА частично решают данную проблему (Л. А. Головина, А. С. Гордиенко, И. М. Ламков). Современные летательные аппараты способны непрерывно находиться в воздухе более часа и при этом развивать скорость до 50–70 километров в час, а возможность устанавливать на БПЛА любительские и полупрофессиональные видеокамеры позволяет при стандартной высоте полета в 50 метров опознавать предметы размером 11–13 сантиметров. Также стоит упомянуть про возможность взлетать и садиться в местах, не доступных поисковым вертолетам [17].

Получение достоверной информации. Оперативное получение фото- и видеоинформации по сравнению с пешей поисково-спасательной работой позволяет быстрее принимать решения координаторам поисковой операции, грамотно и эффективно распределять силы поисковой группы (К. В. Корнилов, А. Н. Бочкарев), [25].

Переноска грузов. Помимо камеры многие аппараты способны нести на себе груз до 5 килограмм. Данная функция необходима в случаях, когда доставка другим способом не представляется возможной или груз нужно передать в кратчайшие сроки. Например, при обнаружении потерявшегося человека, когда ему срочно требуются медикаменты и питание (И. Л. Пчелин, Е. А. Нартов), [32].

Тем не менее у БПЛА есть и свои минусы. К. И. Ахметова отмечает, что опыт использования летательных аппаратов отрядом «Лиза Алерт» демонстрирует, что заряда одного аккумулятора хватает на 30–45 минут полета, что вынуждает строить более короткие маршруты. Также стоит отметить, что перед запуском необходимо получать разрешение на взлёт от властей, что негативно отражается на темпах работы волонтеров в силу бюрократических процедур. Ещё одним недостатком беспилотников можно считать большие объёмы собранной информации, которую приходится обрабатывать. Под конец рабочей смены волонтеры получают около 2,5 тысяч фотографий местности, на которых необходимо искать потерявшегося человека. Это серьезно замедляет процесс поиска, поскольку требует больших временных затрат [1].

Для решения вышеописанных проблем волонтеры используют цифровые технологии и искусственный интеллект (далее – ИИ). Например, «Лиза Алерт» используют совместную разработку с Билайн «Beeline AI – Поиск людей». Нейронная сеть способна определять на снимках сле-

ды присутствия человека (части тела, сумки, ботинки, остатки костра), и самостоятельно отфильтровывать ненужные (пустые) кадры. Точность алгоритма составляет 98%, волонтерам остаётся лишь проверить оставшиеся снимки, на которых ИИ что-то обнаружил [1].

Параллельно с Россией технология использования БПЛА в ЧС развивается во всём мире. Отличия в основном заключаются в условиях самих ЧС в зависимости от специфики разных стран. Если в России самые частые природные катастрофы – это пожары и, реже, наводнения, то в других странах мира специфика технологических разработок может быть полностью направлена на условия землетрясения, цунами или ураганов, а сами ЧС могут чаще разворачиваться в городской среде, а не в лесистой местности.

Приступая к описанию зарубежного опыта, мы решили начать с белорусских публикаций в связи со схожестью экологической обстановки и государственных структур по обеспечению внутренней безопасности при ЧС. Доля технических средств, применяемых при поисково-спасательных работах в Беларуси, ежегодно увеличивается: в 2019 г. численность техники выросла в два раза по сравнению с предыдущим годом (К. А. Середа, О. Д. Навроцкий). Поскольку ЧС, как правило, происходят в лесах, развивается и направление БПЛА (в белорусских публикациях – БЛА). Ранее мы уже обозначали проблему обнаружения следов человека в лесу на материалах, собранных дроном. Если в России на помощь сейчас приходит ИИ, то в Беларуси – тепловизионные камеры. Это дорогая технология (от 3 до 12 тысяч долларов), но в совокупности с БПЛА позволяет сильно сэкономить время и силы. Тепловизионные камеры существуют двух типов: ручные портативные (тепловизоры, бинокли, прицелы, монокуляры) и устанавливаемые на БПЛА, однако второй тип используется редко в силу своей недоработанности (проблемы с кроной деревьев, высокая стоимость, повышенные требования к пилоту) [37].

Для поиска пострадавших в городской среде инженеры из Японии разработали робота-континуума (червя), способного быстро продвигаться между завалами и обломками и обнаруживать пострадавших за счёт наличия множества специализированных датчиков (микрофоны, лидары, динамики). Ю. Ямаути, Ю. Амбе, Х. Нагано и др. пишут об успешных испытаниях данной модели в искусственно смоделированной ситуации, аналогичной аварии на АЭС «Фукусима» и планируют дальнейшее развитие прототипа [48].

Помимо городской среды или лесного массива, поисково-спасательные мероприятия проводятся также в горной местности, в пещерах и ущельях. Имеются сведения о совместной разработке Б. Линдквиста, К. Канеллакиса и С. С. Мансури инженеров из США и Швеции, получив-

шей наименование «роевые дроны». Это специальная технология «Micro Aerial Vehicles» (MAVs), позволяющая объединять группы легковесных БПЛА с целью 3D-моделирования области поиска в пещерах (картографирования) за счёт генерации облака точек. Внедрение подобной технологии позволяет решить целый ряд проблем обследования строения пещер перед поисками, а также заранее смоделировать карты обнаруженных ущелий [47].

Еще одна проблема, с которой сталкиваются волонтеры, – сложность информирования общества о возможностях гражданского участия. Дефицит кадров в волонтерской сфере существует всегда, особенно среди добровольцев, готовых участвовать в ликвидации ЧС. Данная проблема решается за счёт интеграции цифровых технологий в процесс привлечения добровольцев.

В 2020 г. И. А. Малый, В. В. Булгаков, И. Ю. Шарabanова и О. И. Орлов провели в России большое исследование, посвящённое проектированию мобильного приложения со следующими функциями: получение оповещений о ЧС; вызов экстренных служб; карта расположения экстренных служб; возможность волонтерам регистрироваться на ЧС; возможность вызывать волонтеров; образовательный раздел на случай ЧС, включающий игровую форму повествования. В ходе исследования были проанализированы зарубежные аналоги, доступные на сервисе «Google Play», и сделана попытка создать мобильное приложение «Предотвращение, спасение, помощь» с учётом российской специфики [26].

В Беларуси мобильные технологии также используются волонтерами, участвующими в поисково-спасательных работах. Программа ПСО «Симуран» ускоряет генерацию поисковых анкет (ориентировок) с информацией о пропавшем человеке, что даёт возможность быстрее уведомить общественность о ЧС.

Если цифровые решения в области информирования НКО о возникновении ЧС сейчас разрабатываются, то на этапе, когда волонтерские организации должны проинформировать общественность и призвать волонтеров, остаётся множество нерешённых проблем. Г. Г. Бахматова и А. Е. Хроменкова выделяют различные способы информирования общества о произошедшей ЧС: сайты волонтерских организаций, личные и групповые страницы волонтеров в социальных сетях, группы в мессенджерах, публикации в СМИ, телефоны горячих линий фондов, мобильные приложения, страницы на сайтах-агрегаторах благотворительных фондов [3].

На основе вышеупомянутого исследования были обоснованы рекомендации по повышению качества информирования общественности о возникающих проблемах и эффективности работы по привлечению людей в волонтерские организации [3]:

Необходимо иметь среди кадров фонда SMM-специалиста и специалиста по PR-деятельности. В большинстве организаций подобная работа ложится на плечи рядовых волонтеров, которые не обладают ни специальными навыками, ни знаниями для осуществления такой деятельности. При этом именно грамотная работа SMM и PR отдела обеспечивает узнаваемость фонда и доверие к нему со стороны общества и потенциальных волонтеров.

Требуется наличие специалиста, отвечающего за публичную базу волонтеров. Многие НКО публикуют список руководителей фонда, работников, которые получают заработную плату, но при этом личности волонтеров, как правило, недоступны. Это снижает привлекательность работы и доверие к фондам и, как следствие, вероятность вступления в организацию новых участников.

Имеется потребность в разработке стратегии развития НКО и, в том числе, каналов социальной коммуникации таких организаций. Её наличие позволяет не только чётко определять цели работы, но и, соответственно транслировать, делать доступными для общества. Стратегия также подразумевает точные формулировки задач, которые предстоит решать волонтерам, и позволяет оценивать эффективность работы, а, следовательно, быстрее справляться с возникающими проблемами.

Целесообразно ввести разработку онлайн-анкет для новых волонтеров. Большинство фондов предлагают позвонить им на горячую линию или оставить волонтерам свою почту, некоторые размещают на сайте форму заявки или ссылку на анкету в Google Forms. Существуют ресурсы профессионального анкетного отбора волонтеров по разным направлениям. Такой вариант отбора позволяет организации ещё на первом этапе найти именно те кадры, дефицит которых испытывает фонд.

Ввести омниканальный подход к информированию. Важно разработать такую систему, которая бы охватывала несколько каналов информирования, чтобы при отсутствии у волонтера или потенциального волонтера доступа к одному каналу связи не терялась информация. Например: волонтер подписан на группу в мессенджере, а информация о регистрации на участие в поисково-спасательной операции предоставляется через e-mail-рассылку новостей сайта.

Значительное влияние на развитие цифровизации среди волонтерских организаций, занятых в реагировании на ЧС, оказала пандемия COVID-19. Являясь ЧС мирового уровня, эпидемия нарушила работу множества социальных процессов, обнажив недостатки сложившейся системы, в том числе и внутри волонтерского сообщества. Одной из сложнейших проблем, которую необходимо было решать, стала реализация волонтерской деятельности в условиях масштабного карантина.

О. А. Башева и П. О. Ермолаева показали, что если ранее цифровые технологии использовались для сбора пожертвований, рекрутинга волонтеров и информирования общественности, то под влиянием пандемии ситуация изменилась [5].

Анализируя развитие цифрового волонтерства за рубежом в период эпидемии COVID-19, можно заметить, что в разных странах по всему миру были введены новые цифровые решения для оптимизации волонтерской деятельности (Ю. В. Ермолаева, А. А. Гречаная, О. А. Башева). В Кении волонтерами была создана обучающая платформа Amref для повышения квалификации медицинских работников. Во Франции крупнейшие медицинские и волонтерские фонды объединились в Facebook¹, чтобы контролировать процедуру изоляции. В частности, за счёт договорённости с иностранными фондами внутри Франции, данное решение позволило взять под контроль соблюдение ограничений в среде мигрантов. Также были созданы сайты, на которых можно было получить продукты питания и товары первой необходимости, а медицинские работники получили возможность попросить помощи в уходе за детьми. В Сербии волонтеры организовали «онлайн-кофе», такая практика помогла людям, находящимся в кризисном состоянии, получать консультации и общаться. В Латвии программисты провели хакатон (форум, на котором специалисты за отведённое время решают поставленные проблемы в области IT) для поиска цифровых и технологических решений борьбы с COVID-19. В Китае наблюдался рост цифрового активизма, большая часть мер борьбы с распространением вируса была реализована через «WeChat» – социальную сеть, обладающую самым обширным функционалом в мире, в том числе внутренней платформой для набора, формирования, организации и локализации волонтеров. В России развивались платформы DOBRO.RU и движение #МЫВМЕСТЕ, в целом, стоит отметить роль хештегов в распространении информации, связанной с борьбой с эпидемией [21].

Невозможность собираться большими группами позволила развиваться онлайн-образованию в области подготовки чрезвычайных волонтеров и онлайн-коммуникации в целом, что в свою очередь сподвигло сообщества волонтеров к налаживанию связей со специалистами из IT-области. Тем не менее необходимо понимать, что пандемия дала толчок только в направлении цифровизации теоретического обучения волонтеров (О. А. Башева, П. О. Ермолаева). Ранее мы уже описывали насколько большую роль в чрезвычайном волонтерстве играет подготовительная практика, сборы, тренинги, в том числе и физические тренировки. Всё это оказалось невозможным в условиях изоляции, однако необходимо

¹ Соцсеть признана в России экстремистской.

высоко оценить степень адаптивности волонтерского сообщества к той ЧС, которая коснулась его непосредственно [5].

Поскольку активная практика волонтерства в ЧС была приостановлена в период карантина, на новый уровень вышло цифровое волонтерство в области ЧС, которое заключалось в сборе и анализе обширных потоков данных, связанных с чрезвычайными происшествиями, их систематизации, а также создании и развитии новых цифровых проектов, компьютерных программ, мобильных приложений, целью которых стало ускорение работы волонтерских сообществ, содействие силам МЧС (О. А. Башева, П. О. Ермолаева). [4].

Заключение

Обзор исследований волонтерской деятельности в сфере общественной безопасности позволил нам выделить основные проблемы и препятствия для развития данного направления добровольческой деятельности.

В первую очередь отметим, что на данный момент нет единых правил подготовки волонтеров к спасательной деятельности, что влечёт за собой целый ряд негативных последствий: физические и психологические травмы у волонтеров, их неэффективные или наносящие вред действия во время ЧС, отсутствие желания у профессиональных спасателей привлекать добровольцев к ликвидации ЧС. Особого внимания заслуживает психологическая подготовка: зарубежный опыт показывает (США), что она требуется даже волонтерам с большим опытом.

Отсутствует налаженная коммуникация между добровольцами и сотрудниками МЧС. В ряде статей, которые были нами рассмотрены, приводятся примеры поисково-спасательных мероприятий, в ходе которых у МЧС не получалось руководить деятельностью волонтеров в условиях последствий стихийного бедствия. Эту проблему хотя бы частично можно решить именно за счёт обучающих аттестационных программ подготовки. Однако возникает вопрос: достаточно ли сейчас волонтеров, чтобы допускать до участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций только аттестованных?

Ответом на него становится следующая проблема. И. А. Зайцева, А. А. Рогачева, О. В. Ковальчук, М. Н. Кичерова, В. М. Сурнина, А. В. Меренков, П. А. Хорова отмечают, что спасательное волонтерство является одним из наименее (5–7% от общего числа волонтеров) привлекательных направлений волонтерства [22; 34; 23; 29].

Многие некоммерческие организации сталкиваются с проблемой информирования общественности о чрезвычайных ситуациях, что снижает количество новых добровольцев. Анализ показал, что проблема заклю-

чается в некомпетентности работников фондов, занятых призывом новых волонтеров.

Ряд исследователей указывает на несовершенство законодательной базы, контролирующей права и обязанности волонтеров (А. В. Васильев, Н. Д. Воротнев, В. В. Бритвина, М. С. Демченко). Несмотря на ежегодные обновления законов, в области права не утихают споры, в том числе о необходимости минимальной оплаты труда по образцу зарубежных практик [9], обязательном страховании жизни, регулировании уровня допуска в зависимости от уровня знаний и опыта волонтера и информировании населения о ЧС с целью пропаганды волонтерства [19].

Также в качестве проблем, связанных с развитием добровольческих организаций в стране, выявлены низкое доверие к ним со стороны населения (П. В. Гурьянова). В качестве решения волонтерским организациям предлагается стать более прозрачными и подотчетными [18]. По сути речь здесь идет о распространенном в обществе стереотипе об «отмывании денег» через НКО, с которым должны бороться сами волонтерские организации.

Обзор статей по технологическому и цифровому оснащению волонтеров, занятых ликвидацией чрезвычайных ситуаций и поисково-спасательной деятельностью продемонстрировал, что внедрение новых технологий зависит от характера наиболее часто происходящих чрезвычайных ситуаций в разных странах: поиск в лесной местности – БПЛА; поиск в горной местности и пещерах – специализированные дроны; разрушения в городской среде – роботы-поисковики. Цифровые разработки в основном направлены на упрощение коммуникации между волонтерами, МЧС и общественностью, а также на сокращение времени поиска: нейросети для поиска людей на фотографиях местности, нейронное картографирование и моделирование местности поисков.

Представленные нами результаты свидетельствуют о том, что образовательные и подготовительные практики волонтеров для работы в условиях ЧС с каждым годом расширяются и профессионализируются, таким образом увеличивается эффективность добровольческой деятельности в сфере общественной безопасности. Однако существующие курсы всё ещё несовершенны и требуют дальнейшего изучения с целью их оптимизации и понимания специфики той работы и тех проблем, которые могут решать волонтеры с приобретенными знаниями и навыками. Также пристального внимания и дальнейшего исследования требуют цифровизация волонтерской деятельности и возможности применения современных технических средств волонтерами-спасателями, которые становятся акторами социально значимого гражданского движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Паклина Е. А.* Волонтерское движение как социально-культурный феномен российского общества // Вестник СПбГИК. 2019. № 2 (39). С. 111–115. DOI [10.30725/2619-0303-2019-2-111-115](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-111-115). EDN [JAWDXG](#).
2. *Чунин А. И., Бурлака А. В.* Особенности организации управления в чрезвычайных ситуациях в зарубежных странах // Теория и практика современной науки: сборник статей V Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 июня 2021 г.) / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : ООО «Наука и Просвещение», 2021. С. 239–242. EDN [CUTBAK](#).
3. *Гаврюшенко В. П., Перегудова Н. В., Тараканов Д. Ю.* Проблемные аспекты взаимодействия подразделений МЧС России с неорганизованными добровольцами (волонтерами) при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 4-х частях (Москва, 01 марта 2021 г.), Ч. II. Москва : Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2021. С. 210–214. EDN [FPLKYR](#).
4. *Башева О. А., Невский А. В.* Социально-демографический портрет волонтера, участвующего в реагировании на чрезвычайные ситуации // ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. С. 10–31. DOI [10.19181/INAB.2021.3.2](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2). EDN [KTMIUK](#).
5. *Воронина Н. С.* Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 87–107. DOI [10.19181/vis.2021.12.4.752](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752). EDN [ZAXXKD](#).
6. *Раицкая Л. К., Тихонова Е. В.* Обзор как перспективный вид научной публикации, его типы и характеристики // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 3-4. С. 131–139. DOI [10.24069/2542-0267-2019-3-4-131-139](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-131-139). EDN [NZINIC](#).

Сведения об авторах

А. А. Гречаная

магистр (социология),
лаборант-исследователь с высшим образованием
AuthorID РИНЦ: [1120589](#)

Д. А. Орлов

магистр (социология),
лаборант-исследователь с высшим образованием

У авторов нет конфликта интересов для декларации.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Scientific review

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.7)

EMERGENCY VOLUNTEERING: MODERN PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Anna Aleksandrovna Grechanaya¹

Dmitry Aleksandrovich Orlov²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ njuta-gel@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-9430-8097](https://orcid.org/0000-0001-9430-8097)

² weno1997@bk.ru,

ORCID [0000-0001-6165-0654](https://orcid.org/0000-0001-6165-0654)

For citation: Grechanaya A. A., Orlov D. A. Emergency volunteering: modern problems and development prospects. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):124–149. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.7).

Abstract. The article presents the results of a review of studies conducted in the period from 2020 to 2022 in the field of emergency volunteering. The purpose of the review is to identify relevant areas of research, describe the characteristics of rescue volunteers and the specifics of the work of volunteer organisations operating in the field of public safety. Particular attention was paid to the use of new digital and technical means in the work of volunteers. Rescue volunteering is the most specialised and skill-rich volunteering activity, and is also involves significant health risks, both physical and psychological. In this regard, the conclusion identified the main barriers to the development of emergency volunteering in Russia. The most pronounced and frequently raised topic remains the problem of effective interaction and competent communication between volunteers and employees of state rescue services.

Keywords: volunteering, volunteers, search and rescue volunteering, social and managerial problems, digital technologies

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10052 “Volunteering in emergency situations as a response to natural and man-made challenges in Russia”.

REFERENCES

1. Paklina Ye. A. Volunteer activities as modern Russian society phenomenon. *Vestnik SPbGIK=Bulletin of Spbgic*. 2019;2(39):111–115. (In Russ.). DOI [10.30725/2619-0303-2019-2-111-115](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-111-115).
2. Chudin A. I., Burlaka A. V. Features of the organization of emergency management in foreign countries. In: *Teoriya i praktika sovremennoj nauki: sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii*. Penza : Nauka i Prosvetshenie. 2021; p. 239–242. (In Russ.).
3. Gavryushenko V. P., Peregudova N. V., Tarakanov D. Yu. Problemic aspects of interaction of units of EMERCOM of Russia with inorganized volunteers (volunteers) when eliminating the consequences of emergencies in the Rus-

- sian Federation. In: Grazhdanskaya oborona na strazhe mira i bezopasnosti Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoj Vsemirnomu dnyu grazhdanskoj oborony. V chetyrekh chastyakh. Moskva. 2021; p. 210–214. (In Russ.).
4. Basheva O. A., Nevskij A. V. Russian volunteering in emergency: portrait, motives, activities. *Information and analytical bulletin (INAB)=INAB. Rossijskoe volontyorstvo v chrezvy`chajny`x situacijax: portret, motivy`, deyatel`nost`*. 2021;3:10–31. DOI [10.19181/INAB.2021.3.2](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2). (In Russ.).
 5. Voronina N. S. Motivating volunteers in emergencies. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;12(4):87–107. DOI [10.19181/vis.2021.12.4.752](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752). (In Russ.).
 6. Raitskaya L. K., Tikhonova E. V. Reviews as a promising kind of scholarly publications, their types and characteristics. *Nauchnyi Redaktor I Izdstel`=Science Editor and Publisher*. 2019;4(3-4):131–139. (In Russ.). DOI [10.24069/2542-0267-2019-3-4-131-139](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-131-139).

Information about the Authors

A. A. Grechanaya

Master of Sociology,
Senior Laboratory Assistant

D. A. Orlov

Master of Sociology,
Senior Laboratory Assistant

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 11.04.2023.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕМАТИКЕ НАУЧНОГО ОБЗОРА

1. *Ахметова К. И.* Как беспилотники помогают при поиске потерявшихся в лесу людей // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Волгоград, 24 октября 2022 г.) / Отв. ред. А. А. Сукиасян. Стерлитамак : АМИ, 2022. С. 136–139. EDN QXUQKY.*
2. *Багажков И. В.* Особенности управления и необходимость применения знаков сигнализации при чрезвычайных ситуациях (проведении поисково-спасательных работ) / *И. В. Багажков, С. Н. Никишов, П. Н. Коноваленко // Пожарная и аварийная безопасность. 2020. № 4 (19). С. 11–16. EDN MCHVKO.*
3. *Бахматова Т. Г.* Проблемы информационного обеспечения деятельности некоммерческих организаций по работе с волонтерами: общие тенденции и анализ кейса / *Т. Г. Бахматова, А. Е. Хроменкова // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31, № 2. С. 230–240. DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(2).230-240. EDN LYMHBL.*
4. *Башева О. А.* Социально-демографический портрет волонтера, участвующего в реагировании на чрезвычайные ситуации / *О. А. Башева, А. В. Невский // ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мо-*

- тивы, деятельность. 2021. № 3. С. 10–31. DOI [10.19181/INAB.2021.3.2](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2). EDN [KTMIUK](https://www.edn.ru/EDN/KTMIUK).
5. Башева О. А. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 1. С. 49–71. DOI [10.19181/vis.2020.11.1.625](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.625). EDN [ZBZIPH](https://www.edn.ru/EDN/ZBZIPH).
 6. Башева О. А. Цифровизация деятельности российских волонтеров в чрезвычайных ситуациях: влияние пандемии или самостоятельный тренд развития? / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 376–402. DOI [10.14515/monitoring.2020.6.1746](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746). EDN [SGOHRТ](https://www.edn.ru/EDN/SGOHRТ).
 7. Брешина В. Н. Волонтерство и ведомство спасателей и пожарных / В. Н. Брешина, И. В. Катаргина, Е. Е. Архипова, М. Г. Завидская // Актуальные проблемы пожарной безопасности : материалы XXXIII Международной научно-практической конференции, посвящённой Году науки и технологий (Москва, 12–16 мая 2021 г.) / Отв. ред. Е. Ю. Сушкина. Москва : ВНИИПО МЧС России. 2021. С. 74–82. EDN [BFZAEM](https://www.edn.ru/EDN/BFZAEM).
 8. Вакуленко С. В. Перспективы развития добровольных пожарных команд и дружин для реагирования на пожары и чрезвычайные ситуации / С. В. Вакуленко, С. В. Ильницкий, Ю. Ю. Осмонов // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Арктика – регион стратегических интересов: правовая политика и современные технологии обеспечения безопасности в Арктическом регионе : материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Онов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2020. С. 265–268. EDN [UPMMXO](https://www.edn.ru/EDN/UPMMXO).
 9. Васильев А. В. Оценка экономической эффективности затрат на разработку и поддержку информационной системы по поиску пропавших людей / А. В. Васильев, Н. Д. Воротнев, В. В. Бритвина // Актуальные проблемы международных экономических и финансовых отношений : сборник статей международной научно-практической конференции, приуроченной к дню финансиста (Москва, 08 сентября 2020 г.). Москва : АНО Центральный научно-исследовательский институт русского жестового языка, 2020. С. 110–118. EDN [RRTFMC](https://www.edn.ru/EDN/RRTFMC).
 10. Володченкова В. В. Особенности формирования спонтанного добровольчества при ликвидации наводнений / В. В. Володченкова, Р. Б. Володченков // Вестник ИЦБЖД. 2022. № 3 (53). С. 69–77. EDN [PODYQH](https://www.edn.ru/EDN/PODYQH).
 11. Воронина Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 4. С. 87–107. DOI [10.19181/vis.2021.12.4.752](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752). EDN [ZAXXKD](https://www.edn.ru/EDN/ZAXXKD).
 12. Воронина Н. С. Ценности волонтеров, работающих в условиях чрезвычайных ситуаций / Н. С. Воронина, А. А. Гречаная // ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. С. 56–64. DOI [10.19181/INAB.2021.3.5](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.5). EDN [HJXUXU](https://www.edn.ru/EDN/HJXUXU).
 13. Воронов В. А. Детерминанты развития волонтерства в контексте чрезвычайности // Вестник современных исследований. 2021. № 4-8 (42). С. 4–9. EDN [TRFCBH](https://www.edn.ru/EDN/TRFCBH).
 14. Гаврюшенко В. П. Образовательные мероприятия при подготовке добровольцев (волонтеров) в сфере охраны природы, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и обеспечения безопасности жизнедеятельности.

- тельности населения / В. П. Гаврюшенко, В. В. Володченкова // Современные исследования и инновации в науке и образовании : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 31 января 2022 г.) / Под ред. А. В. Туголукова. Москва : ИП Туголуков А. В., 2022. С. 145–150. EDN **CIDFSI**.
15. *Гаврюшенко В. П.* Отдельные вопросы охраны труда в деятельности добровольческих (волонтерских) организаций в области защиты населения и территорий от ЧС и обеспечения пожарной безопасности / В. П. Гаврюшенко, Н. В. Перегудова // Перспективы развития науки и образования : сборник научных трудов по материалам XXXI Международной научно-практической конференции (Москва, 31 марта 2021 г.) / Под ред. А. В. Туголукова. Москва : ИП Туголуков А. В., 2021. С. 214–220. EDN **SBEXBT**.
 16. *Гаврюшенко В. П.* Проблемные аспекты взаимодействия подразделений МЧС России с неорганизованными добровольцами (волонтерами) при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации / В. П. Гаврюшенко, Н. В. Перегудова, Д. Ю. Тараканов // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : Материалы V Международной научно-практической конференции, посвящённой Всемирному дню гражданской обороны. В 4-х частях (Москва, 01 марта 2021 г.), Ч. II. Москва : Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2021. С. 210–214. EDN **FPLKYR**.
 17. *Головина Л. А.* Обоснование характеристик беспилотной авиационной системы при ведении поисково-спасательных работ на заболоченных территориях / Л. А. Головина, А. С. Гордиенко, И. М. Ламков // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. Т. 4, № 1. С. 3–10. DOI [10.33764/2618-981X-2021-4-1-3-10](https://doi.org/10.33764/2618-981X-2021-4-1-3-10). EDN **VFDGMO**.
 18. *Гурьянова Л. В.* Роль некоммерческих организаций в устойчивом развитии сельских территорий (на примере Новосибирской области) // Актуальные проблемы экономики и управления АПК : материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов факультета экономики и управления Новосибирского ГАУ посвящённой Дню Российской Науки (Новосибирск, 08–12 февраля 2021 г.). Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2021. С. 32–35. EDN **BSNTPT**.
 19. *Демченко М. С.* Деятельность институтов гражданского общества в чрезвычайных ситуациях // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием (Тюмень, 22–23 октября 2021 г.) / Отв. ред. Л. В. Зайцева. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. С. 38–42. EDN **SYPDCE**.
 20. *Дыхан Л. Б.* Анализ особенностей организации защиты населения в чрезвычайных ситуациях в Италии / Л. Б. Дыхан, О. Фуртуна, Г. Е. Минько // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2020. № 2 (51). С. 40–43. EDN **RAQXVQ**.
 21. *Ермолаева Ю. В.* Волонтерские практики в мире и в России в первую волну COVID-2019 / Ю. В. Ермолаева, А. А. Гречаная, О. А. Башева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127–144. DOI [10.24412/2071-6141-2021-4-127-144](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-4-127-144). EDN **FFXJMP**.
 22. *Зайцева И. А.* Волонтерство как актуальное общественное движение современной молодёжи // Человек. Социум. Общество. 2020. № 1. С. 50–53. EDN **FTAESN**.
 23. *Кичерова М. Н.* Волонтерская деятельность как проявление социальной активности молодёжи / М. Н. Кичерова, В. М. Сурнина, В. М. Сурнина // Вест-

- ник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 52–70. DOI [10.21684/2411-7897-2021-7-3-52-70](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-3-52-70). EDN [NCHQKR](#).
24. *Князев А. А.* О работе добровольных спасательных формирований в Арктическом регионе / А. А. Князев, А. А. Смирнова // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Арктика – регион стратегических интересов: правовая политика и современные технологии обеспечения безопасности в Арктическом регионе : материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Онов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2020. С. 44–47. EDN [DFAQDD](#).
 25. *Корнилов К. В.* Применение беспилотных летательных аппаратов на службе МЧС России / К. В. Корнилов, А. Н. Бочкарев // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2020. № 1 (5). С. 335–337. EDN [RCBSYX](#).
 26. *Малый И. А.* Разработка системы информационного обеспечения в виде мобильного приложения для комплексной помощи населению в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / И. А. Малый, В. В. Булгаков, И. Ю. Шарабанова, О. И. Орлов // Современные проблемы гражданской защиты. 2020. № 2 (35). 2020. С. 61–71. EDN [GNVCLR](#).
 27. *Меренков А. В.* Мотивация волонтерской деятельности молодежи / А. В. Меренков, П. А. Хорова // Koinon. 2022. Т. 3, № 2. С. 106–118. DOI [10.15826/koinon.2022.03.2.019](https://doi.org/10.15826/koinon.2022.03.2.019). EDN [GLGWYP](#).
 28. Методическое обеспечение осуществления наставничества в системе МЧС России в отношении добровольцев (волонтеров) / В. В. Харин, О. В. Стрельцов, О. С. Маторина [и др.] // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2021. № 3 (22). С. 128–133. DOI [10.34987/vestnik.sibpsa.2021.70.32.018](https://doi.org/10.34987/vestnik.sibpsa.2021.70.32.018). EDN [NIECZL](#).
 29. *Мирошниченко О. Н.* Волонтерство в России: социологическое измерение // Государство и рынок: новые векторы развития : Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 11 февраля 2022 г.). Чебоксары : Издательско-полиграфическая компания «Новое время», 2022. С. 124–128. EDN [VBNTIZ](#).
 30. Организация взаимодействия МЧС России и добровольцев (волонтеров) / О. С. Маторина, О. В. Стрельцов, Т. А. Шавырина [и др.] // Актуальные проблемы пожарной безопасности : материалы XXXII Международной научно-практической конференции (Балашиха, 05–06 ноября 2020 г.) / Отв. ред. Е. Ю. Сушкина. Балашиха : ФГБУ ВНИИПО МЧС России. 2020. С. 92–98. EDN [ASBNNN](#).
 31. *Паклина Е. А.* Волонтерское движение как социально-культурный феномен российского общества // Вестник СПбГИК. 2019. № 2 (39). С. 111–115. DOI [10.30725/2619-0303-2019-2-111-115](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-111-115). EDN [JAWDXG](#).
 32. Психологические особенности взаимодействия участников волонтерских движений в процессе ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций / О. С. Маторина, Т. А. Шавырина, О. В. Стрельцов [и др.] // Гражданская защита: сохранение жизни, материальных ценностей и окружающей среды. Сборник материалов V Международной заочной научно-практической конференции (Минск, 1 марта 2020 г.). Минск : УГЗ, 2020. С. 128–131.
 33. *Пчелин И. Л.* Разработка БПЛА для поисково-спасательных операций и переброски грузов / И. Л. Пчелин, Е. А. Нартов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. Т. 1, № 9. С. 254–255. EDN [TAPTWT](#).

34. Ратникова О. Д. Разработка новых научно-практических подходов к организации добровольческой (волонтерской) деятельности в области пожарной безопасности / О. Д. Ратникова, Н. В. Перегудова, П. П. Кононко, Н. М. Илларионова // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2021. № 2 (8). С. 47–53. DOI [10.37657/vniipo.avpb.2021.68.34.007](https://doi.org/10.37657/vniipo.avpb.2021.68.34.007). EDN [SAIVHW](#).
35. Рогачева А. А. Мотивы участия молодежи в добровольческой деятельности в сфере общественной безопасности / А. А. Рогачева, О. В. Ковальчук // Передовое развитие современной науки как драйвер роста экономики и социальной сферы : сборник статей Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 08 апреля 2021 г.) / Под ред. И. И. Ивановской. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2021. С. 120–125. EDN [TJXQJR](#).
36. Сафронов Н. А. Возможности координации добровольцев в период ликвидации стихийных бедствий // Социально-экономические аспекты принятия управленческих решений : материалы шестого научного семинара (Москва, 28 февраля 2022 г.). Москва : Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2022. С. 303–308. EDN [YJRQKP](#).
37. Свентская Н. В. Роль общественных объединений волонтеров (добровольцев) в мероприятиях по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / Н. В. Свентская, Л. И. Ильеня // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 15 августа 2020 г.) / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 75–80. EDN [QPSTSN](#).
38. Середа К. А. Повышение эффективности поиска людей в экосистемах с использованием летательного аппарата в комплексе с тепловизионной техникой / К. А. Середа, О. Д. Навроцкий // Чрезвычайные ситуации: предупреждение и ликвидация. 2020. № 2 (48). С. 205–211. EDN [EBOZYF](#).
39. Талалаева Г. В. Опыт подготовки экстремальных волонтеров на примере проведения II Всероссийского образовательного форума «Мы – будущее МЧС России» // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. Москва : РОС ; ФНИСЦ РАН. 2020. С. 5440–5447. DOI [10.19181/kongress.2020.637](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.637). EDN [MHJHNP](#).
40. Тараканов А. Ю. Опыт привлечения неорганизованных добровольцев к мероприятиям по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / А. Ю. Тараканов, О. Е. Буевич // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2020. № 3 (7). С. 474–477. EDN [JRASUB](#).
41. Уханова Ю. В. Тенденции и барьеры развития добровольчества в городе Вологде / Ю. В. Уханова, К. Е. Косыгина, Е. Э. Леонидова // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 1. С. 2. DOI [10.15838/sa.2020.1.23.2](https://doi.org/10.15838/sa.2020.1.23.2). EDN [NEUJTX](#).
42. Фролова Н. А. Психологические аспекты управления деятельностью волонтеров-спасателей в экстремальных и чрезвычайных ситуациях // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2021. Т. 10, № 1 (53). С. 195–198. DOI [10.46548/21vek-2021-1053-0036](https://doi.org/10.46548/21vek-2021-1053-0036). EDN [DJIFZZ](#).
43. Холодкова Т. Е. Анализ опыта привлечения граждан Российской Федерации к участию в добровольческой (волонтерской) деятельности // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2020. № 3 (7). С. 525–531. EDN [KFYUNV](#).

44. Ценарева А. А. Ресурсный центр по подготовке добровольцев ЧС. Зачем он нужен Республике? // Проблемы обеспечения безопасности (Безопасность 2020) : материалы II Международной научно-практической конференции (Уфа, 08 апреля 2020 г.). Уфа : Уфимский государственный авиационный технический университет. 2020. С. 277–278. EDN **JTJMON**.
45. Чипурная П. В. Особенности ценностно-смысловой сферы добровольцев поисково-спасательных отрядов / П. В. Чипурная, Е. А. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 1. 2021. С. 103–117. DOI **10.21638/spbu16.2021.107**. EDN **QXVGXI**.
46. Чунин А. И. Особенности организации управления в чрезвычайных ситуациях в зарубежных странах / А. И. Чунин, А. В. Бурлака // Теория и практика современной науки: сборник статей V Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 июня 2021 г.) / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : ООО «Наука и Просвещение», 2021. С. 239–242. EDN **CUTBAK**.
47. COMPRA: A COMPact Reactive Autonomy Framework for Subterranean MAV Based Search-And-Rescue Operations / B. Lindqvist, C. Kanellakis, S. S. Mansouri [et al.] // Journal of Intelligent & Robotic Systems. 2022. № 105. DOI **10.1007/s10846-022-01665-6**.
48. Development of a continuum robot enhanced with distributed sensors for search and rescue / Y. Yamauchi, Y. Ambe, H. Nagano [et al.] // Robomech. 2022. Vol. 9, № 8. DOI **10.1186/s40648-022-00223-x**.

УДК 316.74
DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.8)
EDN: [IGPGGI](https://edn.org/IGPGGI)

Рецензия

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.

(РЕЦ. НА МОНОГРАФИЮ: АНДРЕЕВ А. Л. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ:
СИСТЕМА, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ. М. : ИЗДАТЕЛЬСТВО МЭИ, 2022. 452 С.)

Елена Георгиевна Гешева

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия,
elenagesheva@yandex.ru,
ORCID [0000-0003-3388-9072](https://orcid.org/0000-0003-3388-9072)

Для цитирования: Гешева Е. Г. Российское образование в историко-социологической перспективе. (Рец. на монографию: Андреев А. Л. Российское образование в Пушкинскую эпоху: система, институциональная структура, социокультурные среды. М. : Издательство МЭИ, 2022. 452 с.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 150–163. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.8). EDN [IGPGGI](https://edn.org/IGPGGI).

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения монографии А. Л. Андреева «Российское образование в Пушкинскую эпоху: система, институциональная структура, социокультурные среды». Монография А. Л. Андреева привлекает внимание тем, что развитие образования в России первой половины XIX в. показано в ракурсе историко-социологического подхода, что позволяет выявить глубинные закономерности развития социокультурной и интеллектуальной среды, продемонстрировать связь культурной среды российского общества первой половины XIX в. с развитием образовательных практик и институтов. Автор на большом историческом материале демонстрирует роль образования как ключевого фактора социальной и культурной динамики.

В рецензии анализируются основные темы монографии. Особое внимание уделяется влиянию образования на такие качественные характеристики социума, как «духовная атмосфера», «креативная среда», «новая интеллектуальная среда». Прослеживается формирование институциональной основы образования. Особое внимание рецензентом обращается на формирование новой для того времени идеологии образования, когда образованию придавался характер государственного проекта, требовавшего планомерных государственных решений. Вслед за автором рецензент размышляет об уникальном характере складывающейся университетской системы, о вкладе России в мировые достижения теории и практики образования.

Научный потенциал рецензируемой монографии состоит в том, что автор даёт глубокий социологический анализ изменений российского социума той эпохи: развитие новых социальных практик, социальных институтов, зарождение гражданского общества, формирование новых социокультурных и интеллектуальных сред.

© Гешева Е. Г., 2023

Ключевые слова: образование, институциональная структура, интеллектуальные среды, жизненный мир, социокультурная модернизация, гражданское общество

Жанр монографии А. Л. Андреева «Российское образование в Пушкинскую эпоху» равным образом может быть отнесён и к историко-социологическим, и к культурологическим исследованиям. Это междисциплинарный анализ образования как системообразующего основания и базовой ценности социума в поворотный момент развития русской культуры. Читатель, интересующийся проблемами образования, знаком с работами Андреева, каждая из которых – заметное явление в исторической социологии образования. Отметим, что именно социологический взгляд на историю образования придаёт исследованиям этого автора глубину и обоснованность, позволяет выявить общесоциологические закономерности.

Обозначенные хронологические рамки исследования – заявка на нечто большее, чем простое перечисление реформ в сфере образования. Это некое обязательство, которое автор, как чувствуется, с удовольствием принимает, – показать взаимосвязь уникальной культурной среды российского общества первой половины XIX в. с шагами в развитии образовательных практик и институтов. Этот период – особый в русской истории не только потому, что гений Пушкина одарил то время своим присутствием, но и потому, что создаётся уникальная интеллектуальная среда российского социума, формируются новые общественные настроения, ценности, особый эмоциональный фон и поведенческие практики. Достижения той эпохи не тускнеют со временем, а их подлинная значимость лишь проясняется, предстаёт в качестве «парадигмального социокультурного образца», по удачному выражению автора. Действительно, «Пушкинская эпоха – это не только начало расцвета русской словесности, когда окончательно вырабатывается русский литературный язык, это также и время интеллектуального становления той новой плеяды учёных и деятелей образования, которые положили начало мировому признанию отечественной науки» (1, с. 7). Это время творческой свободы, интеллектуального и художественного «рывка в будущее», задела культурного фундамента российского социума.

А. Л. Андреев справедливо отмечает, что история образования чаще всего представлена в нашей литературе как описание различных аспектов развития образовательных практик – будь то анализ учебных уставов, университетской жизни, частного преподавания, женского образования, развитие школьных учреждений в различных регионах России (1, с. 12). Но для глубокого социологического анализа функций и эвристических возможностей образования как социального института такой

сугубо исторический подход совершенно недостаточен. Требуется общая картина широкого общественного культурного фона, дающего возможность соотнести эмпирическое поле истории с социологией культуры и общей теорией исторического процесса. Не констатация отдельных государственных и частных образовательных инициатив, а внимание к новой картине социума.

Вместе с тем под влиянием прочитанного отмечу – здесь мы найдём и насыщенную историческую канву, во многом уточняющую и даже меняющую привычную стереотипизированную картину, – эрудиция автора позволяет читателю ознакомиться с новыми интересными деталями, именами (или забытыми, или несправедливо односторонне представленными). Но главным достоинством работы является то, что социологический взгляд позволяет схватить общий смысл, выявить новые тенденции, показать, если можно так выразиться, надсобытийную канву, интенциональность общественного развития.

Не нуждается в обосновании утверждение, что образование – фактор Большой истории. Правда, с точки зрения социологического подхода здесь возникают определённые вопросы. Какие же? Достаточно легко проиллюстрировать роль образования как фактора экономического роста. Для этих целей существует целая система индикаторов (например, индикатор связи экономического роста и продолжительности образования). Впрочем, попутно отметим, что и эти индикаторы не всегда работают, они вариативны в отношении различных типов культур. Но как измерить влияние образования на такие качественные характеристики социума, как «духовная атмосфера», «креативная среда», «новая интеллектуальная среда», «новая почва культуры» и т. п.? Понятно, что дать количественное измерение влиянию образования на эти «тонкие материи» весьма затруднительно. Хотя конкретного статистического материала вполне достаточно – внимательный читатель найдёт впечатляющие цифры роста общего числа грамотных, числа лицеев, училищ и гимназий и т. п. Но смысловой отсыл именно к пушкинской эпохе заставляет искать примеры влияния образования в иной плоскости – в появлении новых культурных практик, достижениях музыки, поэзии, литературы. Автор на огромном историческом материале иллюстрирует, как образование, этот системообразующий институт нации, подтягивает и зачастую «вытягивает» всю сложную цепь общественных отношений, играет роль ключевого фактора социальной и культурной динамики (1, с. 34). Теряет ли своё значение статистика роста народных училищ и другие чисто количественные показатели? Отнюдь. Иллюстрации связи образования и культурной динамики общества рассматриваются как разноуровневые, но взаимно подпитывающие друг друга пласты общества «разного уровня залегания».

Монография состоит из 13 глав. Отметим некоторые узловые моменты. Первая глава монографии «Имперское просвещение и русское общество на рубеже XVIII – XIX столетий». Это время хронологически совпадает с началом царствования Александра I. «Дней Александровых прекрасное начало», продолжая петровские инициативы и видоизменяя их в духе времени, создавало достаточно оптимистичные, хотя зачастую и иллюзорные ожидания общества.

Какие новые тенденции в развитии образовании начала XIX в. можно отметить? Прежде всего, это формирование новой для тогдашней России идеологии образования, когда развитие образования понимается уже как государственная задача, требующая планомерных государственных решений.

Правительство, по сути дела, впервые в русской истории выдвинуло в качестве цели не подготовку известного количества профессионально обученных людей – активных, деловых, компетентных (в чём состоял «государственный заказ» петровского времени), а достижение определённого образовательного уровня широких социальных слоёв (1, с. 19). Для реализации этих целей ставилась задача формирования целой сети университетов – речь идёт о так называемом «университетском проекте». Забегая вперёд, отметим, что он не был вполне реализован. Но беспрецедентная по масштабу государственная образовательная инициатива впечатляет. Старые и вновь создаваемые университеты выступали как культурные кластеры, как «паруса», вели в ту страну, куда хотелось приплыть... Влияние университетов на общественную жизнь многопланово и неоспоримо, что аргументированно показано в монографии. Пример. Университеты, наряду с традиционными функциями, способствовали и развитию языковой среды общества. Университетская практика начала XIX в. предполагала обучение на русском языке. А ведь это начало длинной цепочки, вытягивающей целую цепь последствий, смысл которых проявился не сразу. На русском языке, по меткому замечанию автора, стало возможным говорить на самые сложные и отвлечённые философские темы, выражать тончайшие оттенки мысли, которыми люди пушкинской эпохи могли воспользоваться как уже готовым, подаренным им богатством (1, с. 25).

Появляются и новые формы социальной коммуникации – интеллектуальная дружба, художественные занятия, распространяются увлечения музыкой, литературой, театром, собиранием предметов старины. Это способствовало «конструированию» нового типа индивидуальности, возникновению новых психотипов – тонко чувствующих, способных к саморефлексии, наделённых эстетическим вкусом, широкими гуманитарными запросами. Разумеется, речь идёт об образованном дворянстве, но за ним тянется и часть городского населения.

Хорошей иллюстрацией к новым формам интеллектуальной организации в пушкинскую эпоху является глава «Интеллектуальная среда “образованного общества”». Каковы же эти формы? Они разнообразны. Прежде всего, это дозволенные правительством «вольные» и «дружеские» сообщества научной, литературной и просветительской направленности, которые становились своего рода «пунктами прикрепления» и, добавим мы, «пунктами сборки» элементов интеллектуальной среды (1, с. 293).

Примечательно, что различные учёные и просветительские ассоциации были не только в столицах, но и в Казани, Ярославле, Харькове, Риге, Виннице – своего рода культурных центрах, проявивших себя на разных направлениях интеллектуальной деятельности – в словесности, в изучении истории, в краеведческих исследованиях и др. Что это, как не культурный базис объединения страны?

В этой же связи нельзя не упомянуть и о неформальных творческих содружествах и собраниях – т. е. о всевозможных кружках, которые стали распространённой практикой в то время. Фокус тем этих неформальных интеллектуальных объединений широк – это и интерес к самым глубоким философским проблемам (русское гегельянство нашло свою почву не только в университетских аудиториях), и сравнительное изучение культур, что не могло не формировать вопросов об осмыслении исторического пути России, её будущего. В этих собраниях кипит живая жизнь, столкновение различных мнений, поиски, дискуссии (1, с. 299).

Общество (конечно, прежде всего, дворянское) почувствовало вкус интеллектуального диалога, когда требовалось не только внимать голосу авторитетов, но каждый мог активно участвовать в этом творческом многоголосье, где все – равные собеседники, где возможно интеллектуальное соперничество. Излишне говорить, что это участие предполагает и достаточно высокий уровень образованности – он нужен и для неформальных диспутов, и в салонной беседе, и на дружеской пирушке.

Автор пишет, что всех объединяла общая увлечённость литературой и новейшими веяниями мысли. При этом формирующаяся вокруг университета интеллектуальная среда не была отделена от столичного общества, а была своего рода его продолжением: зачастую споры переходили из светских салонов на университетские кафедры и наоборот (1, с. 299). Так складывается культурная традиция «золотого века» русской литературы, отозвавшаяся звонким эхом десятилетия спустя.

Прекрасной иллюстрацией к сказанному может служить Царскосельский лицей. Педагогические новации и принципы организации учебного процесса (запрет на физические наказания, индивидуальный подход к обучению, тесный неформальный контакт преподавателей и лицеистов) способствовали формированию в лицейстах внутренней свободы,

независимости ума, творческой индивидуальности, создавали атмосферу интеллектуальной дружбы. Царскосельскому лицу суждено было стать альма-матер целой плеяды выдающихся деятелей России, среди которых, помимо А. С. Пушкина, надо отметить крупнейшего русского дипломата, многолетнего министра иностранных дел Российской империи князя А. М. Горчакова. Впоследствии Царскосельский лицей также окончили знаменитый писатель Н. Е. Салтыков-Щедрин, известный русский философ Н. Я. Данилевский, общественный деятель и крупный педагог Н. А. Корф, министры М. Х. Рейтерн, Н. К. Гирс и Д. А. Толстой.

Автор с полным правом подчёркивает, что самый главный итог, с которым российское образование и наука завершали XVIII и входили в XIX столетие, – это не столько учреждения как таковые, сколько интеллектуальный человеческий капитал, образованные люди, яркие индивидуальности, которые задают уровень и стиль, особенно, конечно, в столицах, но и не только.

А. Л. Андреев затрагивает не новый, но по-прежнему актуальный вопрос о корнях, моделях и самобытности наших университетских структур. В исследовательской среде часто возникают споры по поводу того, какой модели следовали создатели отечественной школы высшего образования. Ведь, как известно, даже М. В. Ломоносов ориентировался на уже существовавшие образцы европейских университетов. Приходят на ум слова В. Г. Белинского, писавшего, что русская литература – не туземное, а пересаженное растение – мысль, с которой хочется спорить. А как обстояло дело с университетами?

Известно, что высшее образование у нас возникает не из университетской средневековой среды, а из утилитарно ориентированных учебных заведений, востребованных практикой модернизационных петровских реформ.

В Европе логика была иной – университеты имели длинную историю. Как известно, к XIX в. там сложилось несколько моделей высшего образования. Французская – с её всеобъемлющим государственным контролем, системой Больших школ, нацеленных на формирование утилитарных профессиональных качеств, с достаточно жёстким бюрократическим контролем. По существу, модель антиуниверситетская, поскольку сама идея университета ассоциировалась с монархической системой, крайне непопулярной в то время. Германская модель классического гумбольдтовского университета с его плодотворной идеей единения образовательной и исследовательской деятельности – идея «обучающей науки». Вспомним, что не преподаватель для студента, и не студент для преподавателя, а они оба – для науки. Несколько обособленно стояла

английская университетская система с определённой независимостью от государственного контроля (что было характерно для многих континентальных университетов), со значительной ролью церкви, с акцентом на развитие индивидуальных личностных качеств, а не только и не столько на приобретение набора определённых знаний.

Какую же модель можно считать нормативной для университетской системы России и сложилась ли у нас собственная система высшей школы?

А. Л. Андреев не настаивает на «особости» русского пути, уникальности российской системы образования, да это и трудно было бы сделать, учитывая общеевропейский контекст развития университетов. Но он и не разделяет взгляд на российскую систему образования как на заимствованный проект. Россия не пошла по пути относительно свободных германских университетов – как известно, руководство университетами в России было прерогативой государства. Но и не разделила практику Франции и Австрии, где государственный контроль был на порядок жёстче. Российское образование демонстрирует не просто срединный путь между германской и французской моделью, а собственное уникальное сочетание, баланс, пригодный именно для российской ситуации (1, с. 162). Более того, А. Л. Андреев доказательно подчёркивает, что к началу XIX в. в России сложилась своя, во многом уникальная и при этом достаточно эффективная система управления образованием – не являющаяся ни робким ученичеством и подражательством, ни тем более слепым копированием.

Правда, следуя историческим фактам, автор упоминает и противоположную точку зрения. В частности, мнение такого авторитета, как Н. М. Карамзин, утверждавшего, что на российской почве, где образование ещё не стало самоценностью, попытка расширения университетского образования едва ли может быть успешной и самостоятельной, поскольку в обществе не сложился запрос на университетское образование. Действительно, а был ли он в России? Безусловно, был. Он формировался по ходу действия, в логике модернизационных реформ «сверху», выступая и как следствие, но зачастую и как самостоятельный побудительный стимул. Вспомним пушкинское «и в просвещении быть с веком наравне...».

Главное же – ростки формирующихся образовательных сред (самых разных – от университетов до училищ) – это семена, упавшие на благоприятную почву, они проросли обильными плодами, пусть и несколькими десятилетиями позднее.

Впрочем, в пользу самобытности собственных образовательных достижений можно привести конкретные примеры в качестве эмпирической

иллюстрации. Так, впечатляют достижения русской педагогики, которая несколькими десятилетиями позднее приобретёт характер самобытной педагогической школы высокого уровня с такими блестящими именами, как К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой. Да и ранее оригинальные педагогические идеи высказывались и применялись на практике уже и в начале XIX в. Так, на рубеже XVIII и XIX вв. стала применяться очень интересная концепция преподавания математики в рамках трёх последовательных концентрических кругов, принадлежащая С. Е. Гурьеву, оригинальные методические подходы к медицинскому образованию и, как это особо подчёркивает автор, самобытная русская традиция художественного образования (1, с. 46).

Обобщая, отметим, что создание системы народных училищ и частичная реализация университетского проекта составляли наиболее значимые достижения начала XIX в. Автор во второй главе «Институциональный дизайн образования» показывает, как формировались институты образования. С точки зрения социологического подхода важно подчеркнуть, что формирование институтов образования – это весьма убедительный пример того, как структурные преобразования способствуют выполнению функций образования социального института.

Дело образования отныне – не инициатива частных лиц, не индивидуальные проекты (хотя таковых было множество), а создание нового институционального каркаса, образовательных «лесов» общества. Достаточно упомянуть, что такой специализированный управленческий орган, как Министерство образования, был создан в России раньше многих государств Европы.

Конечно, следует признать, что такие, пусть и масштабные проекты не изменили общего уровня образования народных низов, но, как представляется, следует оценивать эти начинания в разных «оптиках». Думается, если мы окунёмся в мир статистических выкладок, фиксирующих возможность и реальность получения образования в ту эпоху, то речь пойдёт о многочисленных цензах и ограничениях, которые естественны для конкретных исторических реалий. Это, пожалуй, добавит скепсиса описанию общего процесса. Если мы, напротив, будем анализировать ситуацию с точки зрения приближения к идеалу социальной миссии Просвещения, то это будет констатация очевидного прогресса. И наконец, если мы будем говорить об интеллектуальной, духовной атмосфере пушкинской поры, то мы перенесёмся из мира статистики к широкому культурологическому анализу, где убеждают не цифры и проценты, а складывающиеся и действующие, зачастую латентно, тенденции.

Например, как справедливо отмечает А. Л. Андреев, развитие образования создавало предпосылки для процесса кристаллизации новой

российской элиты, который проходил с активным и во многом определяющим участием дворянского элемента, но уже не на узкой сословно-дворянской основе. Одним из примечательных продуктов данного процесса стало формирование особой социальной группы, получившей впоследствии название интеллигенции (1, с. 95).

В связи с этим А. Л. Андреев затрагивает интересный аспект, который практически не рассматривается в историко-социологической литературе. Так, создаваемые российскими меценатами профессиональные училища для людей «низшего состояния» способствовали преодолению разрыва европеизированного дворянства и «почвенного низшего класса», носителя аутентичного сознания.

На примере реализации различных образовательных инициатив прослеживаются ростки самоорганизации социума, что было совершенно новым для российского общества. Традиционно для России в развитии образования была велика роль государства. Так было и в XVIII столетии, эта же линия прослеживается и в XIX в. Но всё более отчётливо проявляется тенденция к росту общественных инициатив, к крупным общественным начинаниям. Усилия государства дополнялись просветительской деятельностью церкви и религиозных общин, индивидуальной предприимчивостью содержателей частных пансионатов и щедростью отдельных меценатов. В качестве примеров можно упомянуть создание Коммерческого училища на средства владельца уральских горных заводов Прокофия Демидова, Горного училища на средства рудопромышленника Исмагила Тасимова, Шкловского благородного училища на средства екатерининского фаворита Семёна Зорича (1, с. 120). На средства пожертвователей в Москве в 1804 г. открывается Московское коммерческое училище. Такие примеры были не единичны. Активная инициатива частных лиц, меценатов по учреждению училищ, лицеев способствовала вариативности образования, усложнению образовательного пространства. С основанием можно говорить о том, что эти инициативы, подкреплённые немалыми экономическими средствами, – это проявление формирующегося гражданского общества в России первой половины XIX столетия.

Общую линию на развитие образования в XIX столетии нельзя описать как линейный процесс восходящего развития. Известно, что после либеральных реформ Александра I идёт постепенный поворот к консервативной политике в области образования, равно как и в других сферах. В литературе консервативный поворот чаще всего связывается с реакцией на выступление декабристов, распространением вольнодумства, причины которого виделись в том числе и в следовании идеалам Просвещения. Идеологической подоплёкой являлась концепция «избыточного знания», согласно которой не всегда развитие наук и образования приносит

пользу обществу, а излишек либеральных идей скорее вреден, чем полезен. Да и пример Франции убеждал консервативно ориентированную элиту в правильности отхода от либеральных реформ.

Следует особо отметить, что автор, в свойственной ему манере отказа от однозначной категоричности суждений, не определяет смысл консервативного поворота как безусловно реакционного явления. Он подчёркивает многовекторность и альтернативность, множественность, если можно так выразиться, «консерватизмов». Консервативный поворот может быть истолкован с разных позиций – и как догматический отход от достижений образовательной политики, но и как стремление поставить образование на почву соответствия национальному характеру. И в практике образования он может проявляться в разных ипостасях. Именно с точки зрения реализации национально-консервативных начал, отказа от низкопоклонства перед Западом определяет автор, например, деятельность А. С. Шишкова, занимавшего пост министра народного просвещения в конце царствования Александра I и в первые годы царствования Николая I.

Такой подход актуализирует просветительскую роль Русской православной церкви. В рамках образовательной реформы 1800-х гг. именно на церковь и церковный приход возлагалась организация элементарных школ для народа, в особенности в сельской местности (1, с. 199).

Вместе с тем автор признаёт, что многие существенные тенденции и административные инициативы в образовательной политике, проявившиеся уже вскоре после окончания наполеоновских войн и ещё сильнее после восстания декабристов, как ни толкуй, замедлили ход образовательного движения. Это и реорганизация Министерства народного просвещения, соединение образования и религиозного, духовного воспитания, отмена университетской автономии, более жёсткий контроль государства. Вводились новые дисциплинарные порядки, усиливались сословные размежевания.

Автор уделяет большое внимание отдельным аспектам развития образовательной системы – военному образованию, учебно-воспитательным учреждениям, не имевшим аналогов в практике других стран, женскому образованию. Всё это – значимые сегменты в общей картине образования.

Так, очень интересна глава о развитии военного образования. Создаваемые военные училища становились не только местом подготовки квалифицированных военных кадров, но и культурно-просветительскими центрами в провинции и на национальных окраинах.

Темой отдельного исследования могла бы стать история женского образования в России. Не сказать, чтобы эта тема была обойдена вниманием в литературе – вспомним Ю. Лотмана, утверждавшего, что именно образованные женщины воспитали новое свободомыслящее поколение России того

времени. Объём наших заметок не предполагает углублённого рассмотрения этого аспекта работы, но заинтересованный читатель не будет разочарован глубоким авторским историко-социологическим анализом этой темы.

Общим выводом из весьма многопланового исследования является утверждение, что с развитием «образованного общества» в российскую жизнь входит целый ряд новых моментов, формируется новая интеллектуальная и – шире – социальная среда (1, с. 309). Меняется многое – и ценностные приоритеты, и новые подходы к воспитанию детей, и взгляды на социальное достоинство личности. У «образованного сословия», как метко называет А. Л. Андреев новую неформальную статусную позицию, формируются типичные российские идеи «долга перед народом» – предтечи славянофильства и народничества (1, с. 309).

Завершает монографию глава «Промышленный переворот и развитие образования». Как мы знаем, особенностью возникновения русской образовательной среды было её практически ориентированное развитие, связь с жизненными, утилитарными потребностями. Это был петровский заказ не на отвлечённую интеллектуальную учёность, а на практическую компетентность, полезность – модернизационный запрос того времени.

В начале XIX в. приоритеты несколько изменились. В России уже вполне сложился тип классического университета и классической гимназии. Он базировался на теории формального образования, когда ставка делалась не столько на получение практически полезных знаний, сколько на развитие интеллектуальных способностей, развитие мышления. Более важным считалось развитие «инструмента», с помощью которого приобретаются знания, чем получение конкретной профессиональной компетенции. Считалось, что наилучшим способом с этой задачей справляются древние языки (латынь, по меткому выражению, – «гимнастика для ума»). С точки зрения классических подходов теория формального классического образования смотрела как бы «поверх» практической утилитарности и представляла собой метаобразование. Жизнь вместе с тем диктовала задачу развития и практически ориентированной профессиональной системы. «Дельный человек» требовался не в меньшей степени, чем во время петровских реформ. Особенно отчётливо эта тенденция проявила себя в годы царствования Николая I. Теперь речь идёт о необходимости массовой подготовки специалистов, востребованных и в государственном управлении, и в промышленности, и в аграрном секторе (1, с. 351). И хотя в это время Россия только начинала путь по стезе промышленной модернизации, образовательные практики переориентировали свой уклон с общегуманитарной подготовки к «реальному» типу профессиональной компетенции. Автор даёт развёрнутую картину шагов, которые предпринимались в этом направлении.

Что можно отметить в качестве несомненного достоинства этой работы? Во-первых, то, что в исследовании затронуты многообразные аспекты образования и – шире – всей культурной жизни России того времени. Показана не только событийная канва, но и динамика умонастроений, смена стилей деятельности, новые культурные горизонты, что вкупе создавало условия для интеллектуального и культурного подъёма. А. Л. Андреев отмечает, что импульс, который развитие образования получило в начале XIX в., во многом предопределил и «золотой век» русской культуры, и «великие реформы» 1860-х гг., и стремительный расцвет отечественной науки середины XIX столетия (1, с. 373). Кроме того, автор аргументированно демонстрирует (и, заметим, этот аспект в литературе часто несправедливо обойдён вниманием), что в деле развития новых образовательных практик солирует уже не только государство, а проявляется растущая активность гражданского общества, частные инициативы, действуют механизмы гражданской самоорганизации.

Время сбывшихся и несбывшихся надежд, множество исторических миниатюр, единичных явлений и глубоких социологических обобщений, иными словами – интеллектуальная реконструкция жизненного мира первой половины XIX в. – всё это предмет размышлений автора.

Книга будет читаема и востребована и теми, кто хотел бы увидеть пушкинскую эпоху глазами социолога, и теми, кто за цифрами и конкретными событиями желал бы почувствовать живую ткань новых интеллектуальных и культурных сред, поведенческих практик, эмоций, стилей, отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. Л. Российское образование в Пушкинскую эпоху: система, институциональная структура, социокультурные среды. М. : Издательство МЭИ, 2022. 452 с. ISBN 978-5-7046-2605-3.

Сведения об авторе

Е. Г. Гешева

кандидат философских наук, доцент,
доцент

AuthorID РИНЦ: **1198049**

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Review

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.8)

**RUSSIAN EDUCATION IN THE HISTORICAL
AND SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE.**

(REVIEW OF THE MONOGRAPH: ANDREEV A. L. RUSSIAN EDUCATION IN THE PUSHKIN ERA: SYSTEM,
INSTITUTIONAL STRUCTURE,
SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENTS.
MOSCOW: PUBLISHING HOUSE OF MPEI; 2022, 452 P.)

Elena Georgievna Gesheva

National Research University Moscow Power Engineering Institute,
Moscow, Russia,

elenagesheva@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-3388-9072](https://orcid.org/0000-0003-3388-9072)

For citation: Gesheva E. G. Russian education in the historical and sociological perspective. (review of the monograph: Andreev A. L. Russian education in the pushkin era: system, institutional structure, socio-cultural environments. Moscow: Izdatel'stvo MEI; 2022, 452 p.) *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):150–163. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.8).

Abstract. The article discusses the main provisions of the monograph by A. L. Andreev “Russian education in the Pushkin era: system, institutional structure, socio-cultural environments”. The monograph of A. L. Andreev attracts attention by the fact that the development of education in Russia in the first half of the 19th century is shown from the perspective of a historical and sociological approach, that allows to reveal the deep patterns of development of the sociocultural and intellectual environment, to demonstrate the connection between the cultural environment of Russian society in the first half of the 19th century with the development of educational practices and institutions. The author, using extensive historical material, demonstrates the role of education as a key factor in social and cultural dynamics. The review analyses the main topics of the monograph. Particular attention is paid to the influence of education on such qualitative characteristics of society as “spiritual atmosphere”, “creative environment”, “new intellectual environment”. The formation of the institutional basis of education is traced. The reviewer pays special attention to the formation of a new for that time ideology of education, when education was given the character of a state project that required systematic state decisions. Following the author, the reviewer reflects on the unique nature of the emerging university system, on Russia’s contribution to world achievements in the theory and practice of education. The scientific potential of the monograph under review lies in the fact that the author gives a deep sociological analysis of the changes in the Russian society of that era: the development of new social practices, social institutions, the emergence of civil society, the formation of new sociocultural and intellectual environments.

Key words: education, institutional structure, intellectual environments, life world, socio-cultural modernisation, civil society

REFERENCES

1. Andreev A. L. Russian education in the Pushkin era: system, institutional structure, socio-cultural environments. Moscow : Izdatel'stvo MEI; 2022. 452 p. ISBN 978-5-7046-2605-3.

Information about the Author

E. G. Gesheva

Candidate of Philosophy,

Associate Professor

Scopus AuthorID: **57195836124**

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 11.05.2023.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года

ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор

Горшков М. К.

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – Мозговая А. В.

Заместитель главного редактора – Кравченко С. А.

Заведующая редакцией – Зорина А. Е.

Научные редакторы: Камышан В. В. Кофанова Е. Н., Савоськина А. П.

Технический редактор: Ломантёрова С. И.

Оригинал-макет; верстка: Чичилов Е. В.

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2023. Том 11, № 2. Дата выхода в свет 23.06.2023.